

Министерство внутренних дел Российской Федерации
Тюменский институт повышения квалификации
сотрудников МВД России

**ЗАЩИТА ЧЕСТИ И ДОСТОИНСТВА СОТРУДНИКОВ
ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ: СОЦИАЛЬНО-ПРАВОВЫЕ
И ИДЕОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ**

Монография

Тюмень
2016

Рекомендовано редакционно-издательским советом
Тюменского института повышения квалификации сотрудников МВД России

Рецензенты:

Московский университет МВД России;
начальник кафедры гражданско-правовых дисциплин
Белгородского юридического института им. И.Д. Путилина
кандидат юридических наук, доцент, полковник полиции *Р.Н. Шалайкин*

Авторский коллектив:

Е.Г. Комиссарова, д-р юрид. наук, профессор – введение, §§ 1, 2 гл. 1 раздела I, гл. 3, § 1 гл. 5 раздела II, заключение; *К.С. Боуш*, канд. юрид. наук, доцент – § 1 гл. 2 раздела I (в соавт. с М.В. Доцкевичем); *М.В. Доцкевич*, канд. юрид. наук, доцент – § 1 гл. 2 раздела I (в соавт. К.С. Боуш); *А.В. Зарубин*, канд. юрид. наук, доцент – § 2 гл. 5 раздела II (в соавт. с С.Д. Захарчуком), § 3, 4 гл. 5 раздела 2; *С.Д. Захарчук* – § 2 гл. 5 раздела II (в соавт. с А.В. Зарубиным); *С.И. Иванова*, канд. юрид. наук, доцент – гл. 4 раздела II; *А.В. Осинцева*, канд. психол. наук – §§ 2, 3 гл. 2 раздела I; *А.И. Числов*, д-р юрид. наук, профессор – § 3 гл. 1 раздела I.

3-40 Защита чести и достоинства сотрудников органов внутренних дел: социально-правовые и идеологические аспекты: монография / под ред. Е.Г. Комиссаровой. Тюмень: Тюменский институт повышения квалификации сотрудников МВД России, 2016. 172 с.

ISBN 978-5-93160-240-0

В монографии представлено комплексное общетеоретическое исследование межотраслевой проблемы защиты права сотрудника органов внутренних дел на честь и достоинство. Цель исследования заключается в привнесении ясности и понятийной определенности в процесс использования таких нравственно-этических единиц, как «честь и достоинство сотрудника органов внутренних дел» и «право на защиту чести и достоинства сотрудника органов внутренних дел». Авторы разграничили случаи словоупотребления понятий «честь» и «достоинство» для целей нормирования служебного поведения сотрудника и целей защиты права на честь и достоинство как неотделимого от личности человеческого блага.

Право на защиту чести и достоинства сотрудника ОВД анализируется в общеправовом контексте защиты прав любой личности как гарантированное и обеспечиваемое государством право на неприкосновенность ее нематериальных благ. Это соответствует идеологии современного законодательства, предусматривающего специальные случаи такой защиты только в ситуациях, создающих препятствия для осуществления законной деятельности сотрудника в части обеспечения государственной и общественной безопасности. Применительно к гражданско-правовой юрисдикции затронуты общие для всех восстановительные и компенсационные способы защиты права на честь и достоинство. В рамках административной юрисдикции исследованы общественно вредные деяния, порицаемые государством, для целей защиты личных благ «всех и каждого». В границах уголовной юрисдикции авторы исследовали как общие, так и специальные нормы, направленные на публично-правовую защиту права сотрудника органов внутренних дел на честь и достоинство, включая те запреты, которые учитывают особый правовой статус сотрудника как государственного служащего.

Издание предназначено для курсантов, слушателей, адъюнктов образовательных организаций МВД России, научных работников, преподавателей, сотрудников органов внутренних дел и всех тех, кто не безразличен к вопросам социальной ценности нематериальных благ и гарантий их неприкосновенности.

УДК 34
ББК 87.715

ISBN 978-5-93160-240-0

© ФГКУ ДПО «ТИПК МВД России», 2016

Оглавление

ВВЕДЕНИЕ.....	5
РАЗДЕЛ I. ОБЪЕКТИВНОЕ И СУБЪЕКТИВНОЕ ВО ВНЕПРАВОВОЙ ХАРАКТЕРИСТИКЕ ЧЕСТИ И ДОСТОИНСТВА СОТРУДНИКА ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ	10
ГЛАВА 1. Честь и достоинство в философии, этике и в истории государственного управления	10
§ 1. Честь и достоинство личности как благо, защищаемое законом, и как средство персонализации личности: нравственно-философский экскурс	10
§ 2. Эволюция морально-этических стандартов в области государственного управления.....	21
§ 3. Теория прав человека и современная концепция о чести и достоинстве в сфере правоохранительной службы: общее и особенное	33
ГЛАВА 2. НРАВСТВЕННО-ЭТИЧЕСКИЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ СЛУЖЕБНОГО СТАТУСА СОТРУДНИКА ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ.....	44
§ 1. Правовой и смежный компоненты в служебном статусе сотрудника органов внутренних дел	44
§ 2. Честь и достоинство как феномен самосознания сотрудника органов внутренних дел	51
§ 3. Профессиональная идентичность.....	57
РАЗДЕЛ II. ПРАВО СОТРУДНИКА ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ НА ЗАЩИТУ ЧЕСТИ И ДОСТОИНСТВА КАК ПРЕДМЕТ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ	78
ГЛАВА 3. ЗАЩИТА ЧЕСТИ И ДОСТОИНСТВА СОТРУДНИКА ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ В РАМКАХ ВОССТАНОВИТЕЛЬНЫХ ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВЫХ ОТНОШЕНИЙ	78
§ 1. Социально-правовая эволюция права на честь и достоинство и проблемы его юридического признания в качестве нематериального блага	78
§ 2. Диффамационная теория в учении о защите чести и достоинства.....	94
§ 3. Опровержение порочащих сведений	101
§ 4. Иные реабилитационно-восстановительные способы защиты права на честь и достоинство	110
§ 5. Компенсация морального вреда как основной и дополнительный способ защиты личных неимущественных прав	114
ГЛАВА 4. АДМИНИСТРАТИВНАЯ ЮРИСДИКЦИЯ ПО ЗАЩИТЕ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ЧЕСТИ И ДОСТОИНСТВА	120
§ 1. Административно-правовая форма защиты чести и достоинства сотрудника органов внутренних дел и ее соотношение с иными формами.....	120

§ 2. Административная ответственность за посягательство на честь и достоинство сотрудника органов внутренних дел	122
§ 3. Административно-правовые средства предупреждения и пресечения посягательств на честь и достоинство сотрудника полиции	126
ГЛАВА 5. УГОЛОВНО-ПРАВОВАЯ ЗАЩИТА ЧЕСТИ И ДОСТОИНСТВА СОТРУДНИКА ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ	133
§ 1. Особенности уголовно-правовой защиты личных прав.....	133
§ 2. Защита против клеветы	136
§ 3. Защита чести и достоинства сотрудника ОВД с учетом его правового статуса по нормам УК РФ	140
§ 4. Разграничение преступлений против чести и достоинства сотрудников ОВД со смежными составами преступлений и иными правонарушениями	146
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	152
СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ	154

ВВЕДЕНИЕ

Настоящая монография является моментом академического осмысления такого актуально-злободневного вопроса, как защита чести и достоинства сотрудников органов внутренних дел. Нет оснований утверждать, что заявленную тему исследования сопровождает недостаток законодательного и доктринального внимания, скорее наоборот: как законодательная укомплектованность вопроса, так и его научная сторона выглядят вполне самодостаточно, в чем легко убедиться, обратившись к списку литературы, использованной при написании данной работы. Между тем очевидно, что в предметно-практическом отношении затронутая тема в значительной мере «проседает». Причин тому немало, как минимум шесть из них, в силу их первоочередной значимости, могут быть обозначены именно во вводной части работы.

Одна из них историческая, связанная с фактом длительного пребывания права на честь и достоинство личности в ряду абстрактных социальных ценностей. Уж слишком долго это личное право не воспринималось в качестве необходимой социальной величины, которая в любом цивилизованном государстве диктует идеал межличностных отношений и обеспечивает взаимодействие государства и его граждан, вне зависимости от сферы их социальной реализации. Новые условия человеческого существования требуют иного прочтения прежних постулатов, их уточнения и наполнения истинным содержанием. Постараемся это сделать в своей работе и мы, связав заявленную тему с общей картиной прав человека в обществе. В ином случае актуальность работы может оказаться сомнительной.

Вторая причина касается акцентов заявленной темы. При неправильной их расстановке, авторский ресурс темы способен уйти в весьма привычное русло «государственного словоговорения» или в сторону поиска аргументов в пользу специфики, особого порядка защиты права сотрудников органов внутренних дел на честь и достоинство, который, по мнению не столь малого числа ученых и практиков, должен быть присущим для них в силу государственного статуса. В то время как это право сотрудника является прежде всего правом личности, или личным правом. Интерес в защите такого права должен исходить в первую очередь от носителя этого права, то есть личности сотрудника, который обязан выступать инициатором такой защиты, подчиняясь общеустановленному порядку защиты личных прав. Иной подход приведет к отрыву вопроса о защите права сотрудника на честь и достоинство от своего «корня» – международно-правовых актов о защите прав человека, норм ГК РФ о личных нематериальных благах, а также от норм морали, имеющей всеобщее значение для любого носителя личного права.

Третья причина – в современной ментальности сотрудников правоохранительной службы, пока еще «не очарованных» теорией прав человека, а потому во многих случаях относящихся терпимо к фактам разнооб-

разных «речевых ранений», исходящих от лиц, прессы, телекоммуникационной сети «Интернет». Невысокая ориентированность в этой символической и многовариантной теории не позволяет сотруднику понять, что государственная концепция прав человека направлена не только на тех, с кем он вступает в служебные отношения, но и на него самого как обладателя личных прав. Нередко отсутствие значимой юридической поддержки со стороны правовых подразделений при ущемлении права сотрудника на честь и достоинство приводит к тому, что многочисленные факты распространения порочащих сведений, оскорблений, клеветы по отношению к сотруднику органов внутренних дел остаются без возбуждения, а следовательно, и без осуждения со стороны социума и государства.

Четвертый момент в большей степени методологический, предопределен многогранностью и, как следствие, междисциплинарностью самого сочетания «честь» и «достоинство». Отсюда многочисленный теоретический плюрализм по отношению к этим неформализованным понятиям и их реальному наполнению применительно к соответствующей сфере словоупотребления. Контексты употребления – неправовые и правовые – необходимо разграничивать.

Пятый момент связан с устоявшимся, но весьма поверхностным представлением о том, что право на честь и достоинство в гражданском праве как праве частном и право на честь и достоинство сотрудника органов внутренних дел, действующее в публичной сфере, – это разные ракурсы темы о защите чести и достоинства сотрудника. В то время как верный подход состоит в том, что нормы гражданского законодательства о личных правах, созданные с учетом международно-правовых актов о правах человека – это генерализующие правила для всех субъектов, чьи права на честь и достоинство вышли из зоны неприкосновенности.

И шестое. Отношения, связанные с правом всякой личности на честь и достоинство, не обладают предметным единством, а само понятие «честь и достоинство» является частью понятийной иерархии конституционного, гражданского, административного и уголовного права. В публичном праве (в отличие от частного) сочетание «честь и достоинство» используется дуалистично: для целей защиты нарушенных прав на честь и достоинство, если они стали объектом противоправных посягательств (1) и для целей нормирования (персональной «портретизации») поведения государственных служащих (2). Применительно к предмету заявленного исследования важен и значим первый аспект словоупотребления. Второму аспекту посвящена отдельная часть работы исключительно для целей разграничения уровней словоупотребления данных понятий.

Итогом научного осознания указанных шести мысленных «вешек» явилась наличная структура предлагаемой монографии и ее основная научная идея, связанная с необходимостью достижения правовой определенности в таком предметном пространстве, как защита чести и достоинства сотрудника органов внутренних дел. В объем понятия «правовая

определенность» авторы включают понятийную ясность при использовании этических единиц «честь» и «достоинство», право сотрудника органов внутренних дел на честь и достоинство и защиту этого права; обоснование необходимой связи норм права частного и публичного в этом вопросе; анализ условий законности, обоснованности, предсказуемости и устойчивости судебных актов по делам о защите чести и достоинства; соотношение между собой разных юрисдикционных форм по защите права сотрудника на честь и достоинство.

Отталкиваясь от юридической предзаданности самих понятий «честь» и «достоинство», несущих на себе все сложности их философского определения, авторы монографии постарались зафиксировать, обосновать и развести разную ролевую ценность понятий «честь» и «достоинство», выделив четыре разных контекста их употребления в праве. В связи с этим в сферу авторского внимания вошли честь и достоинство как нематериальное благо, приуроченное к рождению каждой личности (1), и право на честь и достоинство как личное право всякого лица, подлежащее защите нормами гражданского, административного и уголовного права в случае его нарушения (2). Используемые законодателем конструкции, связанные с необходимостью «заботиться о своих чести и достоинстве», «дорожить ими» (3) и «увольнение за совершение проступка, порочащего честь и достоинство» (4), проанализированы авторами исключительно для целей разграничения случаев их иного (не для целей заявленной темы) словоупотребления. Такой дифференцированный подход позволил раздвинуть границы вполне естественной формальной ограниченности имеющегося правового контента о чести и достоинстве сотрудника органов внутренних дел и соотнести его с этическими вопросами несения службы без противопоставления и смешения с нормами права.

Значимым для предпринятого исследования является идеологический контекст, ориентированный на законодательный человекоцентристский постулат, согласно которому любая личность, независимо от сферы ее социальной активности, вправе рассчитывать на государственную защиту ее личных прав, в числе которых право на честь и достоинство. Привычное восприятие отраслей публичного права, в которых законодатель идет не от личности (сотрудника), а лишь от его полномочий, мешает увидеть эту базовую конституционную идею, на которой строится современное российское законодательство о правах лиц и их защите.

Авторы монографии исходили из того, что право сотрудника на защиту его чести и достоинства – это элемент современных государственных кадровых технологий, частью которых является обязанность государства гарантировать служащим государственную защиту их личных прав. Эти технологии выстроены на стандартных базовых ценностях о свободной личности и ее праве на судебную защиту. Реализуя свои полномочия наиболее часто в ситуациях «по ту сторону добра», сотрудник должен быть уверен в том, что в случае ущемления его прав, государство не толь-

ко гарантирует ему необходимую защиту, но и обеспечит надлежащей правовой поддержкой.

Современная модель защиты права сотрудника органов внутренних дел на честь и достоинство авторами раскрыта как многоуровневая. Каждый уровень определен отраслевой компетенцией. Гражданско-правовой уровень фиксирует только общий элемент этой модели, устанавливая право на честь и достоинство «для всех и каждого» (ст. 150 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее – ГК РФ), и также в режиме «для всех» обеспечивает его неприкосновенность, фиксируя в ст. 152 ГК РФ возможные способы защиты этого права. Это субъектное представление «для всех и каждого» проходит через всю работу, имея в качестве общего правила отношение ко всем видам юрисдикций по защите права сотрудника органов внутренних дел на честь и достоинство. Аналогично сформирован материал, относящийся к административно-правовой форме защиты, созданный в большей степени по модели защиты частных прав, но не за счет их восстановления как в гражданском праве, а за счет порицания лиц, совершивших активные противоправные действия, направленные на ущемление права на честь и достоинство. Немногочисленные специальные нормы уголовного права (ст. 298.1, 319 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ), действие которых ориентировано на специальный статус сотрудника как публичного лица, отнесены к специальным нормам в институте защиты права сотрудника на честь и достоинство.

Заявляя три уровня защиты права сотрудника органов внутренних дел на честь и достоинство: гражданско-правовой, административно-правовой и уголовно-правовой, авторы не исходили из приоритета одного уровня над другим. Во-первых, потому, что координационные связи между ними уже определены Конституцией РФ, а во-вторых, «веха» для этого уже поставлена. Она проявляется в таком универсальном критерии классификации правонарушений, как степень общественной опасности, позволяющая выделять гражданские правонарушения, проступки и преступления, вызывая к жизни соответствующую юрисдикцию.

В стремлении «тематизировать» и актуализировать обозначенные проблемы, желая достичь максимальной теоретической и практической пользы настоящего исследования, учитывая состояние развития современного международного и национального законодательства в этой части, авторы пошли по экстенсивному пути познания и исследования заявленной проблемы. В связи с этим в исследование были вовлечены резервы, находящиеся на стыке таких научных знаний, как философия, социология, психология.

В ходе проводимого исследования авторы исходили из того, что процесс внедрения этических стандартов в законодательство о правоохранительной службе происходит в рамках международной интеграции и в условиях непрерывно идущих процессов гармонизации национального законодательства с уровнем международного. Глобальность этих процессов

авторами учтена. В то же время законодательство стран «внешнего зарубежья», ставшее общедоступным и нередко воспринимаемое как синоним predetermined нормативной значимости для России, использовано очень аккуратно. С неизбежностью учтен тот факт, что полицейская система большинства европейских государств, а также США и Англии, развивалась на протяжении более чем ста лет в достаточно стабильных условиях. Россия встала на этот путь позднее других стран, в связи с этим процесс институционального оформления государственной службы и создания рабочей морально-нравственной терминологии в области новой государственности еще только набирает обороты. Он неизбежно сопровождается вбрасыванием и заимствованием, недостаточной дифференциацией правового и внеправового.

Монография разделена на два раздела. Первый раздел несет на себе оттенок идеологизации. Он посвящен внеправовым аспектам чести и достоинства, что необходимо для целей идентификации этих изначально этических явлений, важных для последующего формально-логического анализа правовых установлений, направленных на честь и достоинство. Исходя из того, что служба в органах внутренних дел – это часть государственной службы, авторы подвергли общетеоретическому осмыслению исторические процессы вхождения моральных постулатов в юридические и неюридические тексты, относящиеся к регулированию исследуемых отношений.

Второй раздел монографии носит в большей степени прикладной характер. Он посвящен анализу разных видов охранительных отношений, возникающих по поводу защиты чести и достоинства сотрудника органов внутренних дел – гражданско-правовых, административных и уголовно-правовых. Учитывая идеологический контекст исследования, авторы не ограничились лишь индивидуальным измерением, относящимся к чувствам конкретного сотрудника вследствие ущемления его чести и достоинства при исполнении служебных обязанностей. Исход авторских суждений направлен в том числе и на идею о том, что защита чести и достоинства одного сотрудника – это одновременно и защита государственных интересов, которые он представляет, а также охрана репутации всей правоохранительной системы.

РАЗДЕЛ I

ОБЪЕКТИВНОЕ И СУБЪЕКТИВНОЕ ВО ВНЕПРАВОВОЙ ХАРАКТЕРИСТИКЕ ЧЕСТИ И ДОСТОИНСТВА СОТРУДНИКА ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ

ГЛАВА 1. Честь и достоинство в философии, этике и в истории государственного управления

§ 1. Честь и достоинство личности как благо, защищаемое законом, и как средство персонализации личности: нравственно-философский экскурс

Тесная связь чести и достоинства с нравственными канонами, обуславливает их этическое наполнение, которое «сопровождает» эти понятия при их обороте в правовой материи. По этой причине невозможно в настоящем исследовании отрешиться от этической теории, относящейся к чести и достоинству.

Из мирового исторического опыта известно, что проблемы соотношения государства, права и нравственности актуализируются в различные переломные периоды развития. Такой исторический период, требующий нового переосмысления нравственных основ права и его институтов, переживает сегодня современная Россия: новые времена требуют новой этики и правильного понимания того, как на самом деле связаны нравственные явления с правовыми¹. В числе актуальных вопрос о защите чести и достоинства правовыми средствами. Многогранная связь этих явлений с правом требует их компетентного: исторического, философского, нравственного, социологического и правового, анализа. Цель такого анализа заключается в осознании единой нравственной природы чести и достоинства. Однако для данного предметного анализа она связана с намерением показать далеко не однозначный смысл введения этих категорий в этический и нормативный оборот.

О чести и достоинстве личности как этических феноменах уже сказано и написано немало. Современный российский правопорядок, во многом организованный по европейскому типу, основан на признании этих личностных ценностей, которые, по выражению Б.А. Кистяковского, «яв-

¹ Проблема эта непростая. Привычные параграфы учебников по теории государства и права, именуемые универсально «Право и мораль», имеют цель обозначить тесную связь права и нравственности, с указанием тех требований нравственности, которые возведены в ранг закона в силу их согласия с требованиями существующего правопорядка. Иной цели эти учебные параграфы не преследуют, это не их предмет. Вопрос о том, как формулировать содержание правовых норм таким образом, чтобы оно не противоречило содержанию норм нравственных, содержащих более высокие, неосязаемые, в отличие от норм права, требования к поведению личности, сегодня оказалась в числе «беспризорных». Применительно к нормам частного права этот вопрос поднят В.А. Беловым. См.: Белов В.А. Когда говорит право... // Закон. 2013. № 11.

ляются священным покрывалом всякой личности». Но у каждого социального явления есть своя история, правильное обращение с которой позволяет почерпнуть точные сведения, связанные с честью и достоинством, и все их смысловые колебания на протяжении длительной истории развития свободы человеческой личности в зависимости от социальной изменчивости соотношения общественного и частного. Право, имея другие задачи, не ориентировано на их исследование. Однако, будучи тесно связанным с человеческим бытием, благом, справедливостью, законодатель неизбежно постигает эти процессы, желая понять истинный смысл этих явлений, прибегая для этого к философским анналам и сведениям других наук об обществе.

Авторы не планируют пространного историко-философского экскурса. Обращение к нему предопределено сугубо прагматическими целями. Одна из них связана с той исключительной ролью, которую несет в себе метод исторического анализа, — понять и увидеть тот смысл, который на разных исторических этапах вкладывался в понятия чести и достоинства для того, чтобы исключить ненужные исторические аналогии, к которым столь часто и не всегда обоснованно прибегают современные исследователи для решения проблем в настоящем. Вторая, не менее прагматичная цель, связана с необходимостью обосновать неоднозначность как исторического, так и современного словоупотребления исследуемых понятий, чтобы дифференцированно увидеть их место и назначение в современной правовой и этической действительности. Отсюда и задача, состоящая в том, чтобы обозначить и вычленив для целей последующего научного анализа те доправовые ситуации, в которых честь и достоинство имеют значение качеств, индивидуализирующих личность как социально обособленного человека, а также выступают его «человекосозидающим и человекосохраняющим» началом, а потому нуждаются в охранительных нормах. Именно этот аспект имеет самую непосредственную и тесную связь с предметом заявленного исследования. Вследствие этого авторы избегают общеизвестных и часто приводимых фактов. В исследовательское поле вошли лишь те данные из исторических анналов философии и государственного управления, которые обеспечивают освоение исторической и современной семантики терминов «честь» и «достоинство» и позволяют восстановить юридической смысл введения этих нравственных понятий в сферу государственного управления и правоохранительной службы в частности.

Удовлетворительная историография вопроса свидетельствует о том, что честь и достоинство — категории исторические и динамические, прошедшие путь от статусного и материального наполнения до их современного нравственного содержания. Как отметил С.О. Шайкевич, «честь развивалась постоянно в связи с развитием человека, насколько понимал человек себя как нравственного индивидуума, настолько же развито в нем было и понятие чести»².

² Шайкевич С. О преступлениях против чести. М.: Университетская типография (Катков и Ко), 1865. С. 6.

Самый краткий историко-философский экскурс позволяет увидеть, что в процессе своего утверждения в социальном лексиконе такие парные понятия, как честь и достоинство, чаще всего отождествляемые, были весьма многосмысловыми³. Изначально они появились в качестве признаков социальных, поскольку человечество начинало свою историю не с признания ценности отдельной личности, а со статуса социальной общности. Слово «честь» помогало этот статус отражать, обусловив появление сочетаний «родовая честь», «племенная честь», главным образом, как следствие осознания связи с соответствующими образованиями.

Наиболее наглядно сугубо социальное наполнение чести проявилось в республиканский период римской истории, где все было публично. Мы затронем этот период лишь с одной целью – увидеть смысл и объем понятия «гражданская честь», рожденного в Риме.

Основанием гражданской чести римлянина (*civis romanus*) служило не его личное достоинство, а достоинство государства. Именно оно, по философии того времени, являлось единственным носителем чести, только государство могло раздавать честь и также отбирать ее. «Честь для римлян не была каким-нибудь особым правом личности, имевшим самостоятельное содержание, а всего лишь идеальным объединением всего разнообразия прав, принадлежавших гражданину»⁴. В этом и причина того, что понятие чести римского периода, не будучи связанным с отдельной личностью, не стало ни философским, ни юридическим прообразом ее современного восприятия. Родившееся в Риме выражение «гражданская честь» перешло в последующие эпохи, но не в смысле его содержания, а в смысле наименования той чести, которая в случае покушения на нее подлежит юридической защите. Это одно из первых наследий по вопросам чести, пришедших вместе с рецепцией римского права в российское законодательство.

Усложнение общественного устройства имело в числе других следствий расширение свободы личности. Изначально это происходило на уровне отдельных статусных групп. Как свидетельствует история домонгольской Руси, слово «честь» не использовалось как право личности на достоинство с соответствующим моральным подтекстом. В этот период ис-

³ Обращение к семантическому анализу выводит на предположение о том, что понятие «честь» исторически возникло из понятия «часть» в воинском сословии. В древности дружинники князя при дележе военной добычи получали свою часть. Князя с дружиной нанимали для своей защиты мирные селяне. Чтобы отличать воинов от мирян, первых стали называть людьми части, а вторых – мужиками. Со временем слово часть трансформировалось в честь, приобрело из материального моральный смысл и стало означать моральные требования, образ жизни, не унижающий достоинства определенного сословия (изначально военного). Постепенно возник кодекс чести военного (дворянского) сословия – совокупность правил поведения дворянина. Честь является важнейшим стимулом общественного поведения.

⁴ См.: Фойницкий И.Я. Посягательства личные и имущественные // Уголовное право. СПб.: Типография М.М. Стасюлевича, 1907. С. 117.

тории оно отражало статус лица в зависимости от места на социальной лестнице. Отсюда честь наполнялась не только социальным обособлением на уровне некой общности, но и материальным (богатство, имущество, скот). Чем ближе к правителю, тем больше выгод. А потому честь была в основном связана со словом «счет».

Моральное наполнение чести и представление о чести как общественном уважении к статусу личности пришло позднее. Этот отсвет ему приписывается только с появлением христианства на Руси (конец X в.), когда нравственно-социальные практики стали соотноситься со словом «честь» в значении «уважение», выполняя роль символического языка, «культурного конструкта», которыми передавались почтение к статусу и положению. Но после татарского нашествия (XIII в.) слово «честь» ушло из русского языка и вернулось только с появлением русского дворянства в петровский период, когда дворянин отстаивал свою честь.

В период Средневековья и раннего Возрождения возникали различные сословно-корпоративные разграничения, которые сопровождались моральными правилами через слово «честь». Честь перестала быть статичным инструментом и начала ассоциироваться с конкретными статусными группами. Заметим, статусность касалась не личности, а корпораций, членами которых та или иная личность состояла и вне которых личность отдельно не рассматривалась, а следовательно, ни о какой персонализации речи не шло. Честь стала качеством знатных людей, для которых была ценна и как реальный фактор, и как регулятор их статусного (корпоративного) поведения, обеспечивая роль группового нормирования в виде определения и охраны границ определенного сообщества.

Обращение к данному историческому периоду позволяет увидеть факт объединения, консолидации определенных коллективов через слово «честь», в целях придания им устойчивости и определенности. Как следствие, неизбежно вставал вопрос о защите чести, которая являлась способом поддержания достигнутого статуса личности. Однако защите подлежали не столько права самого участника сообщества, сколько авторитет всего сообщества. Нетрудно увидеть, что по аналогичному алгоритму сегодня формируются правила защиты профессиональной (служебной) чести. Заметим сразу, что эти правила, о чем будет сказано ниже, находятся за пределами права, образуя сферу профессиональной этики.

Наиболее часто честь, как объединяющее сословное начало, философы и историки демонстрируют путем обращения к Кодексу рыцаря (XII в.), где существовал целый культ «трудных добродетелей», среди которых были храбрость и мужество для защиты чести и достоинства самого рыцаря и одновременно членов всей рыцарской корпорации. Средневековый рыцарь мыслил себя свободным от государственных законов и за норму своего поведения считал не право, а правила рыцарской сословной чести. Частью этих правил было убеждение в том, что лицо, способное носить оружие, не должно довольствоваться наказанием, налагаемым судом, а должно мстить

с оружием в руках за вытерпленную неправду. Берясь за оружие, рыцарь защищал не свое собственное доброе имя и, конечно, не свои нравственные устои, а честь рыцарского сословия, к которому он принадлежал. Рыцарь предпочитал скорее смерть, чем унижение⁵.

Кодекс чести рыцаря с его жестко стандартизированными правилами поведенческих нормативов сыграл впоследствии историческую роль еще раз, когда формировались представления о русском дворянском этикете. Нуждаясь в поведенческом порядке, защищавшем и отражавшем его интересы, дворянство сознательно шло на формирование и развитие дворянского этикета. Его роль выполнял умообразный идеал, эталон, помогающий сформировать тот поведенческий идеал, на основании которого выстраивалась модель поведения благородного человека. Несмотря на повышенную щепетильность и сопутствующее ей дуэлянтство, этот этикет продемонстрировал важное качество консолидации лиц, к нему причастных, нашедшее свое выражение в более поздних, уже письменных актах различных эпох – хартиях, декларациях, заповедях, сводах и др., принятие которых свидетельствовало об общественном прогрессе и нарастающих процессах гуманизации общества. В этом же ряду ныне отмененные Кодекс чести сотрудников органов внутренних дел (1993 г.), Кодекс профессиональной этики сотрудника органов внутренних дел (2008 г.)⁶.

Период Средневековья оставил свой след в истории развития этических стандартов, продемонстрировав, что одной из форм управления поведением участников разных корпораций могут быть согласительные правила, которые принимают сами участники с обязательством им неукоснительно следовать. Этот же исторический период, пусть не окончательно, но связал честь, достоинство и нравственность между собой. Эти процессы шли на уровне определенных сообществ, что позволяет увидеть качества наделенные, приобретенные, но не врожденные, чести рыцарской, самурайской, служебной и иной «профессионально-сословной», «выдаваемой» личности в связи с принадлежностью к определенной социальной корпо-

⁵ В определении рыцарства как слоя профессиональных конных воинов слово «честь» является ключевым. Эта обособленная категория людей, обладающих определенным кодексом поведения и определенным кодексом чести, формировалась в Западной Европе начиная с VIII века. Образ рыцаря создавала церковь, она наделяла рыцаря нравственными качествами и всевозможными добродетелями.

⁶ Истории известны и другие кодексы, кроме упомянутых: Кодекс Самурая, в основе которого лежит принцип готовности к самопожертвованию в сословных интересах, Кодекс чести военного института Вирджинии, известный как Кодекс джентельмена (1836 г.), Кодекс скаутов (1908 г.), Дуэльный кодекс (1912 г.). Все эти кодексы, адресованные сильной половине человечества, олицетворяли те или иные принципы соответствующих социальных институтов и к праву непосредственного отношения не имели. В российской истории это были: Кодекс чести русских офицеров (1804 г.), Кодекс чести русского офицера (1904 г.), Заповеди товарищества (Кодекс чести юнкеров и кадетов), Кодекс чести пожарного (1920 г.), Моральный кодекс строителя коммунизма как свод принципов коммунистической морали (1961 г.).

рации. Опираясь на этот исторический опыт, применительно к теме настоящего монографического исследования, можно говорить лишь о чести отдельного сообщества, но не о чести конкретной свободной, самоопределившейся личности, за которой государство признает ее неотъемлемые права.

В современном значении, важном для целей защиты права на честь и достоинство, это означает, что дифференциация чести на ее различные виды не может исходить от государства, это удел конкретных профессиональных сообществ. Государство не наделяет, но признает и заботится о той чести, которая как личное благо естественно «прикреплена» к субъекту, имеет качество врожденности для личности. Эту заботу в виде охраны и защиты нормами права государство осуществляет непосредственно, то есть путем направления на личность как таковую.

Отсюда сформулируем промежуточный вывод: профессиональная (служебная) честь, будучи «навязанной» ее носителю из вне, имея определенные исторические и нравственные параллели с честью общегражданской (лично персонифицированной), той честью, которая ставится на юридическую почву как благо, защищаемое государством, имеет с ней мало общего. Назначение профессиональной чести, как в период рыцарства, так и сейчас, в том, чтобы персонифицировать не личность, а сообщество, к которому эта личность принадлежит, «связать» ее поведение средствами моральными. До чести сугубо личностной, как блага, неотделимого от личности и защищаемого государственным правом, истории еще предстояло дорасти.

В разных сообществах правила коллективного поведения, которые соответствуют чести всех его членов, были различными. Отсюда оборотными являлись такие выражения, как «честь дворянина», «честь офицера»⁷, «честь судьи» и т.д. В России эти правила стали общими для всех сословий только в XVIII веке. В этом проявляется историческая параллель с Типовым кодексом этики и служебного поведения государственных служащих (2010 г.). Принятие данного этического акта не отменило специальных видов чести, пришедших из этической истории, однако обеспечило стандартизацию поведенческих правил на уровне разных видов государственной деятельности – в масштабе государственной службы.

На смену представлениям о чести сословно-корпоративной пришла идея абсолютной ценности человеческой личности и ее уникальности с отражением этой ценности в правовых установлениях. В цивилизованном социуме понятие «честь» и сопутствующее ей достоинство в первую оче-

⁷ В изданной для офицеров книге «Наставление к самодисциплине и самовоспитанию», поименованной как Собрание писем старого офицера к своему сыну, было написано следующее: «Истинная честь есть добрая слава, которой мы пользуемся, общее доверие к нашей правдивости и справедливости, к нашей чистосердечной любви к людям; поэтому ты не должен равнодушно относиться к чести, так как равнодушие к ней унижает тебя и исключает из общества достойных уважения людей». См.: Наставление к самодисциплине и самовоспитанию. Вып. 1. М., 1900. С. 82.

редь стало связываться с интересами нравственной личности, ее социально подтвержденным достоинством. Обретя юридическое значение в качестве неотъемлемых от личности благ, честь и достоинство перестали быть только инструментом дифференциации общностей. Подобному восприятию чести и достоинства во многом способствовало немецкое учение о чести, выстроенное на понимании чести как внутреннем благе, личном выражении нравственного достоинства человека, отраженного во мнении общественного окружения, к которому он принадлежит⁸.

В последующие XVII-XIX века категории чести и достоинства получили оформление в системе основных прав и свобод человека. Моментом отсчета принято считать 1789 г., когда была принята французская Декларация прав и свобод человека и гражданина⁹, в статье 4 которой было закреплено, что «свобода состоит в возможности делать все, что не приносит вреда другому».

Именно французская Декларация 1789 г. побудила в разное время разные страны прийти к пониманию того, что «к правлению государства ничто так не нужно, как крепкое хранение прав гражданских»¹⁰. Все классические кодексы гражданского права, принятые под непосредственным воздействием ее идей, закрепили принципы частного права, исходя из равенства всех перед законом в части приобретения гражданских прав и способов их утраты. Общей моделью всех этих кодексов стал Кодекс Наполеона 1804 г.¹¹ Центральная идея Кодекса – равенство всех граждан перед законом: осуществление гражданских прав не зависит от качества гражданина; это качество приобретается и сохраняется лишь согласно конституционному закону (ст. 7 ГК РФ). Данное утверждение не поблекло со временем, более того, оно получило свое воплощение в период сложной «перенастройки» всей российской юридической системы в соответствии с началами прав человека. Как отметил С.С. Алексеев, произошло это не в лозунгах, декларациях, намерениях, а в действующих юридических механизмах, принципах, нормах, в конечном итоге, решениях судов по конкретным жизненным ситуациям¹². Сегодня фактом «судебной демонстрации» равенства в вопросах защиты чести и достоинства любых лиц вне зависимости от наличия или отсутствия специального статуса является По-

⁸ Возникшее во второй половине XVI в. в период немецкой Реформации, это по своей сути юридическое мировоззрение основывалось на стремлении освободить человека от внешней зависимости и утвердить ценности индивидуальной свободы. См.: Ойзерман Т.И. Философия эпохи ранних буржуазных революций. М.: Наука, 1993. С. 200.

⁹ Французская Республика: Конституция и законодательные акты. М.: Прогресс, 1989.

¹⁰ Стучка П.И. Введение в теорию гражданского права. 2-е изд. М.: Изд-во Коммунистической академии, 1927. С. 115.

¹¹ Французский гражданский кодекс 1804 года. С позднейшими изменениями до 1939 г. М.: Юриздат, 1941.

¹² Алексеев С.С. Право на пороге нового тысячелетия: Некоторые тенденции мирового правового развития – надежда и драма современной эпохи. М.: Статут, 2000. С. 205.

становление Пленума Верховного Суда РФ от 24 февраля 2005 г. № 3 «О судебной практике по делам о защите чести и достоинства граждан, а также деловой репутации граждан и юридических лиц»¹³.

К числу современных признаков прав и свобод как бесценных человеческих благ в литературе отнесены: наивысшая значимость для человека, общества и государства; изначальный (первородный) характер, поскольку для их приобретения не требуется совершения активных действий; неотчуждаемость; особое положение в механизме правового регулирования системы общественных отношений, а именно формирование принципов правового регулирования и производных прав и свобод личности; всеобщность как принадлежность каждому, а также единство и равенство для всех; наивысшая юридическая сила; особая организационно-правовая система охраны (усложненный конституционный порядок пересмотра, гарантированность и защита со стороны высших должностных лиц государства)¹⁴.

Напомним базовую общеправовую идею, берущую свое начало от Устава ООН, принятого в 1945 г., и пронизывающую все ныне существующие общие и специальные правовые нормы, относящиеся к личным правам. Документ, объединяющий сегодня более 190 государств мира, провозгласил всеобщее уважение прав человека общей заботой всех правительств и народов. Идея продолжена во Всеобщей декларации прав человека от 10 декабря 1948 г., принятой Генеральной Ассамблеей ООН¹⁵. Согласно ст. 12 Всеобщей декларации прав человека «никто не может подвергаться произвольным посягательствам на его честь и репутацию. Каждый имеет право на защиту со стороны закона от такого вмешательства или таких посягательств». Данное положение Всеобщей декларации впоследствии обрело конституционную значимость для многих государств мира, а день принятия Декларации признан Всемирным днем прав человека.

В отечественной правовой системе основные векторы развития данных прав были установлены в Декларации прав и свобод человека и гражданина, утвержденной Верховным Советом РСФСР 22 ноября 1991 г.¹⁶ В этом документе права на честь и достоинство, наряду с другими правами и свободами человека, были признаны общей ценностью общества и государства. Следуя основным положениям Декларации, Конституция РФ гарантирует право каждого на защиту своей чести и доброго имени. Так был сделан значительный шаг вперед от многовекового неприятия прав человека как реальной самостоятельной ценности к их признанию и нормативному закреплению в наивысшем конституционном порядке, благодаря че-

¹³ Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2005. № 4.

¹⁴ Мамонтов А.Г. Понятие, структура и принципы основ правового статуса личности: лекция. М., 2001. С. 5-6. См. также: Невинский В.В. Достоинство человека: от философско-правовой идеи к конституционному принципу современного государства (К 50-летию Всеобщей декларации прав человека) // Государство и право. 1999. № 10. С. 120-121.

¹⁵ Библиотечка Российской газеты. 1995. № 11. С. 10.

¹⁶ Ведомости Верховного Совета РСФСР. 1991. № 52. Ст. 1865.

му защита чести и достоинства обрела статус не только социально значимого, но и конкретного юридического явления.

Приверженность России к международным стандартам в области прав человека обязывает видеть в каждом человеке, независимо от физиологических, интеллектуальных, статусных, социальных, возрастных и иных различий, его право на честь и достоинство, уважение и защиту этих прав. Данная идея есть та смысловая оболочка, в границах которой устанавливаются, изменяются, совершенствуются, декриминализируются нормативные правила о защите чести и достоинства как личности публичной или статусной, так и личности обычной (внестатусной)¹⁷.

Суть моральных категорий, их назначение и социальная ценность исследуются в этике. В этой области сформулировано исходное понятие «честь», ставшее отправным для иных исследовательских областей, в том числе и для юриспруденции. Длительная история развития этики, многообразие явлений, которые она изучает, и степень развития теории привели к насыщенности ее категориально-терминологического аппарата. Изучая мораль и ее субстанциональные категории, современная этическая наука активно оперирует понятиями «честь» и «достоинство», являющимися частью ее морально-этической системы. Поскольку в задачу права не входит формулировка легальной дефиниции понятия «честь и достоинство», воспроизведем наличные достижения философии и этики в этой части. Согласно словарным определениям, понятие чести рассматривается как объективная оценка (положительная или отрицательная) обществом конкретной личности в совокупности ее качеств, свойств и способностей. Применительно к чести различают два аспекта – объективный и субъективный, то есть личный. Внутренняя (субъективная) сторона чести заключается в способности человека самому оценивать свои действия и поступки, осознавать свою честь, репутацию, чувствовать сложившееся мнение о себе в определенной общественной среде и выступать как внутренний мотив деятельности и поведения личности. В основе представления о чести лежит критерий нравственности. В силу этого проявляется объективный характер категории чести, отражающей достоинство индивида в сознании других людей, общественная его оценка, положительная репутация человека.

Понятие «достоинство» как спутник «честь» в словарный оборот вошло позднее. Считается, что впервые оно появилось в немецком конституционном законодательстве в 1949 г. в ч. 1. ст. 1 Конституции Федеративной Республики Германии «как выражение возмущения тем, как во времена правления нацистов люди превращались в объект расовой ненависти». Законодатель исходил из того, что «каждой личности без учета ее до-

¹⁷ Машкович К.В. Правосознание и нравственность в психологической теории права Л.И. Петражицкого // История государства и права. 2007. № 12. С 36-38.

стижений, статуса или особенностей принадлежит человеческое достоинство»¹⁸.

Под достоинством личности понимается обладание человеком определенными нравственными и интеллектуальными качествами – причем не любыми, а такими, которые соответствуют моральным ценностям, принятым в данном обществе, государстве. Человек субъективно исходит из того, что он обладает такими качествами, и полагает, что так же его должны воспринимать и окружающие. Оценка человека как достойного означает, что речь идет о таких его параметрах, как: определенное поведение человека; невозможность совершения им поступков, осуждаемых общественной моралью; уровень ума и образования человека; отношение к окружающим, образ жизни, признаваемые желательными, а то и образцовыми в обществе¹⁹.

Наряду с честью, достоинство определяет отношение к человеку как высшей общественной ценности. С учетом данных в этих областях знаний определений, закон оставляет наполнение понятий «честь» и «достоинство» тому, кто посчитает их нарушенными. Это тот самый случай в правовой действительности, когда феномены права как объективного явления выводятся не только из его норм, а с учетом генетики, сущности, предназначения норм и правил морали, черпаются за пределами нормативной догматики, то есть из чувств, ощущений пережитого и испытанного личностью²⁰.

Частью науки этики является этика профессиональная. Ее назначение в выработке норм профессиональной морали, возникающих и бытующих в конкретной профессиональной группе, и их соотношение с общеэтическими нормами. В этой сфере активно используются такие производные от чести и достоинства понятия, как «профессиональная честь» и «профессиональное достоинство». Кроме общего нравственного критерия их объединяет «групповой» характер. В отличие от чести и достоинства, носителями которых являются отдельные индивиды в социуме, применительно к этим понятиям речь идет об индивидах, относящихся к конкретным профессиональным сообществам (группам). Данное подразделение родовых этических единиц как честь и достоинство, естественным истори-

¹⁸ Лейбо Ю.И., Толстомятенко Г.П., Экштайн К.А. Научно-практический комментарий к главе 2 Конституции Российской Федерации «Права и свободы человека и гражданина» / под ред. К.А. Экштайна. М., 2000. С. 108.

¹⁹ Авакьян С.А. Конституционный лексикон: государственно-правовой терминологический словарь. М: Юстицинформ, 2015.

²⁰ Философско-лингвистический анализ слова «честь» как объемной в смысловом отношении единицы, несущей комплексную информацию об отражаемом явлении, с использованием 12 видов русских толковых словарей разных лет представлен в работе Нгуен Тхе Хунг «Концепт честь в русской и вьетнамской культуре»: дис. ... магистра / Ин-т гуманитарных наук и искусства Уральского гос. ун-та им. первого Президента России Б.Н. Ельцина. Екатеринбург, 2015. С. 14-28.

ческим ходом пришло из эпохи Средневековья, делившей честь на сословные виды.

Как и базовые понятия «честь» и «достоинство», понятия «профессиональная честь» и «профессиональное достоинство» обладают морально-этическим подтекстом, соответственно, являются безграничными и оценочными. Так, согласно общеупотребительному значению под честью, в ее профессиональном значении, понимается заслуженная репутация, доброе имя, личный авторитет, проявляющиеся в верности гражданскому и служебному долгу, данному слову и принятым нравственным обязательствам. Профессиональное достоинство принято неразрывно связывать с долгом и честью, оно представляет собой единство морального духа, высоких нравственных качеств, а также уважение этих качеств в самом себе и других людях. Небезосновательно принято считать, что профессиональные честь и достоинство одного служащего – это профессионально-нравственный потенциал того коллектива, в котором выполняется служебная деятельность.

По смыслу актов, в которых используются эти понятия с их «служебным оттенком», они не только позволяют увидеть морально-нравственные основания правового статуса государственных служащих, допустимый прогноз их служебного поведения, но и выступают регуляторами такого поведения. Отметим, что эти специальные понятия зародились в сфере этики, там они и остаются без расчета на автономный юридический механизм, обеспечивающий их защиту, что будет аргументировано по ходу дальнейшего исследования.

Анализ «предюридических» основ понятий «честь» и «достоинство» позволяет увидеть, что они, существуя в неразрывной связи с нравственностью, являются ординарными для сферы этики, где и нашли свое определение. Эти понятия прошли свое развитие в соответствии с эпохами человечества. Античное время и средние века дают то представление о чести, которое отражало связь индивида и общественного целого, выражало разные сословно-корпоративные разграничения. Это то самое представление о чести, которое в современном мире породило ее назначение как средства универсальной консолидации определенных коллективов, способа персонализации отдельных ее членов через возможные этические заповеди, кодексы, хартии, своды. Новое и новейшее время связано с морально-этическим наполнением этих понятий. Сохранив свое социальное значение, понятие «честь» стало обозначать также общественное и моральное достоинство личности, осознание личностью этого достоинства. Моральные пределы, сопровождающие честь в этом значении, впоследствии и обусловили появление юридического понятия «право личности на честь и достоинство», которое по смыслу права неприкосновенно и защищено.

Свое автономное развитие, но также с нравственным наполнением, получило понятие «честь» и в ином аспекте – аспекте должностования, когда честь выступает нравственным нормативом поведения, обязывая ли-

цо следовать определенно заданному стандарту. В законодательстве о правоохранительной службе таких нормативных выкладок немало, есть они и в документах неправового содержания. Этот вопрос – вопрос публичного происхождения и публичного выражения чести в качестве инструмента, нормирующего поведение отдельных лиц, требует самостоятельного научного внимания хотя бы для того, чтобы исключить разные предметные области, в которых честь участвует в качестве защищаемого блага, и те, в которых понятие «честь» работает на уровне долженствования, выполняя деонтологическую функцию.

Принимая подобную дихотомию чести, существующей в виде блага и в виде требования к поведению, перейдем в ходе дальнейших рассуждений к ее последовательному обоснованию. Для этой цели в монографическое исследование введен следующий параграф, на первый взгляд не столь близко относящийся к теме заявленного исследования и даже не являющийся ее ответвлением. По замыслу авторов, материал этого параграфа выполняет роль методологического ориентира для последующих правовых суждений по проблеме защиты чести и достоинства в целом и сотрудников органов внутренних дел в частности.

§ 2. Эволюция морально-этических стандартов в области государственного управления

Дифференцированный исследовательский подход к вопросам чести и достоинства, направленный на разграничение этического и правового контентов, позволяет избежать смешения тех ситуаций, когда эти этические единицы несут праворегулирующую нагрузку и правообеспечивающее содержание, и ситуаций внеправовых.

От кропотливого доктринального анализа и детального разбора на практике таких нормативных правовых актов, как Федеральный закон от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ «О полиции» (далее – Закон о полиции)²¹ и Федеральный закон от 30 ноября 2011 г. № 342-ФЗ «О службе в органах внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (далее – Закон о службе в органах внутренних дел), теория и практика их применения неизбежно ощутили тягу к той исходной точке, которая служит началом системы данного законодательства, без которой названные акты имеют мало смысла. Такой точкой явились законодательные анналы государственной службы, принципы ее функционирования и требования к служебному поведению для всех государственных служащих.

Государственная служба в законодательстве определяется как «профессиональная служебная деятельность граждан Российской Федерации по

²¹ Собр. законодательства Рос. Федерации. 2011. № 7. Ст. 900.

обеспечению исполнения государственных полномочий»²². Сопровождаемые «сухоткой» юридического языка законодательные определения всегда находят свое более содержательное подтверждение в доктринальных определениях, сообщая то, что находится «внутри» или «за» нормативным определением. Как сказано в одном комментарии к Федеральному закону от 27 мая 2003 г. № 58-ФЗ «О системе государственной службы Российской Федерации» (далее – Закон о системе государственной службы), государственная служба как система представляет собой упорядоченную совокупность элементов (подсистем), взаимосвязей между ними и с внешней социальной средой в процессе достижения целей государственного управления. Система государственной службы образуется подсистемой приоритетов, целей и принципов властно-управленческого воздействия на общественную жизнедеятельность, выражаемого обычно в правовых формах, и включает следующие виды государственной службы: в зависимости от уровня власти выделяют федеральную государственную службу и государственную службу субъектов Российской Федерации, от ветви власти – государственную службу законодательной ветви власти, исполнительной и судебной, в зависимости от видовой дифференциации – гражданскую, военную и правоохранительную²³.

Законодательному и доктринальному определениям государственной службы предшествовала не простая, не краткая, и в то же время весьма самобытная российская история с ее противоборством двух систем управления – государствоведческой и самоуправленческой. Затронем эту историю исключительно в контексте формирования ее нравственных канонов с тем, чтобы увидеть генезис исторических форм и случаев введения в оборот понятий «честь» и «достоинство» в сферу государственного управления. Подобный дискурс позволит утвердиться в разнопорядковости значений, используемых понятий для целей государственного управления в настоящем.

На «заре» административной реформы, самой трудной в истории современной России²⁴, полицейская служба не так быстро и легко стала восприниматься в качестве части целостного института государственной службы, несмотря на то, что в России уже был принят Закон о системе государственной службы. Для правоохранительной сферы этот институт долгое время составлял некое автономное явление, более привычно относимое к службе гражданской и военной. А потому в правовом пространстве эта служба долгое время находилась на положении «дрейфующей». Причинность лежит в российской истории. Доступные в своем множестве исторические источники позволяют увидеть реальный процесс становления госу-

²² Статья 1 Федерального закона от 27 мая 2003 г. № 58-ФЗ «О системе государственной службы Российской Федерации» // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2003. № 22. Ст. 2063.

²³ Липатов Э.Г. и др. Комментарии к Федеральному закону «О системе государственной службы Российской Федерации». М., 2007. С. 12-13.

²⁴ Характер масштабного государственного дела этой реформе был придан в Послании Президента РФ Федеральному Собранию РФ на 2005 г. // Рос. газ. 2005. 26 апр.

дарственной службы в России, берущей свое начало от «государева двора» (XIV-XV вв.), способов ее обособления от иных (наемных) видов деятельности и деления на существующие сегодня виды.

Помня, что без «оборота» на историю, этические постулаты, как правило, обречены на морализаторское преувеличение, спекулятивность, а иногда и фетишизм, прибегнем к очень краткому историческому экскурсу в законодательные нормы о государственном управлении прошлого и настоящего для целей анализа нравственно-идеологических постулатов из области этики, которые выполняли функции нормирования поведения служащих в российской истории.

Концепция власти всегда тесно связана с теми, кто ее осуществляет. Самые первые этические стандарты службы управления появились еще в Древнем Риме. Мудрые римляне сформулировали сентенцию «*justitia regnorum fundamentorum*» – «справедливость есть основа государственной службы». Способы развития, сохранения и реализации этого постулата в последующие исторические периоды во многом определялись особенностями российского процесса формирования законодательства о государственном управлении: Россия не только позже других стран приступила к формированию института государственной службы, а соответственно и идеологии ее нравственности, но имела и значительные временные перемены в этих процессах. В итоге, несмотря на то, что как явление данный институт появился в России достаточно давно (в XV-VII вв. с созданием централизованного государства и появлением «служилых людей»), полноценное законодательное и иерархически понятное оформление с учетом видового разнообразия государственной службы он стал получать только в XXI веке с принятием Закона о системе государственной службы.

Патримониальный характер службы, когда каждый служащий рассматривался как слуга государя, все же не исключал нравственных ориентиров для лиц, ее отправляющих. Однако все указывает на то, что «жажда» этических норм для этого времени была во многом стихийной. Стремясь подчинить отправлению службы неким нравственным нормативам, государство в той или иной степени пыталось рационализировать моральные воззрения, с которыми следовало считаться каждому при отправлении государственной службы. Степень рационализации была различной: где-то преобладали общефилософские тенденции, где-то был обычный этический идеализм. Так, в самых первых документальных источниках о службе, например Наказе о градском благочинии 1649 года, можно отыскать такие лексические единицы нравственного порядка, как «достоинство», «благопристойность», «почетность службы», «важность для всех граждан». То же самое и в небезызвестном петровском Указе от 4 февраля 1722 г. «Табель о рангах»²⁵. Это было время, когда законодательство начало охватывать все

²⁵ Полное заглавие закона: «Табель о рангах всех чинов, воинских, статских и придворных, которые в котором классе чины; и которые в одном классе, те имеют по старшинству времени вступления в чин между собою, однакож воинские выше прочих,

сферы жизнедеятельности государства, что с необходимостью повлекло за собой более четкое разграничение функций между разными отраслями управленческой деятельности.

Фактически с принятием Указа был создан социально-правовой институт государственной службы с подразделением на службу военную (наиболее престижную), государственную гражданскую (статскую) службу и службу придворную. До принятия этого Указа «государев двор» как подобие госаппарата строился лишь на двух фигурах: офицере и чиновнике. Указ постоянно дополнялся и изменялся, исходя из стремления избежать пороков в управлении, но большей частью это было безуспешно. В намерениях Петра I была мечта о невозможном: о самостоятельных, инициативных людях – гордых и свободных в деловой сфере и одновременно – рабах в сфере общественной.

Все «управители и служители» при заступлении на должность обязаны были приносить присягу, чья словесная формула звучала как «Честь – в службе Отечеству».

Карательно-правоохранительное назначение придворной службы, ее работа «по своим правилам» соответствовали самодержавной форме правления. Это неизбежно налагало собственный отпечаток на социокультурный облик этой службы. Как свидетельствуют многочисленные источники, он сильно уступал двум другим видам службы²⁶. Об этом весьма красноречиво сообщают и многовариантные исторические названия лиц, исполнявших придворную службу, – «объезжие головы», назначавшиеся из дворян, уличные сторожа и решеточные приказчики как представители населения, позднее – регулярные войска стрельцов и пушкарей, рабоче-крестьянской, народной милиции.

В части деонтологических правил для служивых людей значим Устав благочиния или полицейский от 8 апреля 1782 г., признанный в литературе первым российским кодексом поведения чинов полиции и именуемый правилами «добронравия». Согласно ему «начальствующий состав полиции кроме здравого рассудка, доброй воли в отправлении порученного, человеколюбия, верности службе, должен иметь усердие к общему делу и радение должности, честность и бескорыстие»²⁷. Очевидны

хотя б и старее кто в том классе пожалован был». См.: Воскресенский Н.А. Законодательные акты Петра I. М.; Л., 1945, Т. 1.

²⁶ Как отмечено в литературе, основой менталитета дворянства, за счет представителей которого формировались военная и статская служба, являлся цивилизованный патриотизм, его составными частями были религиозность, жертвенность, чувство собственного достоинства, долг, честь. Декларировалось, что дворянское происхождение несовместимо с подлостью и дает преимущество перед другими сословиями, например, право занимать высокие должности в государстве, быть приближенным к монарху. См.: Фельбигер И.И. О должностях человека и гражданина. СПб., 1783. С. 52, 53.

²⁷ Российское законодательство X-XX веков: в 9 т. / под ред. Е.И. Индова. М.: Юрид. лит., 1987.

философские каноны Устава, отраженные в выражениях «душа гражданства» (о назначении полиции), «не чини ближнему, чего сам терпеть не хочешь». Речь шла об извечном – стремлении «обуздать порочность», живущую в каждом человеке. Но не только – это было начало рационализации тех моральных воззрений, с которыми следовало считаться каждому при отправлении государственной службы.

В XVIII в., когда правительство серьезно озаботилось качеством служащих в полиции, было издано более 30 разных узаконений о штатах полиции. В стремлении преодолеть пороки, от которых «стонала дореформенная Россия – непрофессионализм, коррупция, взяточничество» (И. Ильин, 1934), поднять авторитет полицейской службы была учреждена медаль с надписью «За беспорочную службу в полиции»²⁸.

Первые относительно систематизированные нормативные правовые акты о государственной службе относятся к XIX веку. В их числе свод Уставов о службе гражданской 1832 г., составителем которого являлся М.М. Сперанский. Документ выполнял роль статута государственной гражданской службы, имел сложную структуру, включающую в себя собственно право государственной службы, служебно-деликтное право, служебную юстицию²⁹. Подобные аспекты для службы полицейской на этот момент истории еще были недостижимыми, так как в отличие от военной и статской службы она не мыслилась в виде «почетной обязанности для благородных людей». В части деонтологии Устав гласил, что «все служащие возложенные на них должности обязаны исправлять согласно своей присяге с усердием, нелицемерно и добросовестно, не позволяя себе ни из вражды, ни из свойства или дружбы, а тем более из корысти или взяток, ничего противного долгу присяги, честности и возложенного на них служения. Посему лень, нерадение и не прилежность к порученному долгу почитаются для них стыдом, упущение же должности и нерадение по части блага общего, им вверенного, главнейшим поношением». Из нормы Устава видны последствия для отступивших от честной службы – стыд и упущение должности, в которых легко просматривается аналог современной нормы Закона о службе в органах внутренних дел об увольнении со службы в связи совершением поступка, порочащего честь и достоинство сотрудника (ч. 3 ст. 82).

Норма о том, что лица, поступающие на службу, должны обладать «гражданской честью», появилась в следующем Уставе о службе по определению Правительства 1896 года. В период, предшествующий его принятию, государственная служба стала подвергаться критике. Принятию Устава предшествовало расширение перечня лиц, имеющих право доступа к государственной службе, но с сохранением основного – сословного принципа формирования государственной службы. Допуск к службе лиц,

²⁸ См.: Развитие русского права во второй половине XIX – начале XX века. М.: Наука, 1997. С. 58.

²⁹ Свод законов Российской империи. СПб., 1896. По Продолжению 1906 г. Т. 3. Кн. 1.

имеющих недворянское происхождение, побудил составителей Устава к ужесточению правил приема на службу и использованию в нем таких лексических единиц, как «добропорядочность», «дурное поведение», «предосудительные поступки» (ст. 195 Устава 1896 г.). Так, стихийно и постепенно в полицейскую службу входил «набор» провозглашаемых добродетелей в виде «сдержек для обузданности должностных лиц» (Г.Р. Державин, 1784) и бичуемых пороков, получивших в философских и религиозных учениях имя «болезней совести».

В XIX в. начала возрастать роль прессы в освещении служебной деятельности полицейских, а частные лица получили право обращаться в порядке гражданского судопроизводства в суд для привлечения должностных лиц полиции к ответственности «за нерадение, принесшее ущерб поведению». Было установлено (в 1873 г.) комплектование полиции по найму. Вместо армейской службы появилась профессия полицейского. К профессиональным полицейским стали предъявлять более высокие требования, чем к военным: кроме российского подданства, возраста (не моложе 25 лет), физического и психического здоровья требовались безупречная репутация, отсутствие судимости и принятие присяги. Для истории полицейской службы это были весьма значимые этические «метки», не позволившие порвать связь с первыми нравственными установлениями.

Однако отсутствие четких правовых начал в регулировании деятельности полиции того времени, плохо спасали от многочисленных случаев полицейского произвола. Этические правила тяжело укоренялись на этой службе. Был констатирован кризис полицейских институтов. Как отмечал И.Т. Тарасов, «...для полиции, безответственной перед судом, как наша полиция, всякая принудительная власть оказывается рано или поздно недостаточною, при мизерных или призрачных результатах, достигаемых ею, так как с одной стороны стремление к произволу всегда безгранично, с другой – произвол этот сам по себе обессиливает полицию, создавая для нее все новые и новые опасности»³⁰.

Но процесс внедрения в служебное законодательство нравственных установлений все-таки шел дальше. В Уставе о службе по определению от Правительства 1896 года были предприняты попытки сформулировать теперь уже квалификационные требования для кандидатов при приеме на службу в органы полиции. В полицейский оборот входит слово «честь». В широком смысле употребление означало недопустимость совершения поступков, не согласных с нравственностью. В этом была его самодостаточная значимость, так как на данный период истории не было ни учебников по этике, ни разветвленного дифференцированного законодательства, ни науки под названием «профессиональная этика».

Устав о службе 1896 г. с разными продолжениями и дополнениями действовал до октября 1917 г. С принятием Декрета об уничтожении со-

³⁰ Тарасов И.Т. Личное задержание как полицейская мера безопасности. Ярославль: Типография Г. Фальк, 1886. Ч. 2. Отд. 2. С. 364.

словий и гражданских чинов от 11 ноября 1917 г. и до 1992 г. поступательное развитие государственной службы остановилось. Каких-либо документов государственного масштаба не принималось. Однако было обращено внимание на необходимость борьбы с оскорблениями представителей новой государственной власти. Ответственности подлежали лица, совершившие «нарекания, клеветнические и иные измышления и оскорбления словом, путем печати или действием отдельных членов и представителей местных или центральных властей или отдельных ее представителей в том или ином из советских учреждений, если таковые оскорбления направлены персонально против тех или других лиц, но не против учреждений в целом или работающих там работников, без указания конкретных лиц, — изъеются из ведения трибуналов и подлежат рассмотрению в местных судах в порядке рассмотрения частной жалобы потерпевшего, если только не будет доказан специально хулиганский характер действий обвиняемого и злостная цель оскорбления в лице того или другого представителя строя Советской Республики в целом»³¹.

Принятый в 1922 г. УК РСФСР ввел в текст термин «представитель власти» (ст.ст. 86, 88 и др.)³². С его помощью разграничивался круг потерпевших от соответствующих деяний. На этот момент у законодателя еще не сложилась концепция защиты прав лиц, действующих от имени государства, защите подлежал сам порядок управления, но начало было положено. В УК РСФСР 1926 года³³ термин «представитель власти» не вошел, однако появились нормы, направленные на уголовно-правовую защиту лиц, выполняющих функции органов управления в виде фиксации в уголовном законе запретов посягательства на жизнь, здоровье, честь, достоинство сотрудников милиции. Тем самым шел процесс формирования государственной политики, направленный на выработку специальных правил охраны прав лиц, в том числе прав личных, которые доступны к нарушению при исполнении сотрудником служебных обязанностей.

Этические же стандарты поведения сотрудников милиции, как и иных лиц, выполняющих функции государственного управления, остались в забвении. В этот период, когда было отвергнуто «наследие царского режима», правительство запретило существование этики. Исходная идея запрета состояла в том, что всякий человек сам должен поступать должным образом, руководствуясь моральными убеждениями, а не следовать инструкциям и специальным нормам права³⁴. В сферу управления вошли

³¹ Брагина А.Г. Уголовная ответственность за оскорбление представителя власти: дис. ... канд. юрид. наук. Красноярск, 2006. С. 18.

³² УК РСФСР 1922 г. // Сборник документов по истории уголовного законодательства СССР и РСФСР. 1917-1952 гг. М.: Госюриздат, 1953.

³³ Сборник материалов по истории социалистического уголовного законодательства (1917-1937 гг.): учеб. пособие. М.: Юрид. изд-во НКЮ СССР, 1938.

³⁴ Возврат советской науки к морально-этическим ценностям произошел в 1944 году, когда хирург Н.Н. Петров, избегая понятие «врачебная этика», ввел в оборот понятие «медицинская деонтология», обозначавшее морально-нравственные требования о

управленческо-психологические начала. На смену той части философии, которая именовалась этикой, пришел идеологический диктат в виде моно-идеологии³⁵.

Эти исторические события на семьдесят с лишним лет остановили развитие таких важных для государства социальных явлений, как профессиональная культура с ее макро- и микроуровнями, этика управления, административная этика, находившихся до конца XX в. в разряде неопознанных. Как следствие, не было и нормативного определения государственного служащего и, соответственно, требований, в том числе нравственных, которые к нему могли предъявляться. В сознании общества была группа должностных лиц, обладающих особым статусом и местом в существующей иерархии государственных организаций с достаточно высоким уровнем защиты со стороны государства³⁶. Регуляторами их поведения были не столько нормы права, сколько традиции, устоявшиеся социальные нормы и меры идеологического воздействия.

Однообразие государственных процессов и стереотипный набор способов социально-государственного управления в советский период российской истории не обеспечивали востребованности той части этики, которая сегодня именуется профессиональной этикой государственного служащего. Не существовало и теории этического поведения государственных служащих, которая могла бы быть ориентированной на практику, а потому отсутствовали нравственные и поведенческие образцы служебного пове-

должном. См.: Петров Н.Н. Вопросы хирургической деонтологии. Л.: Медгиз, 1956. С. 11.

³⁵ Отмечая неоднозначность «этической истории» России, ученые констатируют, что только в XX в. Россия столкнулась с такими видами этатизма, как: этический идеализм (примат этики), этический социализм, этический марксизм, позитивная научная этика, моральная идеология с изоляцией от общеполитических традиций («предэтика»). Этатизм (от франц. *etate* – государство) оправдывает засилие государства во всех сферах общественной жизнедеятельности, его абсолютизацию в решении вопросов публичной и частной жизни людей. Государственное управление становится избыточным и чрезмерно жестким в отношении личности, ее права и свободы ограничиваются. Личность используется как инертное средство достижения этатистских устремлений, ей отказывают в естественном праве на самостоятельное волеизъявление и самоутверждение. В качестве оправдания процессов огосударствления всех форм социальной жизни избирается постулат о приоритете принципов государственной необходимости и государственной целесообразности, иных высших целей государства, достижение которых заключается якобы в интересах общества и граждан, хотя государственные функции явно переходят грань оптимальных взаимоотношений между государством и личностью. См.: Оксамытний В.В. Общая теория государства и права. М.: Юнити-Дана, 2012. С. 75.

³⁶ Поборча Н.П. Советская государственная служба: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Л., 1952; Фаянс Н.И. Советская государственная служба на современном этапе: дис. ... канд. юрид. наук. М., 1955; Манохин В.М. Советская государственная служба. М., 1966.

дения в качестве неотъемлемой части административной культуры³⁷. Пребывая в разряде философских, религиозных, пришедших в основном из истории воинских уставов, понятие «честь» не было подвластно правовому осмыслению. В самом широком смысле употребление слова «честь» означало недопустимость совершения нечестных поступков, не согласующихся с нравственностью. В трудовом законодательстве существовало понятие «трудовая честь». На самом деле им обозначался не вид чести как таковой, а идея социализма о том, «что в социалистическом обществе все трудятся». Защита трудовой чести осуществлялась методами трудового права в виде запрета на увольнение по основаниям, не предусмотренным законом. Разговор о чести именно в трудовом ключе полностью исключал всякие суждения о каких-либо материальных компенсациях в случае ее ущемления.

В данный период истории не было ни учебников по этике, ни науки под названием «профессиональная этика». Основным способом функционирования этического знания в этот период истории было моральное теоретизирование в рамках учебных аудиторий.

Период постсоветской неопределенности по отношению к государственной службе как важнейшему государственному институту закончился довольно быстро. Новый этап создания законодательства о государственной службе, ориентированный на изменение базиса общественных представлений о ней и многочисленными попытками преодоления нравственных пробелов в его нормах, начался в 1992 г. Его начало связано с заключением в 1992 г. федеративного договора, предусматривающего принятие нового законодательства о государственной службе, и принятием в 1993 г. Конституции РФ.

Постсоветское время, кроме прочих многочисленных новшеств, не сразу, но постепенно принесло с собой нарастающее повышение роли морального фактора в жизни общества. Моральная регуляция стала охватывать новые «участки» социальной реальности – государственная служба в их числе. Начал набирать обороты процесс этизации государственной службы в виде усиления внимания к морально-этическим аспектам поведения государственных служащих. В немалой степени этому способствовали и другие социальные процессы в виде усиливающегося законного взаимодействия государственных служащих с другими этическими группами (политики, бизнесмены); процессов технической оснащенности управления государственной службы, которые существенно изменили регламенты взаимодействия с обществом, «взывающего» к гуманности; прихода в зону этического взаимодействия «социально ослабленных групп населения» с достаточно высокой степенью активности в своих законных притязаниях. Начался новый исторический этап создания законодательства о государственной службе, который в своем движении неизменно сопро-

³⁷ Первым учебником по этике является учебник А.Ф. Шишкина Основы марксистской этики. М., 1961. Первой монографией по этике – труд Л.М. Архангельского «Категории марксистской этики». М., 1963.

вождался созданием морально-нравственной терминологии. Не все в нем получилось сразу, в том числе в части разграничения правового и внеправового, но этот процесс стал частью современных государственных кадровых технологий со всеми его ошибками и трудностями рабочей терминологии. К этому времени в международной практике уже был принят Кодекс поведения должностных лиц по поддержанию правопорядка³⁸, ставший доступным в связи с активно идущими процессами глобализации.

После долгого перерыва правовой статус государственного служащего был сформулирован в Положении о федеральной государственной службе, утвержденном Указом Президента РФ от 22 декабря 1993 г. № 2267³⁹. Его принятие стало началом формирования социально-профессиональной общности «государственные служащие» (вместо государственной бюрократии). Впоследствии на его основе был принят Федеральный закон от 31 июля 1995 г. № 119-ФЗ «Об основах государственной службы Российской Федерации»⁴⁰.

Нравственные требования к служащим в Указе от 22 декабря 1993 г. были сформированы кратко и риторически: «обязаны соблюдать нормы служебной этики» (ст. 8 Указа). Но нравственно-этическое начало, пришедшее из дореволюционных усилий, было продолжено. Минимизация же требований на уровне Указа предполагала принятие последующих актов с адресными формулировками нравственных цензов, что и последовало. Не особо связывая факт принятия этих актов исключительно с нормами морали, в разных областях государственного управления, и не только, стали приниматься Кодексы чести, направленные на установление правил служебной (трудовой, корпоративной) этики. Процесс был объективный – в каждой профессии есть свои нравственные проблемы. Наиболее известными из них стали уже упоминаемые Кодекс чести судьи Российской Федерации 1993 г. и Кодекс чести рядового и начальствующего состава органов внутренних дел Российской Федерации 1993 г. Эти кодексы в первых своих текстах воплотили небогатый российский опыт в закреплении нравственных стандартов, которые моральной практике поставила не столь развитая на то время этическая теория.

Формирование новейшей системы государственной службы России было связано с проведением официально объявленной реформы государственной службы, начавшейся с Концепции реформирования системы государственной службы РФ, утвержденной Президентом РФ от 15 августа

³⁸ Принят Резолюцией Генеральной Ассамблеи ООН 34/169 от 17 декабря 1979 г. Руководящие принципы для эффективного осуществления (Утверждены резолюцией Экономического и Социального Совета ООН от 24 мая 1989 г.). См.: СССР и международное сотрудничество в области прав человека. Документы и материалы. М., 1989. С. 500.

³⁹ САПП РФ. 1993. № 52. Ст. 5073.

⁴⁰ Собр. законодательства Рос. Федерации. 1995. № 31. Ст. 2990.

2001 г.⁴¹, и Федеральной программы «Реформирование государственной службы Российской Федерации (2003-2005 гг.)»⁴². В рамках этой программы был принят Указ Президента Российской Федерации от 12 августа 2002 г. № 885 «Об утверждении общих принципов служебного поведения государственных служащих»⁴³. Его нормы предписывали государственным служащим «соблюдать нормы служебной, профессиональной этики и правила делового поведения».

С принятием Закона о системе государственной службы была реанимирована видовая классификация государственной службы (военная, гражданская, правоохранительная). Каждая разновидность службы признана частью целостного государственно-правового института. В числе основных принципов построения и функционирования системы государственной службы названы принципы профессионализма и компетентности государственных служащих. Статьей 10 Закона было установлено, что «правовое положение (статус) федерального государственного служащего и государственного гражданского служащего субъекта Российской Федерации, в том числе ограничения, обязательства, правила служебного поведения, ответственность, а также порядок разрешения конфликта интересов

⁴¹ В Концепции были «озвучены» те показатели, которые характеризовали нарождающийся институт государственной службы: отсутствие целостной системы государственной службы. Государственная служба и на федеральном уровне, и на уровне субъекта Российской Федерации осуществляется как служба в отдельном органе государственной власти; наличие противоречий в законодательстве о государственной службе; недостаточная эффективность деятельности органов государственной власти и их аппаратов; снижение престижа государственной службы и авторитета государственных служащих; слабое использование современных технологий государственного управления, в том числе информационных, отвечающих задачам реализации масштабных общегосударственных программ и проектов; непоследовательность кадровой политики в сфере государственной службы; низкая эффективность механизма профилактики коррупции и борьбы с ней, а также правовых и организационных мер контроля деятельности органов государственной власти и их аппаратов со стороны гражданского общества; несоответствие социального и правового положения государственного служащего степени возлагаемой на него ответственности и уровню законодательных ограничений, существующих на государственной службе; отсутствие надлежащей регламентации деятельности органов государственной власти, их аппаратов и государственных служащих, что способствует бюрократизации отношений между органами государственной власти, структурными подразделениями аппарата органа государственной власти, а также между органами государственной власти, гражданами Российской Федерации и структурами гражданского общества; информационная закрытость деятельности органов государственной власти; неразработанность механизмов взаимосвязи государственной службы с муниципальной службой.

⁴² Собр. законодательства Рос. Федерации. 2002. № 47. Ст. 4664. Позднее была принята еще одна федеральная программа «Реформирование и развитие системы государственной службы Российской Федерации (2009-2013 годы)» // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2009. № 11. Ст. 1277. К моменту принятия данной программы оценка деятельности государственных служащих уже стала зависеть от качества государственных услуг, оказываемых гражданам и юридическим лицам.

⁴³ Собр. законодательства Рос. Федерации. 2002. № 33. Ст. 3196.

и служебных споров устанавливается соответствующим федеральным законом о виде государственной службы»⁴⁴.

После принятия Закона о системе государственной службы кодексы чести стали заменяться кодексами этики.

В Послании Президента Российской Федерации Д.А. Медведева Федеральному Собранию РФ от 5 ноября 2008 г, отмечено, что система государственной бюрократии в стране не эффективна, порождает коррупцию, массовый правовой нигилизм, вступает в противоречие с Конституцией⁴⁵. 1 июля 2010 г. был принят Указ Президента Российской Федерации № 821 «О комиссиях по соблюдению требований к служебному поведению федеральных государственных служащих и урегулированию конфликта интересов», а 23 декабря 2010 г. Типовой кодекс этики и служебного поведения государственных служащих Российской Федерации и муниципальных служащих, одобренный решением президиума Совета при Президенте Российской Федерации по противодействию коррупции (протокол № 21) .

Начиная с 2011 г. в федеральных органах государственной власти, а также в органах государственной власти субъектов Российской Федерации была проведена работа по утверждению кодексов этики по образцу Типового кодекса. Практически во всех кодексах закреплено аналогичное положение о том, что нормы Кодекса «служат основой формирования должной морали, профессиональной чести и служебного этикета государственных служащих; ориентируют государственных служащих в ситуациях конфликта интересов и этической неопределенности или иных обстоятельств нравственного выбора; способствуют выработке потребности соблюдения профессионально-этических норм поведения; выступают как институт общественного сознания и нравственности государственных служащих, их самоконтроля». Тем самым была достигнута определенность в тех морально-этических канонах, которым обязаны следовать государственные служащие. Благодаря им большая часть неписаных правил профессиональной морали была заменена правилами писаными; произошла предметная увязка российского законодательства с международно-правовыми нормами в части использования морально-этических императивов; появились зримые стандарты должного служебного поведения, определяющие в числе других факторов исходные основы его правомерности и границы саморегуляции; относительно определенными стали пределы нравственно-

⁴⁴Для военной и гражданской службы сегодня таковыми законами являются Федеральный закон от 28 марта 1998 г. № 53-ФЗ «О воинской обязанности и военной службе» // Собр. законодательства Рос. Федерации. 1998. № 13. Ст. 1475. Для гражданской службы – Федеральный закон от 27 июля 2004 г. № «О государственной гражданской службе» // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2004. № 31. Ст. 3215. Закон о правоохранительной службе пока не принят. См.: проект Федерального закона «О правоохранительной службе Российской Федерации», внесенный Президентом РФ. URL: <http://www.chupanov.narod.ru/Library/03/01.htm>.

⁴⁵ Рос. газ. 2008. 6-12 нояб. С. 3.

го поведения служащих, направленные на нейтрализацию возможности совершения коррупционных правонарушений.

Эталоны нравственной культуры стали наполнять анналы государственной службы в системно-писаном виде. Процесс идет не без трудностей. Нравственные традиции в данной сфере пока еще слабы, что предопределяет и слабость нравственно-этических стереотипов повседневного мышления в ментальном измерении самих государственных служащих. Отсутствие как таковой этической стратегии в государственном управлении, направленной не только на принятие необходимых правовых и внеправовых документов, но и на воспитание, формирование умений пользоваться правилами этики, развитие культуры чувств, поведения и манер государственного служащего, не позволяет достигнуть определенности по части вопросов. Так, нет ее в вопросах алгоритма формирования этических стандартов, в словарный оборот пока не вошло такое необходимое для сферы должностования понятие, как «этические риски», следовательно, не актуализирован и вопрос об их минимизации.

Современный организационно-правовой механизм полицейской власти как вида профессиональной государственной деятельности – это результат его предыдущего развития в конкретном обществе. Эта история самобытна и, как показывает прошлое, невозможна к заимствованию из другого общества. Но эта же история демонстрирует и тот факт, что полиция в России – это уже достаточно «взрослый» государственный институт, и он вполне способен воспринять те положительные тенденции, которые сегодня в условиях глобализации происходят в мировом этическом пространстве.

§ 3. Теория прав человека и современная концепция о чести и достоинстве в сфере правоохранительной службы: общее и особенное

Если сами понятия «честь» и «достоинство» находятся в философском ложе, не составляя в части их определения предмета позитивного нормирования, то право личности на честь и достоинство, их охрана – это сфера нормативная, берущая свое начало в теории прав человека. Языковая единица «права человека» исходит из множества уже ранее названных межгосударственных и национальных законодательных актов, имеющих оправданно декларативный жанр, направленный на учредительство личных и имущественных прав человека с гарантией их защиты. Аналогами понятия «права человека» являются такие понятия, как: права личности, естественные права, основные права, конституционные права, прирожденные права, субъективные права, личные права. Символичность и отличие языка прав человека от языка повседневного, его многовариантность обя-

зывают к поиску точного законодательного аналога соответствующего права личности.

В связи со сказанным констатируем необходимое – право сотрудника на честь и достоинство, защита этого права находится в «обойме» прав человека, тех прав, защищая которые государство преследует интересы не только конкретной личности, но и всего общества в целом.

Экскурс в этическую историю государственной службы обеспечивает понимание того, что этико-правовая концепция является во многом собирательной и, как принято считать, многоуровневой, в ней присутствуют моральный, идеологический, охранительно-правовой, деонтологический уровни.

Государственная служба – одна из немногих сфер жизнедеятельности, в которой задействованы все указанные уровни. Формулируя концепцию о чести и достоинстве применительно к правоохранительной службе, авторы ориентированы в первую очередь на размежевание и обоснованное их соотношение между собой без смешения одного уровня с другим, чему поможет как предыдущий экскурс во внеправовой исторический ареал, так и учет современных реалий, сформированных в законодательстве о защите чести и достоинства.

Приверженность России к международным стандартам в области прав человека обязывает видеть в каждом человеке, независимо от физиологических, интеллектуальных, статусных, социальных, возрастных и иных различий, его право на честь и достоинство, уважение и защиту этих прав. Данная идея есть та смысловая оболочка, в границах которой устанавливаются, изменяются, совершенствуются, декриминализируются нормативные правила о защите чести и достоинства как личности публичной или статусной, так и личности обычной (внестатусной)⁴⁶. В этом и состоит собственно законодательный смысл сочетания «защита чести и достоинства сотрудника органов внутренних дел». Более подробно он будет развит в разделе втором монографии.

Второй аспект в вопросах защиты права на честь и достоинство нравственный. Кратко его можно отразить этическим призывом Гегеля «будь лицом и уважай других в качестве лиц»⁴⁷.

⁴⁶ Как отмечено в определении Конституционного Суда РФ от 6 марта 2008 г. № 428-О-П по жалобе гражданки Кирюхиной И.П. на нарушение ее конституционных прав ч. 6 ст. 82 УИК РФ и п. 6 ст. 14 Закона РФ «Об учреждениях и органах, исполняющих уголовные наказания в виде лишения свободы», право на охрану достоинства личности, равно как и право на свободу и личную неприкосновенность, принадлежат каждому от рождения, относятся к числу основных прав человека и обеспечиваются повышенным уровнем гарантий со стороны государства. При этом предполагается, что государство обязано, не умаляя достоинство личности, устанавливать такой правовой порядок, который позволял бы каждому реализовать себя, в том числе в профессиональной деятельности, без ущерба для своего достоинства, чести и деловой репутации // Вестник Конституционного Суда Российской Федерации. 2008. № 5.

⁴⁷ Гегель Г.В.Ф. Философия права. М., 1990. С. 98.

Современную этическую историю правоохранительной службы с реконструкцией нравственного облика сотрудника принято отсчитывать от Кодекса чести рядового и начальствующего состава органов внутренних дел Российской Федерации, утвержденного Приказом МВД России от 19 ноября 1993 г. № 501 (далее – Кодекс чести 1993 г.). Это было время, когда представления о соотношении права и морали⁴⁸ были несильно развитыми за пределами идеологии, а теория профессиональной этики как учение о профессиональной морали с ее градацией на моральные нормы, моральные принципы, нравственные идеалы, моральные критерии только набирала обороты. Деонтологические⁴⁹ исследования хоть и появлялись⁵⁰, но были немногочисленными. Сущностные черты норм нравственности, связанные с тем, что их исполнение обеспечивается, как правило, только совестью конкретного лица, а обеспеченность извне (со стороны общества) носит случайный и неорганизованный характер и никогда не связывается с государственным принуждением, на момент принятия Кодекса не относились к актуальным. Он появился без должного теоретического задела. Ориентиром для составителей Кодекса чести в большей мере оказались стихийные исторические попытки нравственного нормирования службы благочиния и еще не столь доступный на тот момент зарубежный опыт.

История передала потомкам два варианта формулирования моральных норм: в негативной, запрещающей форме (например, Моисеевы законы – Десять заповедей, сформулированных в Библии) и позитивной (будь честен, помогай ближнему, береги свою честь). Вариант формулировок Кодекса чести 1993 г., по образцу зарубежных стран, имел позитивный оттенок. Согласно ему «сотрудник органов внутренних дел, являясь государственным служащим, наделенным властью, возлагает на себя ответственную обязанность следовать требованиям Присяги, служебного долга, дорожить честью представителя государственной власти, соблюдать высоконравственные нормы поведения». Право на доверие и поддержку граждан, сослуживцев и всего народа дают сотруднику органов внутренних дел его профессиональная честь, личное достоинство, порядочность, признанная окружающими его высокая репутация, заслуженное делами доброе имя.

⁴⁸ Кроме учебной литературы таких исследований на самом деле было мало, многие из них носили сугубо идеологический характер. См.: Васильев Ю.С. Взаимодействие права и морали // Советское государство и право. 1966. № 11; Лукашева Е.А. Мотивы и поведение человека в правовой сфере // Советское государство и право. 1972. № 8; Букреев В.И., Римская И.Н. Этика права. М., 1998.

⁴⁹ Термин «деонтология» был обозначен И. Бентамом в 1834 г. и первоначально отождествлялся с учением о нравственности, затем стал пониматься как одна из концепций морали (в противоположность аксиологии – учению о ценностях) и, наконец, как один из разделов этики.

⁵⁰ В этот период истории наука лишь подступала к исследованию этических вопросов и только в одном ключе – деонтологическом. См.: Булденко К.А. Профессиональная этика и эстетическая культура сотрудников правоохранительных органов. Хабаровск, 1993; Кукушкин Н.В. Твоя профессиональная этика. М., 1994.

Тем самым в Кодексе чести 1993 г. были сформулированы правила нравственного должностовования, которым обязан следовать сотрудник как член служебной корпорации.

Внутреннее наполнение Кодекса чести не в полной мере соответствовало его названию, употребившему слово «честь». Но свою историческую роль, в виде презентации моральной терминологии в сфере правоохранительной службы, Кодекс чести выполнил. Несмотря на то, что в литературе факт принятия аналогичных кодексов был расценен лишь «как дань европейской научной моде»⁵¹, его принятие дало возможность не повторить часть ошибок при внедрении этических правил в следующем акте. Им стал Кодекс профессиональной этики сотрудника органов внутренних дел Российской Федерации, утвержденный Приказом МВД России от 24 декабря 2008 № 1138 (далее – Кодекс этики 2008 г.), чьи этические требования были обращены «к сознанию и совести сотрудника»⁵². К этому времени уже действовал Модельный кодекс поведения для государственных служащих (приложение к Рекомендациям Комитета министров Совета Европы от 11 мая 2000 г. № R(2000)10 «О кодексах поведения для государственных служащих»). Как указано в ст. 3, Модельный кодекс «предназначен для уточнения норм поведения и честности, которые должны соблюдаться государственными служащими, для оказания им помощи в выполнении этих норм и информирования граждан о том, какого поведения они вправе ожидать от государственных служащих». Действовал также Указ Президента Российской Федерации от 12 августа 2002 г. № 885 «Об утверждении общих принципов служебного поведения государственных служащих», согласно которому государственные служащие обязаны «соблюдать нормы служебной, профессиональной этики и правила делового поведения».

Кодекс этики 2008 г. устанавливал необходимость соблюдения норм этики и нравственности при исполнении служебных обязанностей. В основе принятого Кодекса лежали европейские акты, и даже Священное писание. Этот Кодекс (в отличие от одностраничного Кодекса чести 1993 г.) имел внутреннюю структуру (7 глав и 28 статей). Его детальные формулировки вызывали немало вопросов и затруднений в реализации, однако на

⁵¹ См.: Иванцов М. Судейская этика. Саратов, 2008. С. 96.

⁵² Как написано в этических словарях, «совесть – субъективное осознание личностью своего долга и ответственности перед обществом, другими людьми, выступающее как долг и ответственность перед самим собой». См.: Словарь по этике / под ред. А.А. Гусейнова, И.С. Кона. 6-е изд. М., 1989. С. 321-323. В более широком нравственном значении совесть характеризует способность человека осуществлять нравственный самоконтроль, внутреннюю самооценку с позиций соответствия своего поведения требованиям нравственности, самостоятельно формулировать для себя нравственные задачи и требовать от себя их выполнения. См.: Кобликов А.С. Юридическая этика: учебник. 3-е изд., изм. М.: Норма: Инфра-М, 2014. С. 16. Как сказал неизвестный автор прошлого, «однако ж этот сердечный караульщик часто спит».

тот момент можно было говорить о создании поведенческого дресс-кода для сотрудника органов внутренних дел, которого в истории российской правоохраны еще не было. Впоследствии Кодекс этики 2008 г. был отменен с предписанием руководствоваться правилами Типового кодекса этики и служебного поведения государственных служащих Российской Федерации и муниципальных служащих 2010 г.

Несмотря на все «критические стрелы», выпущенные по кодексам этики 1993 г. и 2008 г., можно сказать, что это не было абсолютно стихийным проявлением приверженности к этике. Об этом свидетельствует не только предыдущий исторический опыт введения этических стандартов в сферу полицейской жизни, который отличался действительной стихийностью, но и общий курс государственного управления, ориентированный на курс добропорядочности государственного служащего.

Вместе с тем принятие и последующая отмена этих актов обнажила в практической плоскости проблему соотношения норм права и нравственности. Не всеми однозначно было принято то, что документы из области нравственности – это не источник нормативных моделей и не их продолжение, а потому безнравственность и незаконность – это не одно и то же. Нормы нравственности «работают» наряду с нормативными регуляторами, без подмены и смешения с последними⁵³. Нравственность – более гибкий, но и более жесткий инструмент поведенческого нормирования. В отличие от норм права нормы нравственности менее определены по содержанию, что связано с неопределенностью последствий их несоблюдения, неизвестностью способов понуждения к соблюдению. В этом заключается одно из значимых положений настоящего исследования, позволяющее не требовать от этических категорий «честь» и «достоинство» большего, чем они могут дать, находясь под «надзором» этики, а не права. Категорично, но весьма обоснованно в связи со сказанным суждение В.А. Белова: «Когда говорит право, нормы нравственности и иные социальные регуляторы либо его поддерживают, либо умалкают и не мешают ему»⁵⁴.

Современная иерархия этических норм о нравственных требованиях к служебному поведению сотрудника органов внутренних дел представлена общестатусным уровнем регулирования, в котором стандартизированы нравственные правила служебного поведения для всех государственных служащих в виде Типового кодекса этики и служебного поведения государственных служащих Российской Федерации и муниципальных служащих. Отдельная норма, посвященная требованиям к служебному поведению сотрудника органов внутренних дел, закреплена в Законе о службе в органах внутренних дел. Статья 13 устанавливает обязанность сотрудника «заботиться о сохранении своих чести и достоинства, не допускать принятия решений из соображений личной заинтересованности, не совершать

⁵³ Как утверждал Гегель, «моральная сторона и моральные заповеди... не могут быть предметом положительного законодательства». Гегель Г.В.Ф. Соч. М.; Л., 1934. С. 233.

⁵⁴ Белов В.А. Когда говорит право... // Закон. 2013. № 11. С. 75.

при выполнении служебных обязанностей поступки, вызывающие сомнение в объективности, справедливости и беспристрастности сотрудника, наносящие ущерб его репутации, авторитету федерального органа исполнительной власти в сфере внутренних дел, а также государственной власти».

Как указал Конституционный Суд Российской Федерации в определении от 19 июня 2012 г. № 1174-О, служба в органах внутренних дел является особым видом государственной службы, направлена на реализацию публичных интересов, что предопределяет наличие у сотрудников специального правового статуса, обусловленного выполнением конституционно значимых функций по обеспечению правопорядка и общественной безопасности. Законодатель, определяя правовой статус сотрудников, проходящих службу в органах внутренних дел, вправе устанавливать для этой категории граждан особые требования, в том числе к их личным и деловым качествам, и особые обязанности, обусловленные задачами, принципами организации и функционирования органов внутренних дел, а также специфическим характером деятельности указанных лиц. Поступая на службу в органы внутренних дел, гражданин добровольно возлагает на себя обязанность соответствовать указанным требованиям и добросовестно исполнять свои обязанности⁵⁵.

Компенсация статусных ограничений (и особые правила несения данного вида государственной службы) осуществляется за счет повышенных мер защиты прав сотрудников, обеспечения гарантий их неприкосновенности. Отражением данного правила является ч. 6 ст. 30 Закона о полиции, определяющей государственные гарантии защиты чести и достоинства сотрудника полиции и его близких. Включение данной нормы в закон продиктовано одновременно двумя факторами: преемственность с общеправовыми идеями того законодательства, которое устанавливает гарантии прав и свобод для любой личности, и спецификой служебного статуса сотрудника.

Норма легализует положение сотрудника как представителя государства и его притязание на то, чтобы другие лица не проявляли пренебрежения к нему как к государственному служащему, действующему в оперативных ситуациях без прямого надзора со стороны руководства. Сотруднику, действующему в оперативном порядке, зачастую в конфликтных ситуациях, нужна уверенность в том, что его правомерные действия получат поддержку государства, а его личные права, в случае их ущемления, будут защищены государством от противоправных посягательств. Гарантии защиты этих прав – необходимый элемент профессионального и социального

⁵⁵ См.: Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Гиниятуллина Альберта Мухаметовича на нарушение его конституционных прав пунктом 12 части 1 статьи 40 Федерального закона «О полиции»: определение Конституционного Суда РФ от 19 июня 2012 г. № 1174-О. Доступ из справ.-правовой системы «ГАРАНТ».

благополучия сотрудников полиции и должного нравственного духовного потенциала всего профессионального сообщества сотрудников органов внутренних дел.

В целях реализации на практике данных гарантий, усиления гуманистической составляющей правоохранительной службы, формирования его адекватного социокультурного статуса⁵⁶ был принят приказ МВД России от 2 октября 2012 г. № 900 «Вопросы организации защиты чести и достоинства, а также деловой репутации в системе МВД России» (далее – приказ МВД России от 2 октября 2012 г. № 900)⁵⁷, регламентирующий вопросы оказания сотруднику органов внутренних дел государственного содействия в защите его права на честь и достоинство в случае их нарушения. В числе иных актов этой сферы распоряжение Правительства РФ от 6 марта 2013 г. № 313-р «Об утверждении государственной Программы РФ «Обеспечение общественного порядка и противодействия преступности», которым запланировано проведение комплекса мероприятий по защите жизни, здоровья, чести, достоинства сотрудников органов внутренних дел, приказ МВД России от 12 сентября 2013 г. № 707 «Об утверждении Инструкции об организации рассмотрения обращений граждан в системе Министерства внутренних дел Российской Федерации», предписывающий руководителю органа внутренних дел принимать меры по защите чести и достоинства сотрудников, реализации или восстановлению их законных прав, если сведения, изложенные в обращениях, не нашли свое подтверждение. Нормы всех указанных актов ориентированы на те правовые ситуации, при которых право сотрудника на честь и достоинство выходит из зоны неприкос-

⁵⁶ К позитивным чертам имиджа современного сотрудника правоохранительных органов относят: «эстетичность образа в целом; стилевая завершенность, то есть сформированность гармоничного, целостного образа; устойчивость положительных черт в сознании и поведении, обусловленная их постоянным проявлением; примерность в выполнении этикетных норм поведения и общения, выдержанность и культурность манер; адекватность восприятия целостного образа». См.: Мяготин А.В. Имидж и стиль деятельности сотрудника правоохранительных органов как формы проявления его профессиональной этики // Международный семинар по проблемам полицейской этики: материалы междунар. семинара, Москва, 14-15 мая 2002 г. М.: Щит-М, Моск. ун-т МВД России, 2003. С. 16-22.

⁵⁷ Из разряда документов, ориентированных на защиту чести и достоинства сотрудников органов внутренних дел, см. также: приказ МВД России от 6 июля 2000 г. № 739 «Об утверждении Положения об Управлении информации Министерства внутренних дел Российской Федерации» (п. 28.: рассматривает совместно с заинтересованными подразделениями Министерства критические выступления в СМИ по вопросам деятельности ОВД, оказывает им помощь в подготовке материалов для опровержения не соответствующих действительности и задевающих честь и достоинство сотрудников ОВД сведений); Обращение министра внутренних дел РФ к сотрудникам органов внутренних дел и военнослужащим внутренних войск МВД РФ от 25 августа 2005 г. (п. 2.: обеспечить защиту чести и достоинства сотрудников органов внутренних дел в судебных и иных инстанциях, а также в средствах массовой информации).

новенности, вызывая необходимость привлечения охранительных сил и средств со стороны государства.

Подобный законодательный прием, связанный с указанием в законодательстве о государственной службе на гарантии исполнения служащим своих профессиональных обязанностей в виде защиты их прав, является необходимым элементом современных государственных кадровых технологий, отвечает международно-правовым обязательствам государства по защите прав и основных свобод человека. Заметим, что речь не идет о частной щепетильности (обида, грубость, поведенческая некорректность)⁵⁸.

Нельзя не признать тот факт, что в генетической памяти российского социума достаточно много фактов, которые не позволяют связывать социокультурный облик сотрудника органов внутренних дел с его абсолютно положительным имиджем. Тем имиджем, который оказывает позитивное психологическое воздействие на различные социальные группы общества, ассоциируя сотрудника с защитником. В этом заключается одна из многих причин того, что частыми и весьма распространенными являются случаи нарушения чести и достоинства сотрудников при исполнении ими служебных обязанностей. Однако сотрудники редко обращаются в суд с исками и заявлениями о своей защите⁵⁹. В литературе с целью преодоления такого положения высказано предложение о необходимости наделить МВД России достаточными нормотворческими полномочиями в области защиты чести и достоинства сотрудников органов внутренних дел для того, чтобы отразить специфику защиты чести, достоинства и деловой репутации в системе МВД России⁶⁰. Вряд ли такой простейший подход позволит разрешить ситуацию. Как свидетельствует история, честь как нравственное качество любой личности слишком чувствительна к различным социальным изменениям. В наиболее острые периоды истории многие основополагающие ценности ставятся под сомнение, что множит конфликты в обществе, в том числе и в отношении таких понятий, как честь и достоинство. Эффективное и своевременное разрешение данных конфликтов выступает одним из средств защиты и поддержания статуса как конкретной личности, так и того образования, в границах которого личность реализует свое со-

⁵⁸ Примером частной щепетильности является дело № 33-3273/2012, рассмотренное Ульяновским областным судом по заявлению Митягина Н.А. о том, что его оскорбил сотрудник РОВД М., в разговоре с ним указав, что ответчик разговаривает с ним на каком-то непонятном, «митягинском языке». Суд, отказывая в удовлетворении заявления, указал, что приведенные формулировки не носят характера оскорбления, не содержат в себе сведения, которые порочат честь, достоинство и деловую репутацию. См.: Дело № 33-3273/2012 // Архив Сенгилеевского районного суда Ульяновской области.

⁵⁹ Статистику по таким делам см.: Авдеева Е.В. Механизм уголовно-правового регулирования свободы личности в Российской Федерации: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2013. 28 с.

⁶⁰ Ерофеева Е.А. Проблемы защиты чести, достоинства, деловой (профессиональной) репутации в системе МВД России // Общество и право. 2014. № 3 (49). С. 67-68.

циальное назначение. Издание приказов МВД России в этой части является способом поддержать сотрудника в защите его чести как государственного служащего, обеспечить подразделения на местах необходимыми ориентирами и формами участия в судьбе отдельного сотрудника. Не следует обосновывать необходимость и эффективность этой поддержки радикальной ломкой имеющихся законодательных достижений, во многом опирающихся на исторические «подсказки» о том, что есть честь гражданская (честь «по природе») и честь приобретенная – профессиональная, которых роднит не только морально-этическое содержание, но и созданный государством юридический механизм защиты: в отраслях права гражданского и административного он является общим для всех, в праве уголовном идет учет особенностей статуса сотрудника органов внутренних дел как представителя власти.

Как минимум еще три аргумента помогают выразить возражения по изложенной позиции.

Во-первых, уточним цель приказа МВД России от 2 октября 2012 г. № 900: «Оказать необходимую методическую и практическую помощь органам внутренних дел и подразделениям центрального аппарата МВД России в опровержении недостоверной информации в судах», для того чтобы не приписывать ему функций «эффективной реализации мер защиты». В этом своем вспомогательном смысле данный акт самоценен. Его истинное назначение в том, чтобы помочь сотруднику, пострадавшему от ущемления чести и достоинства, сформировать «эффект корпоративного измерения случившегося факта ущемления служебной чести» при обращении в суд общей юрисдикции. Собственный чувственный и судебный опыт сотрудников, чья честь пострадала при исполнении служебных обязанностей и нуждается в защите, еще не столь велик. Помочь сотруднику в инициативных действиях по обращению за судебной защитой, обеспечить его пониманием того, что нарушение чести одного сотрудника – это покушение на честь всей служебной корпорации и это наносит непоправимый ущерб государственному управлению, – вот истинная цель приказа МВД России от 2 октября 2012 г. № 900.

Во-вторых, ни одно государство, заинтересованное в своем развитии, не согласится вернуться к тем простейшим формам, с которых начиналась его деловая государственность. Одной из таких форм, оставшихся в прошлом, является, по сути, неконтролируемое нормотворчество федеральных органов исполнительной власти, в значительной мере «поражавшее» работоспособность актов уровня закона и их нормативную определенность. Если говорить о Министерстве внутренних дел Российской Федерации, то в 2011 году удалось прийти к обоснованному перечню его нормативных полномочий, которые сегодня зафиксированы в Положении о Министерстве внутренних дел Российской Федерации, утвержденном Указом Президента РФ от 1 марта 2011 г. № 248. Отход от этого перечня будет являться вторжением в исключительную компетенцию федерального законодателя.

Третий аргумент связан с тем, что достаточно радикальные изменения и в законодательстве, и в компетенции МВД России, к сожалению, не до конца разграничивают аспекты использования понятий «честь» и «достоинство», которые, как было сказано выше, различаются при словоупотреблении в «защитном» контексте и в контексте «должного служебного поведения». Подобный методологический дефект, по понятным причинам, оставляет без ответа вопрос о юридической завершенности предлагаемых изменений. А они заключаются в том, что «создавая новые полномочия», надо создавать и новые способы и, может быть, формы защиты, которые будут специальными по отношению к профессиональной чести и достоинству, нежели имеющиеся сегодня (обновленные) формы и способы.

Как представляется, более актуальным является понимание связи разных юрисдикций по защите нарушенной чести без их конкуренции и противопоставления, учет специфики и целей каждой в виде восстановления нарушенных прав и реабилитации личности (гражданско-правовая) или в виде наказания по нормам административного и уголовного права.

Заявляя применительно к теме проводимого исследования три вида юрисдикции по защите права сотрудника органов внутренних дел на честь и достоинство – гражданскую, административную и уголовно-правовую, авторы не исходят из приоритета какой-то одной из них. Как известно, «веха» для этого поставлена уже давно в виде такого универсального критерия классификации правонарушений, как степень общественной опасности, позволяющая выделять преступления и проступки и вызывающая к жизни ту или иную юрисдикцию.

Собственно из этого и исходит законодатель, имея юридическое безразличное отношение к служебной (профессиональной чести). Особенность защиты права на честь и достоинство в гражданско-правовом порядке заключается в том, что каких-либо специально приспособленных норм к регулированию отношений по защите чести и достоинства сотрудника полиции в гражданском законодательстве нет и быть не может. Защита принадлежащих сотруднику личных благ, как и всем остальным лицам, гарантирована общим назначением гражданского права (как права «для всех») и одним из его ведущих принципов – восстановление и судебная защита нарушенных прав. Об этом более подробно речь пойдет в гл. 3 настоящей работы.

В связи со сказанным выше, методом перечисления обозначим те необходимые базовые подходы, с учетом которых возможна «тематизация» проблемы защиты чести и достоинства сотрудника органов внутренних дел.

Первое. Для целей недопущения противоречия между научной, идеологической и законодательной составляющей по поводу чести, обозначим, что вопрос о чести и достоинстве сотрудника органов внутренних дел, защита этих благ в случае нарушения – это, не в последнюю очередь, вопрос идеологический. Как известно, назначение идеологии в обществе – в разработке той системы ценностей, которую надлежит претворить в действи-

тельность. Гарантируя сотруднику защиту его чести при исполнении служебных обязанностей, государство защищает свои ценности. На это ориентированы международные и общегосударственные документы, находящие продолжение в нормах гражданского, административного и уголовного права.

Второе. Распределение идеологической нагрузки между актами нормативными и ненормативными по поводу чести и достоинства должно происходить с учетом природы каждого акта, исключая неправовую нагрузку на акты правовые, и наоборот. В противном случае эффект декларативности нейтрализует эффект работоспособности и тех и других.

Третье. Работая с категориями чести и достоинства, надлежит различать аспект *права на честь и достоинство*. Это тот юридический канон, который сообщает чести и достоинству их правовую идентификацию, исключая тем самым эти понятия из разряда юридически безразличных. Данная категория призвана служить целям их защиты, поскольку в праве нельзя защищать идеальные объекты, защите подлежит право на них.

Другой параллельно существующий аспект, не подлежащий смешению с обозначенным, – это то, что понятие «честь и достоинство» понимается как *долженствование, нормирование, стандартизация* облика сотрудника и его поведения при исполнении служебных обязанностей. На это направлены правила поступления на государственную службу, ориентированные на факт наличия у соискателя незапятнанной чести, Присяга сотрудника органов внутренних дел, являющаяся сегодня частью нормативного текста Закона о службе в органах внутренних дел, и ст. 13 названного Закона, гласящая о том, что сотрудник обязан заботиться о своей чести, дорожить ею, не совершать поступков, противных внутреннему убеждению государственного служащего. Этот аспект связан с нравственным «портретом» сотрудника органов внутренних дел.

Четвертое. Для целей правореализации и правоприменения надлежит разграничивать не только понятия «честь» («достоинство») как сугубо этические категории, «право на честь и достоинство», «защита чести и достоинства», но и относительно автономное по отношению к ним понятие «увольнение со службы в связи с совершением проступка, порочащего честь и достоинство сотрудника полиции», оформляющее самостоятельное основание для увольнения. Это тот редкий случай, когда нарушение моральных норм влечет за собой дисциплинарные санкции. Это понятие сконструировано законодателем с использованием категорий этики для строго определенной цели, продиктованной особым правовым статусом сотрудников и специальными правилами служебного поведения.

Все эти постулаты о чести, отобранные историей государственного управления, нашедшие собственное современное воплощение в действующих правовых нормах о чести, должны лежать в основе концептуальных подходов, связанных с внедрением этических стандартов в сферу правоохранительной службы.

ГЛАВА 2. ПРАВСТВЕННО-ЭТИЧЕСКИЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ СЛУЖЕБНОГО СТАТУСА СОТРУДНИКА ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ

§ 1. Правовой и смежный компоненты в служебном статусе сотрудника органов внутренних дел

Отличительным признаком правоохранительной службы являются прежде всего ее задачи, которые состоят в обеспечении безопасности личности, защите ее прав, свобод и законных интересов, защите интересов общества и государства от противоправных посягательств. Задачи обуславливают особый правовой статус сотрудника органов внутренних дел, отличный от гражданских и военных служащих. Их профессиональной обязанностью является защита жизни и здоровья граждан, обеспечение безопасности и установленного порядка управления, охрана общественного порядка и правопорядка.

Законодательная, социальная и морально-нравственная реконструкция образа сотрудника органов внутренних дел, начавшаяся с принятием Указа Президента РФ от 24 декабря 2009 г. № 1468 «О мерах по совершенствованию деятельности органов внутренних дел Российской Федерации», обусловила наличие в статусе сотрудника двух компонентов – правового и этического. Зримое присутствие второго компонента связано с утверждением того факта, что государственная служба – это вид деятельности, связанный с осуществлением политики государства и реализацией от имени государства основных экономических, социальных и политических программ, а государственный служащий – это часть государства, профессиональные качества которого зависят не столько от социально-бытовых условий жизни, сколько от политических, правовых и нравственных норм, выступающих ориентирами служебного поведения и образующих духовно-нравственный норматив поведения сотрудника полиции. Данная предметная область использования чести и достоинства как этических единиц не является ответвлением от конституционного и гражданского законодательства, устанавливающего право всякой личности на честь и достоинство и их неприкосновенность. Это самостоятельная сфера функционирования этической категории, изучаемая в теории деонтологии как междисциплинарной науки о социальных нормах и профессиональных стандартах должного поведения и снискавшая уже достаточно много доктринального внимания⁶¹. Мы же затрагиваем ее исключительно для целей размежевания с заявленной темой.

⁶¹ Профессиональная этика сотрудников правоохранительных органов / под ред. проф. А.В. Опалева и проф. Г.В. Дубова. М.: Юрайт, 2001; Профессиональная этика сотрудников органов внутренних дел: курс лекций. Екатеринбург: Изд-во Уральского юрид. ин-та МВД России, 2001; Щеглов А.В. Профессиональная этика сотрудников органов внутренних дел: учеб.-метод. материалы. М.: ЮИ МВД России, 2002; Власенков В.В. Этика сотрудников правоохранительных органов: учебник. М.: Щит-М, 2003; Вар-

44

Правовой статус сотрудника органов внутренних дел – это нормативное отражение его отношений с государством по поводу отправления такого вида государственной службы, как правоохранительная. Отраслевой правовой статус сотрудника полиции (административно-правовой), несмотря на свою правовую уникальность, связанную с выполнением конституционно значимых функций по обеспечению правопорядка и общественной безопасности, неизбежно характеризуется общими юридическими свойствами, имея свое наполнение за счет федерального законодательства. С учетом того, что это законодательство включает в себя общестатутный и специально-нормативный уровень, обозначим ведущие акты каждого уровня. В числе основополагающих – Федеральный закон от 27 мая 2003 года № 58-ФЗ «О системе государственной службы Российской Федерации» (далее – Закон о системе государственной службы) как общестатусный закон. Согласно ст.ст. 2 и 7 Закона о системе государственной службы, служба в органах внутренних дел является видом государственной службы и представляет собой профессиональную служебную деятельность граждан на должностях правоохранительной службы в государственных органах и учреждениях, осуществляющих функции по обеспечению безопасности, законности и правопорядка, борьбе с преступностью, защите прав и свобод человека и гражданина.

Закон о полиции и Закон о службе в органах внутренних дел относятся к законам специально-нормативного уровня. В соответствии с Законом о службе в органах внутренних дел сотрудник органов внутренних дел – гражданин, который взял на себя обязательства по прохождению федеральной государственной службы в органах внутренних дел в должности рядового или начальствующего состава и которому в установленном ука-

чук В.В., Варчук Т.В. Единство профессиональной и общекультурной, духовно-нравственной подготовки кадров правоохранительных органов // Вестник Московского университета МВД России. 2004. № 4. С. 115-122; Кузнецов И.А., Усманов Н.М. Объективные условия, оказывающие влияние на становление и развитие правовой культуры сотрудников органов внутренних дел // Юридическое образование и наука. 2006. № 1. С. 32-35; Коржиков О.Н. Пути повышения правовой культуры сотрудников правоохранительных органов // Правовая политика и правовая жизнь. 2007. № 4. С. 214-215; Кушнаренко И.А. Профессиональная этика сотрудников органов внутренних дел: учеб. пособие. М., 2008; Колодкин Л.М. Свод нормативной этики правоохранительной деятельности. Кодекс чести рядового и начальствующего состава органов внутренних дел России // Мораль и догма юриста: профессиональная юридическая этика: сб. науч. статей. М.: Эксмо, 2008. С. 240-251; Честь и долг сотрудника органов внутренних дел: учеб. пособие / под ред. В.Я. Кикотя. М.: ЦОКР МВД России, 2009; Профессиональная этика и служебный этикет: учебник / под ред. В.Я. Кикотя. М., 2011; Анисин А.Л. Нравственные основы службы в органах внутренних дел // Вестник ТИПК МВД России. Тюмень: ТИПК МВД России, 2013. Вып. № 1. С. 86-97; Петрова А.С., Шелепова М.А. Понятие нравственности в профессиональной деятельности сотрудника органов внутренних дел // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2013. № 2 (24). С. 101-106.

занным Законом порядке присвоено специальное звание рядового или начальствующего состава. Данное обязательство оформляется в правовом документе – контракте, обеспечивающем прохождение службы, определяющем права и обязанности сторон. Согласно контракту гражданин, поступающий на службу в органы внутренних дел, и сотрудник органов внутренних дел обязуется выполнять служебные обязанности в соответствии с должностным регламентом (должностной инструкцией) и соблюдать ограничения и запреты, связанные со службой в органах внутренних дел, а также внутренний служебный распорядок. В структуру специального правового статуса сотрудника органов внутренних дел входит его должностное положение (ст. 7 Закона о службе в органах внутренних дел) и специальное звание, которое во многом определяет объем и виды его прав (ст. 8). Указанные нормы обеспечивают полноту и точность восприятия правового положения сотрудника органов внутренних дел в системе государственной службы, основными элементами правового статуса которого являются: способ замещения должности; требования, предъявляемые к сотруднику; права и обязанности сотрудника; ограничения и запреты, связанные со службой; режим служебного времени и организация службы; порядок прохождения службы; гарантии правовой защиты сотрудника; меры стимулирования служебной деятельности; характер ответственности сотрудника. Главными особенностями, определяющими специфику статуса сотрудника органов внутренних дел, являются единоначалие и субординация.

Определяя специальный правовой статус сотрудников, проходящих службу в органах внутренних дел, законодатель вправе устанавливать для них в части реализации ими гражданских прав и свобод как определенные ограничения, так и особые обязанности, обусловленные задачами, принципами организации и функционирования службы в органах внутренних дел, а также специфическим характером деятельности указанных лиц. Функцию нормативного наполнения специального правового статуса сотрудника ОВД выполняет также Дисциплинарный устав органов внутренних дел⁶².

Внешними атрибутами правового статуса сотрудника органов внутренних дел являются форменная одежда, служебное удостоверение, право на ношение и хранение специальных средств и оружия.

Правовой статус сотрудника может быть прекращен по основаниям, указанным в законе. В числе таких оснований – п. 9 ч. 3 ст. 82 Закона о службе в органах внутренних дел, согласно которому контракт подлежит расторжению, а сотрудник увольнению со службы в связи с совершением проступка, порочащего честь сотрудника органов внутренних дел. В части этических оснований увольнения значима также ч. 4 ст. 7 Закона о поли-

⁶² О Дисциплинарном уставе органов внутренних дел Российской Федерации: указ Президента РФ от 14 окт. 2012 г. № 1377 // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2012. № 43. Ст. 5808.

ции, согласно которой сотрудник полиции как в служебное, так и во внеслужебное время должен воздерживаться от любых действий, которые могут вызвать сомнение в его беспристрастности или нанести ущерб авторитету полиции. В силу требований ч. 2 ст. 29 Закона о полиции сотруднику полиции запрещается совершать поступки, порочащие его честь и достоинство; допускать конфликтные ситуации, способные нанести ущерб его репутации или авторитету государственного органа.

По отношению к сущности таких этических категорий, как «честь» и «достоинство», право вторично, поэтому ему не дано определять их согласно правилам лингвистики. Эти категории давно нашли свое определение в области философии и ее части – науки этики, что позволило увидеть их логические пределы. К ним, несмотря на всю их содержательную неопределенность, проистекающую в первую очередь из высокой сложности любых общих философских понятий, таких как добро, зло и их производные, обращаются суды, мотивируя свои решения о том, было ли порочным поведение сотрудника.

По одному из споров ответчик – сотрудник полиции, будучи уволенным за совершение проступка, порочащего честь и достоинство сотрудника, не согласился с применением указанных актов, указав, что особенности увольнения сотрудников полиции должны согласовываться с общими принципами и нормами Трудового кодекса Российской Федерации, не содержащего такое основание для увольнения. Не принимая данных аргументов, суд указал, что с учетом особого правового статуса сотрудник несет моральную ответственность перед обществом, служебным коллективом и своей совестью на основе специального законодательства и действующих в этой сфере этических стандартов⁶³.

Опорочение чести может быть результатом действий самого сотрудника (самоопорочение), либо может быть связано с действиями третьих лиц (на языке дореволюционных юристов – «вытерпленная обида», «юридическое бесчестье» [infamia juris]), на современном законодательном языке – распространение порочащих и ложных сведений, оскорбление, клевета. В данном параграфе мы остановимся на фактах самоопорочения чести и их правовых последствиях с тем, чтобы разграничить это ответвление от предмета проводимого исследования.

Как показывает анализ практики правоприменения, круг порочащих поступков, совершенных сотрудниками органов внутренних дел, следствием которых является увольнение, достаточно широк. В их числе нанесение побоев потерпевшим (см.: Апелляционное определение Судебной коллегии по гражданским делам Белгородского областного суда от 14 августа 2012 г. по делу № 33-2287); некорректное отношение с подчиненными (см.: Апелляционное определение Судебной коллегии по гражданским де-

⁶³ Апелляционное определение СК по гражданским делам Суда Ханты-Мансийского автономного округа от 24 марта 2015 г. по делу № 33-1424/2015.

лам Верховного суда Кабардино-Балкарской Республики от 26 сентября 2013 г. по делу № 33-3666/2013); подделка документов об образовании (см.: Определение Московского городского суда от 27 июля 2010 г. по делу № 4г/8-6203/2010); завышение сумм компенсации за наем жилого помещения и др. Все эти факты были однозначно квалифицированы разными судебными инстанциями как «совершение поступка, порочащего честь и достоинство сотрудника полиции», дающего право на увольнение сотрудника, и все они были обжалованы заинтересованными лицами. Главный лейтмотив жалоб со стороны уволенных сотрудников сводится к тому, что суд использует «не то» понятие чести, которое предусмотрено законодательно, само же понятие «честь» эфемерно, размыто и не обеспечивает той необходимой связи, которая на самом деле позволяет квалифицировать действия сотрудника как порочащие. Налицо недооценка моральных регуляторов в структуре служебного статуса сотрудников со стороны самих сотрудников. Можно предположить, что одной из причин такого положения является то, что современный процесс рационализации моральных воззрений, с которыми следует считаться каждому при отправлении государственной службы, еще только набирает свои активные обороты.

Анализ судебной практики по вопросам увольнения за совершение порочащего проступка показывает, что правоприменение в этой части особых проблем не испытывает. Опираясь на честь как «категорию, характеризующую особые требования, предъявляемые к личным служебным и нравственным качествам сотрудника органов внутренних дел»⁶⁴, судьи признают действия сотрудников порочащими их честь при наличии необходимых доказательств этого.

Необходимой составной частью правового статуса сотрудника является его (сотрудника) государственная защита. Нормативная основа этой защиты, по общему правилу, не является для сотрудника специальной – она часть общего – конституционного, гражданского, административного, уголовного законодательства и законодательства, направленного на установление мер безопасности, правовой и социальной защиты судей, должностных лиц правоохранительных и контролирующих органов. Ведущими актами в этой сфере являются Федеральный закон от 20 апреля 1995 № 45-ФЗ «О государственной защите судей, должностных лиц правоохранительных и контролирующих органов»⁶⁵, Модельный закон «О государственной защите судей, должностных лиц правоохранительных и контролирующих органов»⁶⁶, Постановление Правительства РФ от 14 июля 2015 г. № 705 «О порядке защиты сведений об осуществлении государственной защиты, предоставления таких сведений и осуществления мер

⁶⁴ Апелляционное определение Московского городского суда от 16 июня 2015 г. № 33-13575/15.

⁶⁵ Собр. законодательства Рос. Федерации. 1995. № 17. Ст. 1455.

⁶⁶ Принят постановлением на двенадцатом пленарном заседании Межпарламентской Ассамблеи государств – участников СНГ от 8 дек. 1998 г. № 12-9.

безопасности в виде обеспечения конфиденциальности сведений о защищаемом лице»⁶⁷.

Основываясь на определении термина «правовой статус» как нормативно-правового пространства, в котором должностное лицо выполняет свои конституционные полномочия, сформулируем понятие морального статуса, имеющего отношение к пространству нравственному.

Идеи о взаимосвязи разделения общественного труда с моральными принципами заимствованы в сферу государственной службы из профессиональной этики. Благодаря этому применительно к государственному служащему речь стала идти не только об объеме его власти, но и о его особых человеческих качествах. Эти качества стали афишироваться, ангажироваться и презентоваться. В их числе честь и достоинство государственного служащего как качества, влияющие на его социальную успешность. Обладание ими стало одним из условий пригодности к выполнению профессиональных обязанностей лицами, которые в процессе трудовой деятельности выходят на межличностные отношения. Как отмечено в специальной литературе, это такие профессии, которые предполагают необходимость проникать во внутренний мир человека, оказывать непосредственное воздействие на него как на личность, принимать непосредственное участие в изменении его судьбы, что обуславливает существование таких норм профессиональной морали, которые, с одной стороны, содействуют успешному осуществлению профессиональных функций, с другой – обеспечивают охрану интересов личности, группы людей или государства⁶⁸. Это актуализирует вопрос о морально-нравственных основаниях правового статуса сотрудника органов внутренних дел и означает, что выполнение его служебных обязанностей связано не только с качествами профессиональной квалификации, но и с обладанием такими духовными качествами, которые выражаются через честь и достоинство.

С проблемой становления, укрепления и функционирования служебной нравственности в той или иной мере сталкивались все страны, озабоченные этическим обликом своих государственных служащих. Вопрос его создания, обеспечения и поддержания давно уже не является второстепенным для стран развитого правопорядка, исходящих из посыла о том, что «честный полицейский – это защитник, бесчестный – угнетатель». В отдельных странах этика как наука достигла значительных высот. В России этот процесс только начался.

Наиболее заметным в ряду этических актов, формирующих моральные требования к сотруднику полиции, является Типовой кодекс этики и служебного поведения государственных служащих Российской Федерации

⁶⁷ Собр. законодательства Рос. Федерации. 2015. № 29 (ч. II). Ст. 4503.

⁶⁸ Обозов Н.Н. Психология межличностных отношений. Киев: Лыбидь, 1990.

и муниципальных служащих⁶⁹. Отметим его заметную историческую роль в нравственной консолидации всех государственных служащих и персонализации их портрета, позволяющего отличить государственного служащего от наемного работника. Однако не станем преувеличивать его регулирующую роль, основанную не на правовых установлениях, а на этических постулатах, определяющих природу и роль такого акта, выполняющего роль детализации общечеловеческой морали для целей эффективного управления в масштабах конкретного профессионального звена.

Дело не столько в его названии, на которое упорно обращается внимание в литературе применительно к аналогичным актам⁷⁰. В рамках исторического экскурса мы не раз указывали на условность этого и подобных наименований этических документов. Более важно увидеть место предписаний, содержащихся в данном документе, их назначение и соотношение с предписаниями правовыми.

Безусловно, акт не имеет правовой природы, начиная с органа, его принявшего, и не может быть встроен в правовую систему. Вся его лексическая сила направлена на сознание и совесть служащих, внушая им, что для государственного служащего важен не только объем власти и полномочий, но и человеческие качества. Вся его «деонтологическая тональность» лишь подтверждает ту роль, которую он выполняет – роль этического регулятора из сферы профессиональной этики. Роль этого акта в оформлении внешних правил служебной этики в сфере деловой государственности. Он не изменяет и не дополняет правовой статус государственного служащего, а вводит дополнительный (смежный) компонент – этический. В масштабе государственных кадровых технологий такой прием является способом снижения управленческих рисков, механизмом самоочищения конкретного профессионального сообщества⁷¹.

Право и нравственность, несмотря на пересечение, относятся к отдельным системам социального порядка. Как по этому поводу сказал О.Э. Лейст, «общей целью права и его реализации является правопорядок. Общая цель морали – воспитание добропорядочной и добродетельной (делающей добро) личности. Все моральные нормы, вплоть до правил приличия, вытекают из этого идеала. Правовые нормы выражают государственную волю, направленную в конечном счете на поддержание общественного порядка. Моральные нормы выражают сложившиеся в том же обществе представления о положительных качествах личности в ее отношениях с

⁶⁹ Одобрен решением президиума Совета при Президенте Российской Федерации по противодействию коррупции от 23 декабря 2010 г. (протокол № 21) // Официальные документы в образовании. 2011. № 36.

⁷⁰ См.: Тесакова Н.В. Миссия и корпоративный кодекс. М., 2003; Малиновский А.А. Кодекс профессиональной этики: понятие и значение // Журнал российского права. 2008. № 4; Давидян Г.М. Некоторые проблемы профессиональной этики юриста в Российской Федерации // Закон. 2013. № 11; и др.

⁷¹ См.: Власенко Н.А. Правовые средства противодействия коррупции: науч.-практ. пособие. Доступ из справ.-правовой системы «ГАРАНТ».

другими людьми. Деяния, противоречащие праву, называются правонарушениями; люди, нарушающие моральные нормы, именуются порочными людьми порядка⁷². За пределами права понятия морали, не обремененные (в отличие от права) строгой дифференциацией используемых понятий и их формальным наполнением, могут иметь более широкую вариативность, разниться по наполнению, быть автономными или использоваться в совокупном словоупотреблении. Однако цель их сегодня является единой – сформировать положительный и престижный служебный образ сотрудника органов внутренних дел.

Соединение этического слова и правового действия, в совокупности ориентированных на честного и дисциплинированного государственного служащего, и есть та современная идеология российской государственной службы, которой следуют органы правоприменения, чьи судебные акты в абсолютном большинстве подтверждают правомерность результатов служебной проверки по факту совершения бесчестного поступка, дающего право на исключение сотрудника полиции из числа государственных служащих.

§ 2. Честь и достоинство как феномен самосознания сотрудника органов внутренних дел

Вопросу изучения личности сотрудника органов внутренних дел и его профессиональной деятельности уделяется особое внимание в условиях реформирования системы МВД России. Как со стороны широкой общественности, так и со стороны научных и практических кругов правового и общесоциального направления требования к уровню профессиональной пригодности сотрудника органов внутренних дел и его психологической готовности к овладению профессиональными компетенциями постоянно повышаются, что находит свое отражение в нормативных документах и конкретных мероприятиях по совершенствованию деятельности Министерства внутренних дел Российской Федерации.

Одной из основных целей реформирования в части профессионального обучения, подготовки и воспитания личного состава выступает процесс формирования сотрудника органов внутренних дел, обладающего современными правовыми знаниями, навыками и умениями, а также способностями выполнять в особых и сложных условиях служебные задачи, которые связаны с принятием решения при наличии профессиональных рисков. В ситуации повышенного внимания к работе правоохранительных органов в условиях современности одним из таких рисков является посягательство на честь и достоинство сотрудника органов внутренних дел.

⁷² См.: Лейст О.Э. Сущность права. Проблемы теории и философии права / под ред. В.А. Томсинова. М.: Зерцало, 2008.

По своему содержанию понятия «честь» и «достоинство» почти совпадают, однако они различаются по источнику оценивания: оценка чести — это общественное мнение, а оценка достоинства — это прежде всего дело самой личности, когда акцент переносится на собственную самооценку, которая базируется на осознании своих заслуг перед обществом и своей личной самооценности.

Как психологические категории честь и достоинство выступают одними из наиболее важных профессиональных качеств личности, необходимых ей для успешного выполнения служебных задач в системе МВД России. Эти качества являются морально-этической основой, стержнем личности, в сути которых лежит отношение к себе и к другому человеку, а также регуляция поведения в соответствии с этим отношением. Находясь в структуре наиболее важных прав личности и выполняя в то же время функцию нормирования поведения сотрудника органов внутренних дел, эти категории выполняют в равной мере и роль хранителя общечеловеческих норм, и роль поведенческого регулятора.

Честь и достоинство личности тесно переплетены с такими ее свойствами, как совесть⁷³ и ответственность, а также с проявлениями самосознания и самоконтроля личности.

Обыденные выражения, связанные с представлениями о службе в органах внутренних дел и часто употребляемые в деятельности сотрудника, такие как «достойный поощрения», «достойное поведение», «честь мундира», «достоинство и честь офицера», «дело чести», «поступок, порочащий честь и достоинство» и др., говорят о том, что честь и достоинство как характеристики личности имеют существенное значение, определяя успешность либо неуспешность службы в правоохранительных органах. Сотрудник органов внутренних дел при осуществлении своих полномочий должен уважать и защищать права и свободы человека и гражданина, достойно исполнять свой служебный долг, т.е. обязан всегда быть честным и достойным человеком. Только при таких условиях деятельность сотрудника органов внутренних дел будет иметь положительную оценку и отношение со стороны общества.

Таким образом, честь и достоинство являются как внешне оцениваемой психологической категорией, так и внутренней самооценкой личности, при которой происходит осознание своих личных качеств, способностей к службе, защите других людей и себя от противоправных посягательств, осознание выполненного долга и своего общественного значения.

Психосемантический анализ понятий «честь» и «достоинство» показывает, что, во-первых, они взаимосвязаны между собой по смыслу, во-вторых, оба имеют значение общечеловеческой ценности, в-третьих, рассматриваются как морально-этические категории, в основе которых лежит отношение к себе и к другому человеку. Кроме того, они принимают уча-

⁷³ Как написал старинный русский автор, «совесть — это сердечный караульщик, который, однако ж, часто спит».

ствие в «работе» механизма совершения личностью поступка, оказывая влияние на моральный выбор, т.е. выступают регулятором поведения в соответствии с этим отношением, определяя направленность деятельности человека (его потребности, мотивы, цели, установки).

Следует отметить имплицитность данного механизма, который заключается в том, что на результат деятельности или на конкретные поведенческие проявления существенное влияние оказывают исходные представления сотрудника о службе, о характере деятельности, о статусных и ролевых предписаниях субъектов деятельности и т.д. Характерно, что эти представления, полученные из различных источников в процессе накопления всего социального опыта, и будут детерминировать поведение сотрудника органов внутренних дел. Причем эти представления носят скрытый характер и входят в имплицитную теорию личности, т.е. честь и достоинство всегда включены в имплицитную картину мира субъекта деятельности, так как оба эти понятия имеют социальную природу. Отмечается слабо осознаваемая основа этих категорий, именно поэтому их называют имплицитными (англ. *implicit* – подразумеваемый, не выражаемый явно, скрытый)⁷⁴.

В отечественной и зарубежной психологии исследование чести и достоинства происходит в двух направлениях. Во-первых, изучается специфика «чувства собственного достоинства» как феномена самосознания (И.С. Кон, А. Маслоу, Т. Шибутани и др.), во-вторых, данные качества исследуются как личностные диспозиции, отражающие высокий уровень личностного развития (И.Б. Дерманова, Ю.Е. Зайцева, Н.В. Лебедева, В.В. Столин и др.). Традиционно проявления того или иного психологического феномена описываются в рамках изучения трех сфер личности: когнитивной, эмоциональной и поведенческой. Когнитивный компонент чести и достоинства отражает осознание ценности каждого человека и самого себя как личности; эмоциональный – безусловное переживание собственной ценности и соответствующее (ценное) отношение к другим людям; поведенческий – регуляция поведения в соответствии с данным отношением. Честь и достоинство рассматривается как ценностное отношение к себе и другому человеку в качестве ведущего критерия гуманистического развития личности и нравственности (А.А. Бодалев, Б.С. Братусь, Л.С. Выготский, С.Л. Рубинштейн, К. Роджерс и др.).

В ситуациях морального выбора достоинство является психологической опорой, которая помогает человеку не предать самого себя, поддерживать уровень самоуважения. Для осмысления феноменологии чести и достоинства важны категории «совесть» и «ответственность», так как они являются одним из способов осознания человеком своей ответственности пе-

⁷⁴ Брунер Дж. О перцептивной готовности // Хрестоматия ощущений и восприятия / под ред. Ю.Б. Гиппенрейтер, В.В. Любимова и М.Б. Михалевой. 2-е изд. испр. и доп. М.: ЧеРо, 1999. С. 164-182.

ред собой как личностью (В. Франкл, Э. Фромм). Однако не только процесс осознания раскрывает механизм достойного поведения. Т. Шибутани при описании социальных процессов в различных группах справедливо утверждает, что «уровень собственного достоинства человека определяется не тем, что он заявляет публично, и не тем, что он искренне думает о себе самом, но тем, как он постоянно действует по отношению к самому себе»⁷⁵. Отсюда необходимо подчеркнуть важность не только когнитивной сферы и эмоциональных процессов личности, но и поведенческих проявлений, связанных с защитой своего достоинства, и достойных поступков, совершаемых личностью, так как именно в них есть результат внутриличностной работы субъекта в зависимости от объективно заданных условий внешней ситуации.

Эмпирическим путем в различных исследованиях было выявлено, что согласно имплицитным представлениям поведенческие особенности, характеризующие человека с чувством собственного достоинства, предполагают совершение им «достойных» поступков, отражающих равное отношение к себе и другому человеку как к ценности; удержание от собственного «недостойного» поведения, противоречащего данному отношению; а также «защиту собственного достоинства» от «недостойного» поведения других. Достойное отношение к себе или другому предполагает помощь (заботу), уважение и честность (искренность), в качестве недостойного чаще всего описываются проявления агрессии, особенно по отношению к слабым, и нарушение правовых, моральных и культурных норм⁷⁶. Именно такие типы поведения можно отнести к образу сотрудника органов внутренних дел, просоциально- либо девиантно-направленного, успешного либо не успешного в своей деятельности. В социальной психологии установлена взаимосвязь между низким уровнем личного достоинства и девиантными формами поведения (Г. Каплан).

В известной иерархии потребностей А. Маслоу честь и достоинство находятся на уровне потребности «уважение». По данной теории базовыми потребностями человека являются витальные потребности, потребности в безопасности, любви, уважении и самоактуализации. По мнению А. Маслоу, все люди, за исключением патологических случаев, имеют потребность в стабильной, обоснованной, обычно высокой самооценке, в самоуважении или чувстве собственного достоинства⁷⁷. Используя системно-деятельностный подход в психологии, представленной работами А.Н. Леонтьева⁷⁸ и его сторонников, и определяя, что потребность в ре-

⁷⁵ Шибутани Т. Социальная психология / пер. с англ. В.В. Ольшанского. Ростов н/Д, 1998. С. 374-375.

⁷⁶ Зайцева Ю.Е. Чувство собственного достоинства как психологический феномен: дис. ... канд. психол. наук. СПб. 2003. URL: <http://www.dissercat.com/content/chuvstvo-sobstvennogo-dostoinstva-kak-psikhologicheskii-fenomen> #ixzz3KivydZWq. (дата обращения: 12 сент. 2014 г.).

⁷⁷ Хекхаузен Х. Мотивация и деятельность. М.: Педагогика, 1986. С. 33-38.

⁷⁸ Леонтьев А.Н. Деятельность. Сознание. Личность. М.: Политиздат, 1975.

зультате опредмечивания становится мотивом, можно утверждать, что честь и достоинство сотрудника органов внутренних дел, будучи элементом самосознания и личностной диспозицией, включены в мотивационную сферу, следовательно, они детерминируют поведение, определяя характер деятельности в целом и конкретные поступки человека. В соответствии с монистическими взглядами на теорию мотивации честь и достоинство следует отнести к одним из ведущих мотивов в мотивационной сфере просоциально-направленной личности.

Анализируя влияние внешних и внутренних факторов, воздействующих на деятельность человека, говорят об экстринсивной (внешнеобусловленной) и интринсивной (внутренней, связанной с личностными диспозициями) мотивации (Х. Хекхаузен)⁷⁹. В отечественной психологии принято считать, что такое выделение безосновательно, т.к. на поведение человека всегда оказывают влияние и внешние, и внутренние условия. Е.П. Ильин в связи с этим говорит о внешнестимулируемой (внешнеорганизованной) мотивации, понимая при этом, «что обстоятельства, условия и ситуация приобретают значение только тогда, когда становятся значимыми для человека»⁸⁰. В связи с этим честь и достоинство, только будучи устойчивыми личностными характеристиками, в ситуациях, которые имеют для человека субъективное значение и смысл, станут влиять на мотивационный выбор.

Мотивы защиты чести и достоинства сотрудника органов внутренних дел могут быть реализованы как в положительных, так и в отрицательных формах с точки зрения социальной нормы и этических соображений. Например, высокий уровень самооценки и чувства собственного достоинства может проявиться посредством такого мотива, как «продвинуться по служебной лестнице», что в негативном выражении будет проявляться в гипертрофированном карьеризме и провоцировать недостойные (низкие) поступки по отношению к другим. Многие исследователи считают, что осознание мотивов позволяет произвольно (путем волевого акта) регулировать и направлять свое поведение и, соответственно, управлять собой (именно в связи с этим говорят о саморегуляции и самоуправлении субъекта деятельности). Таким образом, можно направить реализацию потребности в самоуважении, «опредмеченной» в конкретном мотиве, в социально приемлемое либо антисоциальное русло, т.е. удовлетворить порождающую мотив потребность как правомерным, нормоодобряемым, так и отклоняющимся, девиантным способом (например, «назначить» тому, кто оскорбил личное достоинство, «наказание» самостоятельно путем незаконного применения силы, либо использовать для защиты своей репутации законные способы).

⁷⁹ Маслоу А. Мотивация и личность. 3-е изд. / пер с англ. СПб.: Питер, 2006. С. 67.

⁸⁰ Ильин Е.П. Мотивация и мотивы (Серия «Мастера психологии»). СПб.: Питер, 2008. С. 68.

В современных условиях в органах внутренних дел МВД России большое внимание уделяется изучению оптимизации совместной деятельности сотрудников в подразделениях органов внутренних дел, профессиональной мотивации личного состава к определенным видам деятельности (к несению службы в повседневных ситуациях, к служебной деятельности в экстремальных условиях и пр.). Часто эти описания в литературе и на практике носят поверхностный либо фрагментарный характер и не затрагивают изучение целого комплекса психических процессов и механизмов, участвующих в формировании тех или иных типов поведения сотрудника. В то время как проявления чести и достоинства сотрудника органов внутренних дел в определенных профессиональных ситуациях являются результатом длительной внутриличностной работы, которая включает в себя формирование представлений о себе с осознанием своей социальной роли и статуса; формирование *образа-Я* и *Я-концепции*; формирование представлений (как поверхностных, так и глубинных (имплицитных теорий личности) о людях; представлений о профессии и о деятельности в ней. И только наличие сформированных нравственно-этических основ ценностно-мотивационной и потребностно-смысловой сфер личности, связанных с устойчивыми проявлениями чести и достоинства, определяет просоциальную направленность деятельности сотрудника органов внутренних дел в процессе служебной деятельности, честное и достойное поведение на службе и в быту.

Честь и достоинство обнаруживают тесную взаимосвязь с процессом самосознания, самоопределения и с идентичностью личности. Как феномен самосознания честь и достоинство проявляется в трех личностных сферах: когнитивной (на уровне образов, представлений о себе), эмоциональной (на уровне отношения к себе и самооценке) и конативной (на уровне волевой саморегуляции). Честь и достоинство отображает дифференциально-психологические различия самосознания разных людей (их «чувства собственного достоинства», различия в мотивационной направленности и поведенческих проявлениях, эмоциональных реакциях на посягательства извне, особенностях интерпретации ситуаций и поступков других людей по отношению к себе).

§ 3. Профессиональная идентичность

Исследование категорий «честь» и «достоинство» в структуре служебно-профессионального статуса сотрудника органов внутренних дел требует привлечение такого понятия, как «профессиональная идентичность», под которой понимается осознание личностью своей принадлежности к той или иной социально-личностной позиции в рамках социальных ролей⁸¹.

При становлении профессиональной идентичности сотрудник органов внутренних дел проходит те же этапы, что и при социализации (становлении личности). «В окончательном устойчивом варианте профессиональная идентичность складывается только на достаточно высоких уровнях овладения профессией и личностной зрелости, выступает как устойчивое согласование основных элементов профессионализации»⁸². В процессе профессионального становления личности сотрудника органов внутренних дел формируются особенности его профессиональной идентичности, которые определяют содержание профессиональной деятельности личности, ее поступки. Если будет сформирована недостаточность профессиональной идентичности (т.е. число профессиональных ролей «усвоенных» личностью будет минимальным), то вероятность возникновения трудностей в деятельности будет возрастать, и наоборот – если будет четко сформирована профессиональная идентичность специалиста, то вероятность возникновения рисков при принятии решения в сложных профессиональных ситуациях, в том числе связанных с посягательствами на честь и достоинство, будет менее выражена.

«Сплав» различного рода представлений о наборе профессиональных ролей общего, неспецифического типа (быть гражданином, иметь авторитет, заработать и т.п.), «опредмечиваемый» в любой профессиональной деятельности, формирует общую профессиональную направленность, для которой предметы и функции деятельности, ее конкретные цели и результаты, в сущности, безразличны, а важны только общие социальные функции и социальные или личные цели (выполнять задания руководства, зарабатывать и т.д.). Профессиональная направленность, связанная со спецификой службы в органах внутренних дел, требует дополнительный набор социальных ролей, связанный с особой конкретизацией деятельности, обусловленной специализацией.

В качестве примера можно привести следующие социальные роли, которые, будучи элементами самосознания сотрудника органов внутренних дел, могут повлечь за собой реализацию просоциальных мотивов службы:

– товарищ, коллега, член служебного коллектива (следовать нравственному примеру товарищей, их достижениям и поступкам, привносить

⁸¹ Эриксон Э. Идентичность: юность и кризис. М., 1996. С. 142.

⁸² Шнейдер Л.Д. Профессиональная идентичность. М., 2001. С. 234.

вклад в общее дело, следовать традициям подразделения, самоутверждаться среди сослуживцев своими делами);

- борец с преступностью (активно противоборствовать преступной среде);

- борец за справедливость (ответить на посягательства на законные права и интересы граждан, права и интересы службы);

- подчиненный (добросовестно выполнять все приказы и распоряжения командиров и начальников);

- образец выполнения служебного долга (стремиться получать моральное одобрение своих поступков и действий со стороны общества, конкретных граждан, командиров и товарищей по подразделению);

- осознающий себя как человека, выполняющего особую социально значимую роль, которая отличает его и товарищей от остальных членов социума, роль, которая требует личных заслуг перед Родиной (недопущение поступков, действий, которые будут осуждены коллективным мнением, уставами и законами), и др.

В самосознании сотрудника органов внутренних дел концентрированно выражаются свойства его личности, его мировоззрение, отношение к поставленной задаче, руководителям, коллективу, к служебному долгу. Цели и мотивы побуждают сотрудника проявлять профессиональную активность, придают определенный личностный смысл его деятельности. В процессе соотнесения в сознании сотрудника представлений о деятельности с конкретными целями его действий образуется личностный смысл и мотивы службы в целом. Ведущими мотивами достойной службы являются мотивы «ответственного долженствования» (ответственности и долга); коллективистские мотивы, вызванные отношениями взаимной зависимости и ответственности между членами подразделения органов внутренних дел; мотивы, обусловленные личными служебно-бытовыми проблемами (продвижение по службе, семейные, бытовые проблемы и т.д.). Иерархия мотивов у сотрудников, чья профессиональная идентичность четко сформирована, такова, что безусловное лидерство занимают мотивы «ответственного долженствования». Однако следует отметить, что чувство долга может иметь в основе различную природу. Так, например, человек может следовать долгу исходя из так называемой «авторитарной совести», когда он ориентируется на «голос интериоризованного внешнего авторитета, авторитета родителей, государства или кого бы то ни было, кто окажется авторитетом в той или иной культуре»⁸³. Когда отношение сотрудника к авторитетам остается внешним и не имеющим этической внутренней санкции, то его поведение просто соотнобразуется с требованиями момента и регулируется страхом наказания либо надеждой на вознаграждение. Тем временем «гуманистическая совесть» представляет собой более эффективный регулятор поведения, чем страх перед внешними авторитетами. «Гу-

⁸³ Фромм Э. Человек для себя / пер. с англ. и послесл. Л.А. Чернышевой. Мн.: Коллегиум, 1992.

манистическая совесть – это не интериоризованный голос авторитета, которому мы жаждем угодить и чьего неудовольствия страшимся; это наш собственный голос, данный каждому человеческому существу и не зависимый от внешних санкций и поощрений»⁸⁴. По мнению представителей гуманистического направления в психологии, поступки, мысли и чувства, способствующие надлежащему функционированию и раскрытию всей личности, рожают чувство внутреннего одобрения, а поступки, мысли и чувства, губительные для личности, рожают чувство беспокойства и дискомфорта. При доминировании мотива «ответственного долженствования» в достойном поступке в оптимальном варианте «работает» подлинное Я, требующее от человека жить и трудиться плодотворно, развиваться гармонично, т.е. быть полноценной личностью и профессионалом. Таким образом, профессиональная идентичность сотрудника органов внутренних дел проявляется в единстве потребностей, мотивов, целей, установок и ценностно-смысловых образований личности.

Достижение сотрудником органов внутренних дел активного уровня профессиональной идентичности может рассматриваться в качестве одного из критериев его профессиональной зрелости. И напротив, отсутствие профессиональной идентичности или ее кризисное состояние свидетельствуют о низкой результативности в решении профессиональных задач, в том числе при принятии решения в сложных профессиональных ситуациях морального выбора.

Кроме того, в психологии понятие идентичности используется для отождествления индивида с профессиональной группой и для описания процесса *интериоризации профессиональных ролей*, стандартов поведения, основанных на их воспроизведении, копировании. В этом смысле профессиональная идентичность – идеальное отождествление индивидом себя с профессиональной общностью, сопровождающееся интериоризацией идентифицирующего поведения. Профидентичность отражает характеристику себя, выбирающего и реализующего способ профессионального взаимодействия с окружающим миром и обретение смысла самоуважения через выполнение этой деятельности (хочу, могу, делаю – и это я)⁸⁵.

Профессиональная идентичность предполагает функциональное (поведенческое) и экзистенциальное (смысловое) слияние человека и профессии, что включает понимание сути своей профессии, принятие себя в профессии, умение хорошо и с пользой для других выполнять свои профессиональные функции⁸⁶. Это включает понимание сотрудником органов внутренних дел своей профессии, принятие себя в профессии, умение хорошо и с пользой для других выполнять свои профессиональные функции. Профессиональная идентичность имеет свойство изменяться на разных стадиях профессионального становления, что необходимо учитывать при плани-

⁸⁴ Фромм Э. Человек для себя. С. 86.

⁸⁵ Маркова А.К. Психология профессионализма. М., 1996.

⁸⁶ Поваренков Ю.П. Психология становления профессионала. Ярославль, 2000.

ровании и организации специального воздействия и формирования адекватных представлений о профессии, особенно у молодых сотрудников органов внутренних дел.

На основе рассуждений Э. Эриксона, который определял идентичность через описание нескольких аспектов (*индивидуальность, целостность, единство, социальная солидарность*)⁸⁷, идентичность сотрудника органов внутренних дел можно охарактеризовать следующим образом:

- осознание индивидуальности в профессии – осознанное ощущение собственной уникальности (отличности от других) и собственного самостоятельного существования при выполнении профессиональных задач;

- тождественность и целостность личности сотрудника органов внутренних дел – ощущение внутренней тождественности, непрерывности между тем, кем сотрудник был в прошлом и кем планирует стать в будущем; ощущение того, что жизнь (прежде всего с точки зрения планирования, целеполагания и наступления результата) имеет согласованность и смысл;

- единство и синтез в состояниях и образах – ощущение внутренней гармонии и единства, синтез образов себя, ранних идентификаций и идентификаций в период становления специалиста в осмысленное целое, которое рождает ощущение гармонии;

- социальная солидарность – ощущение внутренней согласованности с идеалами общества и подгруппы в нем (профессиональной группы), ощущение того, что собственная идентичность имеет смысл для людей (для референтной группы) и что содержание идентичности соответствует их ожиданиям.

Профессиональная идентичность – это единство человека и его дела. Н.С. Пряжников определяет профессиональную идентичность как идентичность человека, «для которого конкретная трудовая деятельность – главное средство утверждения чувства собственного достоинства как состоявшейся личности»⁸⁸. Как отмечает О.В. Гавриченко, «изучение профессиональной идентичности как высшего пика самосознания в развитии личности профессионала позволяет выделить условия формирования позитивной идентичности, которая, в свою очередь, есть условие успешности и эффективности профессионального развития»⁸⁹.

Говоря о профессии сотрудника полиции, можно утверждать, что изучению представлений о силовых структурах системы МВД России в сознании населения уделяется внимание со стороны средств массовой информации, социальных исследовательских институтов и науки в целом. Однако изучению представлений сотрудников полиции о самих себе,

⁸⁷ Эриксон Э. Идентичность: юность и кризис. М., 1996.

⁸⁸ Пряжников Н.С., Пряжникова Е.Ю. Психология труда и человеческого достоинства. М.: Академия, 2005.

⁸⁹ Гавриченко О.В. Профессиональная идентичность студентов театрального вуза // Психологические исследования: электрон. науч. журнал. 2009.

представлений о службе, о своих профессиональных мотивах, стремлениях, ожиданиях и пр. должного внимания не уделяется. Тем не менее именно данные личностные подструктуры детерминируют весь процесс принятия решений в профессиональных ситуациях и результируются в достойном либо недостойном поведении.

На базе Тюменского института повышения квалификации сотрудников МВД России в период 2010-2013 годов был проведен ряд исследований, направленных на изучение образа сотрудника органов внутренних дел в представлениях различных категорий слушателей. Кроме успешных сотрудников в одну из исследуемых выборок были включены бывшие сотрудники правоохранительных органов, допустившие в ходе службы проступки, порочащие честь и достоинство сотрудника органов внутренних дел. Эмпирическим путем была выявлена одна из причин деструктивного (недостойного) поведения сотрудников органов внутренних дел – проблема *Я-концепции* личности как системы представлений о себе и своей профессиональной деятельности. Несогласованность представлений о себе как о профессионале в реальности и идеале, соотнесение своего образа как сотрудника со стереотипными представлениями, характеризующими современное общественное сознание, содержащее негативное отношение к сотруднику и приписывание ему отрицательных черт личности, характерных для девиантных поступков, создает определенную внутреннюю готовность личности сотрудника органов внутренних дел к безответственному отношению к профессиональным обязанностям и демонстрации различных нарушений установленных норм и правил, т.е. недостойного поведения⁹⁰.

Результаты еще одной серии экспериментов, целью которых явилось изучение направленности личности специалиста органов внутренних дел в зависимости от специализации (оперуполномоченный, участковый уполномоченный, следователь), показали, что в структуре профессиональной идентичности сотрудников, успешно выполняющих свои должностные обязанности, имеющих стаж работы в ОВД от 1 года до 16 лет, в должности – от 1 года до 12 лет, выявлены ведущие мотивы деятельности, среди которых 48 % участников указали на наличие чувства долга и ответственности в своей работе (см. рис. 1).

⁹⁰ Осинцева А.В. Мотивационные механизмы личности: «двигатель» проступка сотрудника органов внутренних дел: монография. Германия: Изд-во LAP Lambert Academic Publishing, 2012.

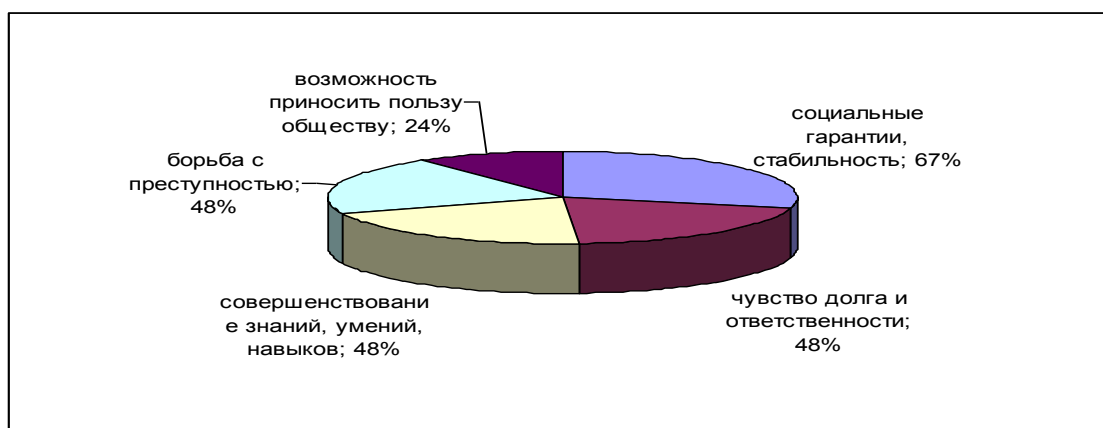

Рис. 1. Профессиональные мотивы деятельности сотрудников ОВД

В данном исследовании было выявлено, что в описании элементов профессиональной идентичности встречаются следующие характеристики личности сотрудника органов внутренних дел:

- в процессе выполнения работы – ответственность, целеустремленность, добросовестность, честность, справедливость, работоспособность, усидчивость и др.;
- в отношении к другим людям – уважение, справедливость, объективность, понимание, отзывчивость, сдержанность, спокойствие и др.;
- в отношении к себе – самокритичность, адекватность, требовательность, любовь к себе, самоуважение, терпение, чувство самообладания;
- в отношении к миру и обществу – уважение, доброта, активная жизненная позиция, чувство «нужности» обществу, чувство патриотизма, терпение, обладание соответствующими морально-нравственными качествами и др.

В целом направленность личности профессионала в описаниях участников эксперимента имела следующее содержание:

- потребности и мотивы: чувство «нужности» обществу, борьба с преступностью, стремление быть примером для других, получение признания в работе, самореализация, чувство долга, ответственность;
- цели и мечты: карьера, самосовершенствование, реализация своих способностей, борьба с преступностью, получение признания, быть во всем справедливым, быть уважаемым.
- ценности и убеждения: иметь семью, бороться с преступностью, любить и защищать Родину, быть морально-нравственным, любить и быть любимым.

Исследование образа сотрудника органов внутренних дел показало, что смысловые характеристики у большинства испытуемых следующей экспериментальной серии, среди которых сотрудники со стажем работы от 10 до 15 лет, содержат представления идеального образа, т.е. такого, которому на смысловом уровне подражали бы молодые сотрудники органов внутренних дел и идентифицировали себя с данными представлениями. Посредством частотного анализа был получен усредненный образ реально-

го и идеального сотрудника органов внутренних дел. Характеристики образа представлены в таблице 1.

Таблица 1

Характеристики реального и идеального образа сотрудника ОВД	
Образ сотрудника ОВД	
Реальный	Идеальный
юридически грамотный	юридически грамотный
образованный	образованный
несдержанный, напряженный, нервный	стойкий, владеющий психологическими знаниями и приемами работы
к нему обращаются за помощью	сочувствующий людям, человечный
способный помочь людям	доброжелательный
опрятный	развит физически
имеющий не престижную работу	защищенный законом
всегда в форменной одежде	адаптированный к тяготам службы
	беспрекословно выполняющий поручения
	не имеющий вредных привычек
	не пьющий на работе

Кроме того, был произведен сравнительный анализ представлений о реальном сотруднике органов внутренних дел у испытуемых различных категорий в зависимости от стадии профессионального становления. Было показано, что у слушателей начального обучения реальный образ сотрудника имеет негативный характер (в описаниях сотрудника органов внутренних дел встречаются такие характеристики: бывает груб в обращении с гражданами, склонен к употреблению спиртных напитков, не знает законов, неряшлив и др.). Кроме того, реальный образ сотрудника органов внутренних дел был описан отстраненно от личности самих испытуемых и окрашен стереотипными представлениями, характерными для современного общественного мнения (по их мнению, реальный сотрудник органов внутренних дел склонен к совершению правонарушений, взяточничеству, коррупции, он вызывает опасение, но к нему обращаются за помощью и он может помочь людям). Сотрудник органов внутренних дел, описанный практическими работниками со стажем, приближен к непосредственной профессиональной деятельности и успешному образу (профессиональный, юридически грамотный, пример для других, патриот своей Родины, принципиальный, служит закону, физически развит). Полученный результат показал необходимость изучения и целенаправленного формирования профессиональной идентичности на ранних этапах профессионального становления, причем особый упор необходимо делать на работе с молодыми сотрудниками органов внутренних дел.

Изучение личной и профессиональной идентичности, а также описание представлений о ролевых и статусных предписаниях деятельности сотрудника органов внутренних дел позволяет выявлять оптимальные структурные компоненты идентичности, которые приводят к положительному исходу конкретных профессиональных ситуаций, а не к отрицательному. Результаты таких исследований необходимо применять при организации и

осуществлении профессиональной подготовки с целью формирования морально-нравственных основ, закладываемых в сознание молодых сотрудников органов внутренних дел, с целью формирования чести и достоинства как элементов самосознания личности. Детальное исследование профессиональной идентичности сотрудников органов внутренних дел и характера ее влияния на принятие решений в профессиональных ситуациях необходимо осуществлять исходя из единства личных и профессиональных мотивов, целей, установок и смысловых образований ценностно-мотивационной и потребностно-смысловой сфер личности.

Представление о себе как о носителе определенной профессии – неотъемлемый компонент сознания большинства взрослых людей. И чем более любима работа, тем более слиты эти представления в единый образ, со временем человек уже не мыслит себя вне связи со своей профессией. И если он по каким-то причинам не может продолжать заниматься своим любимым делом (например, в связи с сокращением штатов, болезнью, выходом на пенсию), это превращается для него в настоящую жизненную трагедию и влечет за собой экзистенциальный кризис. Следовательно, работа по формированию профессиональной идентичности необходима в процессе всей профессиональной деятельности сотрудника органов внутренних дел.

Таким образом, профессиональная идентичность представляет собой динамическое образование, которое является базовой основой для принятия решений сотрудником органов внутренних дел в условиях морального выбора поведения в профессиональных ситуациях. Анализ профессиональной идентичности сотрудника органов внутренних дел позволяет утверждать, что честь и достоинство как элемент самосознания являются важным условием успешности деятельности сотрудника органов внутренних дел. Исходя из этого, следует подчеркнуть важность формирования профессиональной идентичности сотрудника, чтобы его мотивы, цели, установки были, во-первых, согласованы с общечеловеческими ценностями, во-вторых, представления о себе были максимально приближены к положительному образу сотрудника полиции (например, «я – честный, ответственный, отважный, умело использую профессиональные знания... и пр.»). Усилия всех субъектов профилактики (кадрового, воспитательного аппарата, психологов, командиров и руководителей), направленные на формирование профессиональной идентичности, будут способствовать росту профессионализма среди личного состава.

Профессиональную идентичность, понимаемую как единство человека и дела, можно рассмотреть через профессиональную ситуацию, когда имеется согласованность всех элементов социальной ситуации – внешне-обуславливающих и внутриспсихических.

Особое значение в деятельности сотрудника органов внутренних дел, как уже неоднократно отмечалось, следует отдать моральному выбору, достойному поведению по отношению к себе и другим людям. Такое поведе-

ние сотрудника будет залогом успешности профессиональной деятельности, которая, в свою очередь, формирует личность сотрудника органов внутренних дел. Мнение о своей успешности влияет на самооценку личности, на мнение личностной ценности. Следовательно, вся система представлений субъекта деятельности находится в постоянной динамике, которая и обуславливает деятельностное наполнение профессиональной жизни. Это означает, что достойный поступок есть результат внутриличностной работы, которая актуализируется под воздействием внешних факторов.

Факторы, обеспечивающие успешность профессиональной деятельности сотрудника органов внутренних дел, следует разделить на две группы:

1. Внутриличностные (субъективные) факторы, касающиеся личностных особенностей, которые в первую очередь рассматриваются при обсуждении проблемы профессионализма, устойчивости поступков (достойных поступков, грамотных оценок ситуации в условиях морального выбора и пр.).

2. Внешнеобуславливающие (объективные) факторы, касающиеся внешней ситуации (например, элементы наличной ситуации посягательств на честь и достоинство, характер межличностного взаимодействия и др.).

Кроме того, с одной стороны, честь и достоинство сотрудника органов внутренних дел являются мишенью воздействия объективных обстоятельств (в условиях посягательств извне), с другой стороны – мишенью для целенаправленного воздействия в системе профессиональной подготовки (переподготовки) путем актуализации внутриличностных процессов и механизмов, в процессе которой будет сформирован высокий уровень субъектности и ответственности как личностных диспозиций (см. рис. 2).

Как уже отмечалось выше, профессиональный статус и роль сотрудника органов внутренних дел предполагают наличие обязанностей, имеющих существенную социальную значимость и, соответственно, выдвигают высокие требования к личности с точки зрения ее *субъектности*.

Рис. 2. Объективные и субъективные факторы в характеристике чести и достоинства

Субъектность можно определить как способность личности нести *ответственность* за свои поступки. Понятие «субъект» используется различными науками: философией, социологией, культурологией, психологией, криминологией, уголовным правом и др. Это обусловлено тем, что во всех науках человек рассматривается как носитель активности, преобразующий объективную действительность. Однако следует отличать юридическую и моральную ответственность. Последняя не всегда связана с применением мер государственного принуждения. Моральная ответственность согласуется в первую очередь с общественным и личным осуждением. Кроме того, за безнравственное поведение последствия моральной ответственности воздействуют на личность не только со стороны общества, но и самого субъекта. Под субъектностью также понимается отношение к чему-либо, определяемое личными взглядами, интересами, предпочтениями, вкусами субъекта⁹¹.

Ответственность – это готовность человека иметь дело с последствиями своих поступков. В ходе исследований установлено, что осознание ответственности мобилизует энергию человека, придает силу его мотивации, помогает достичь успеха в самых сложных ситуациях⁹². По мнению Е.Л. Доценко, для личности разрушителен как переизбыток, так и дефицит ответственности⁹³. Необходим оптимум ответственности (или умеренная интернальность), при котором последствия поступков личности будут благоприятны как для общества, так и для самого человека.

Л.В. Алексеева отмечает вариативность характеристик субъектности и подчеркивает необходимость изучения механизма субъектного самоуправления при рассмотрении субъекта деятельности⁹⁴. В данный механизм включаются звенья, которые содержат специфическую «работу», выполняемую ими, и специфический элемент установки, которую каждый из них создает. Л.В. Алексеева для описания субъектного самоуправления использует следующие звенья:

- 1) актуализация потребности – создание предпосылки активности и определенных ожиданий на будущее;
- 2) принятие решения о цели (выбор) – создание реального побуждения к активности и ее направленности;
- 3) построение субъективной модели значимых внешних условий активности – создание картины внешнего мира, понимание действительности;
- 4) построение субъективной модели значимых внутренних условий активности – создание картины внутреннего мира, Я-образов, Я-концепции как теории о себе, понимание себя;

⁹¹ Словарь практического психолога / сост. С.Ю. Головин. Мн.: Харвест, 1997. С. 797.

⁹² Доценко Е.Л. Психология личности: учеб. пособие. Тюмень: Тюм. гос. ун-т, 2009.

⁹³ Там же. С. 147.

⁹⁴ Алексеева Л.В. Психология субъекта и субъекта преступления: монография. Тюмень: Тюм. гос. ун-т, 2004.

5) формирование программы исполнительских действий – создание технологии исполнения;

6) создание системы субъективных критериев успешности достижения цели – формирование, создание или развитие эталонов, норм, ценностей, норм и отношений;

7) осуществление афферентного синтеза информации, содержащейся в различных звеньях – интегрирование получаемой информации от внешней и внутренней модели, цели и возможности ее достижения, моделей и программы, программы и прогнозируемого результата, прогнозируемого результата и его нормативной допустимости, цели и полученного результата;

8) осуществление регуляции – исполнение практических, символических, вербальных действий;

9) получение информации о результатах – обеспечение получения обратной связи;

10) контроль – осуществление сличения различной информации;

11) оценка – ранжирование разнообразной ситуативной информации, в том числе о полученных результатах в системе рациональных и (или) эмоциональных координат;

12) прогноз – осуществление экстраполяции результатов;

13) принятие решения о коррекции – решение об изменении системы самоуправления в любом звене⁹⁵.

По мнению Л.В. Алексеевой, индивидуально-социальная субъектность проявляется как активность с ориентацией на личностные смыслы. Это и есть «ответственная активность»⁹⁶. Следовательно, от содержательного наполнения субъективных смыслов (с точки зрения социальных норм и ценностей) будет зависеть и содержание поступков личности. Осуществляя своевременную диагностику субъективных составляющих, являющихся источником направленности социальной активности человека, можно с большой долей вероятности прогнозировать его поведение (например, при поступлении на службу молодого сотрудника усилия кадровых, воспитательных подразделений, кураторов и поручителей следует направить на изучение системы смысловых значений, связанных с категориями чести и достоинства и другими моральными ценностями). Кроме того, исследование схем и звеньев социальной активности позволяет говорить о том, что целенаправленное формирующее воздействие должно осуществляться не столько на уровне установочных и поведенческих проявлений субъекта деятельности, сколько на уровне работы внутренних структур его психики (образов, представлений и пр.), формирующих картину мира. В этом случае активность субъекта будет иметь то направление, которое заложено в представлениях о мире, обществе, государстве, его нормах и ценностях. Выше уже упоминалось о процессе интериоризации профессиональных

⁹⁵ Алексеева Л.В. Указ. соч. С. 304-305.

⁹⁶ Там же. С. 233.

ролей. Когда элементы внешней социальной деятельности обуславливают формирование внутренних структур психики и элементы ситуации становятся (или уже являются) субъективно значимыми для человека, тогда и говорят о процессе интериоризации. Такое описание деятельности позволяет сделать акцент на содержательном наполнении достойного поступка, которое обеспечивается за счет имеющегося набора представлений человека о мире, самом себе, других людях, ситуациях с точки зрения морального долга, самооценности и ценности других людей и пр. Это подчеркивает важность процесса интериоризации для успешности социально значимых видов деятельности.

При формировании профессионально важных качеств личности сотрудника органов внутренних дел на разных стадиях профессионального становления необходимо учитывать общий механизм социальной активности личности, который включает в себя «работу» следующих психологических элементов: «потребность (нужда) – мотив (образ) – цель (предвосхищаемый результат) – установка (внутренняя готовность) – поведение (поступок)», которые в комплексе влияют на успешность деятельности. Достойный или недостойный поступок является реализацией выбора между альтернативными мотивами, которые одновременно актуализируются из-за необходимости снизить дискомфорт от потребностного состояния. Принятие решения происходит в результате «борьбы» разнонаправленных мотивов, в которой «выигрывает» наиболее весомый по смысловому наполнению мотив. Эта мотивационная динамика происходит на глубоких уровнях сознания личности в момент влияния внешних факторов ситуации и основывается на предыдущем опыте.

Таким образом, механизм реализации чести и достоинства в поступке состоит из совокупности психических процессов (внутренний план), преобразующих внешние воздействия (внешний план) в результат деятельности. Опишем данный механизм с точки зрения таких его элементов, как образ, установка и поведение, несколько подробнее.

Сначала на основе полученных сведений о мире, людях и самих себе на различных (глубинных и поверхностных) уровнях сознания формируются конкретные или размытые (неявные) образы о социальных ситуациях, которые влияют на формирование установок личности. Установка (как диспозиция по отношению к тому или иному объекту) проявляется в отношении к чему-либо типа «принято – не принято», «приятно – неприятно», «нравится – не нравится» и т.п. Установочная система личности состоит из когний (познаний, сложившихся в процессе познавательной активности), аффективных реакций (эмоций на уровне глубинных чувств), поведенческих интенций (собственно ожиданий и планов действий), установок и поведения⁹⁷. В зависимости от установочной системы личности формируются поведенческие реакции человека на социально значимые

⁹⁷ Зимбардо Ф., Ляйппе М. Социальное влияние. СПб.: Питер, 2001. (Серия «Мастера психологии»).

раздражители. Иначе говоря, «образ – установка – поведение» – это ход формирования конкретного поведенческого проявления личности.

Так, например, при описании качеств достойного человека, обладающего честностью, могут возникнуть различные, а порой и диаметрально противоположные образы в представлениях разных людей. У одного в сознании появятся ассоциации с реально существующим человеком, который обладает смелостью и решительностью, напористостью и доминированием над другими людьми в процессе отстаивания своего Я (ассоциации будут выражены в словах «амбиция», «самоуверенность», «превосходство», «важность», «значение», «сила», «престиж», «величавость» и пр.). У другого в образах возникнет уверенный в себе человек, толерантный к людям, ориентированный на равное взаимодействие, добродушный, (ассоциации, выраженные в словах: «партнерство», «благородство», «авторитет», «компетентность», «заслуга», «ценность», «чувство собственного достоинства» и пр.). Соответственно, и мотивационная сфера, и установочная система будут различным образом выстраиваться в сознании по отношению к описанным образам людей.

Часто в качестве причины того или иного поступка называют предшествующее событие. Реакция на внешние стимулы является детерминированной внутренними потребностями, и проблема заключается в том, чтобы «объяснить выбор шаблона... и направления поведения...»⁹⁸ человека в конкретной ситуации. У людей вырабатывается ориентация на те или иные объекты, которые имеют для них специфическое (субъективное) значение. Многие из значений, составляющих мир каждого человека, являются неосознанными, и вызываемые ими импульсы обуславливают поведение в каждой конкретной ситуации взаимодействия, иногда не совсем понятное ни для самого субъекта, ни для окружающих. Внутренний комплекс представлений может повлиять на поведение, которое, в свою очередь, оказывает влияние на окружение⁹⁹. Такая «субъектность» иногда и детерминирует противоречивое отношение к одним и тем же ситуациям у разных людей, имеющих разные мотивы, разные образы. Эта «субъектность» составляет «внутренний план» деятельности человека. Он выступает чем-то вроде алгоритма, предписания и ориентира, которым руководствуется человек, выбирая стратегию поведения в каждой конкретной ситуации. К.А. Абульханова-Славская отмечает, что В.Н. Волошинов¹⁰⁰ сумел раскрыть диалектику «внешнего и внутреннего» и показал вовлеченность внутреннего переживания в социально-психологическую ориентацию в зависимости от социальной позиции личности¹⁰¹. Каждый поступок человека

⁹⁸ Шибутани Т. Социальная психология / пер. с англ. В.Б. Ольшанского. Ростов н/Д: Феникс, 2002. С. 154.

⁹⁹ Зимбардо Ф., Ляйппе М. Указ. соч. С. 40.

¹⁰⁰ Цит. по: Абульханова-Славская К.А. Стратегия жизни: монография. М.: Мысль, 1991. С. 189.

¹⁰¹ Абульханова-Славская К.А. Стратегия жизни. С. 189.

преломляется через призму индивидуальности, имея на себе отпечаток прошлого опыта и непосредственную ценностную оценку значимости происходящего. Основанием для оценки служат категориальные системы опыта (Дж. Брунер), системы конденсированного опыта (С. Гроф) или фрагменты образа мира (А.Н. Леонтьев).

Однако объективность (как свойство восприятия объекта) требует видеть объект таким, какой он есть, видеть себя, как есть, т.е. осознавать, каким образом «ты, как изучающий, связан с объектом своего изучения». Следовательно, в терминах Э. Фромма, мышление определяется природой объекта и природой субъекта, вступающего во взаимоотношения с объектом»¹⁰². Э. Фромм говорит о двойной детерминации (субъект-объектной), что и составляет объективность, в отличие от ложной субъективности, когда личность не контролирует себя соотносительностью с объектом, и в результате оценочное мышление превращается в предвзятое мнение, т.е. субъективизм. Э. Фромм, отмечал, что «XX век блистает отсутствием образов достойного человека в достойном обществе»¹⁰³. Несложно перенести этот тезис в наши дни и применить к ситуации «образ сотрудника полиции»: четко сформированного образа, который можно было бы использовать для подражания и идентификации при воспитании подрастающего поколения и сотрудников молодого возраста, на самом деле нет, а для самоопределяющегося человека иметь пример для подражания крайне важно.

Само стремление быть уважаемым и достойным членом общества может реализовываться разными путями ввиду описанного выше свойства субъективного восприятия объективной действительности. Н.С. Пряжников приводит пример достижения удовлетворения от чувства собственного достоинства, которое возможно «через утверждение собственного превосходства над другими людьми с помощью внешних символов элитарности (дорогой и модной одежды и предметов быта, связи с влиятельными людьми, особыми, «элитными» манерами поведения и т.п.)»¹⁰⁴. Важно отметить, что при такой оценке есть опасность неверной с точки зрения моральных норм и ценностей интерпретации образов и представлений современности.

На основе предложенных Е.Л. Доценко признаков социальных ситуаций и учитывая, что профессиональная деятельность сотрудника органов внутренних дел – это и есть определенный (сложный не только с точки зрения экстремального характера труда, но и сложности морального выбора) класс ситуаций, с которыми специалист сталкивается в повседневной жизни, их важными отличительными признаками могут являться:

¹⁰² Фромм Э. Человек для себя / пер. с англ. и послесл. Л.А. Чернышевой. Минск: Коллегиум, 1992.

¹⁰³ Там же. С. 34.

¹⁰⁴ Пряжников Н.С. Теория и практика профессионального самоопределения: учеб. пособие. М.: МГППИ, 1999. С. 84-87.

- идентификация (категоризация), которой подвергаются особые классы объектов восприятия – участники события и целостные ситуации;
- сложность этих объектов, «нагруженных» имплицитными (неявными) теориями соответствующих жизненных объектов или процессов;
- личностная значимость и окрашенность отношения личности в событии;
- подверженность актуальной субъективной трансформации воспринимаемого содержания ситуации в соответствии со своими отношениями, интересами, намерениями¹⁰⁵.

В рамках описания феноменологии чести и достоинства необходимо сделать акцент на закономерных связях между глубинными категориями, формирующими образ мира субъекта (точнее, тот его фрагмент, который принадлежит к отношению к себе и другим людям), установками (прежде всего категориальными) и поведенческими реакциями. В конкретной ситуации «происходит актуализация одной из категорий, что ведет к актуализации той системы признаков, в которую обычно входит данная категория» (т.е. актуализируется целый большой класс семантически связанных категорий). Этим же объясняется и функционирование стереотипов «как ригидных неосознаваемых автоматизированных категориальных установок, плохо подвергающихся сознательному расчленению со стороны не соответствующего им опыта»¹⁰⁶. Таким образом, одно из самых важных последствий категоризации – то, что она может оживлять в психике человека набор определенных сведений – стереотипов, которые затем направляют его действия и поступки. Понятие установки позволяет ответить на вопрос: почему то или иное поведение целесообразно в данной ситуации и имеет смысл. Таким образом, установка выражает отношение личности к происходящему и потом реализуется в акте поведения.

Достойные либо недостойные поступки сотрудников органов внутренних дел являются не просто физическими формами поведения. Эти виды поступков личности являются психологическим поведением, т.к. совершаются именно личностью – носителем определенных смыслов, значений, ценностей и пр. Разумеется, большое значение здесь имеет та ситуация, в которой протекала жизнь человека, как он воспитывался, что переживал, как проходило профессиональное становление, начиная с периода адаптации к профессии и заканчивая текущими взаимоотношениями с коллективом и руководителем подразделения. Без сомнения, в силу всего этого у каждого выработаны свои особые фиксированные установки, которые так или иначе, с большей или меньшей очевидностью проявляются и становятся основой готовности к деятельности в соответствующих условиях и в определенном направлении. Изменения установок личности могут вы-

¹⁰⁵ Доценко Е.Л. Межличностное общение: семантика и механизмы. Тюмень: ТОГИРРО, 1998. С. 141.

¹⁰⁶ Там же. С. 44.

звать изменения в поведении, изменить же их посредством обучения часто оказывается затруднительным¹⁰⁷.

Однако, несмотря на то, что установки являются достаточно устойчивыми формированиями, через идентификацию, подражание, через совместную деятельность человек постепенно овладевает новыми установками, так как в социальной системе происходит постоянный обмен личностными смыслами между людьми (А.Г. Асмолов, А.Н. Леонтьев, Д.А. Леонтьев). Человек приспосабливается к изменяющейся реальности, взаимодействуя с другими, пересматривает некоторые убеждения, устоявшиеся привычки. Но чем агрессивнее среда взаимодействия человека, чем сильнее конфликт между представлениями самого субъекта, задающими общий эскиз будущего поведения, регулирующими поведение с позиции соотношения мотивов, нравственной оценки целей и средств их достижения¹⁰⁸, и требованиями конкретной действительности, тем больше непредсказуемых поведенческих реакций «У каждого из нас есть психический образ самого себя, всего мира и окружающих людей, и человек ведет себя так, словно именно эти образы и являются реальностью»¹⁰⁹.

Завершается цепь формирования достойного поступка (после влияния и актуализации в определенных условиях соответствующих представлений (образов) и установок) поведением. Активность становится направленной только благодаря представлениям, которые так видоизменяет поведение, что последнее становится приемлемым для одного субъекта профессиональной деятельности и совершенно неприемлемым для другого при воздействии одинаковых внешних условий и обстоятельств.

Механизм реализации чести и достоинства в поступке будет описан без учета и анализа воздействия на личность объективных факторов. К внешнеобуславливающим факторам профессиональной деятельности сотрудника органов внутренних дел следует отнести ситуацию. Понятие «ситуация» довольно широко распространено в научной литературе. Ситуация выступает как один из объектов в исследованиях юридико-психологического направления. В теориях, описывающих социальную активность, часто выделяют ситуационный подход, который заключается в рассмотрении внешних переменных при изучении внутриличностных детерминант поведения и деятельности.

Ситуация (от франц. – положение, обстановка) – система внешних по отношению к субъекту условий, побуждающих и опосредующих его активность. К элементам ситуации могут относиться и состояния самого субъекта в предшествующий момент времени, если они обуславливают его последующее поведение. Полное описание ситуации подразумевает выде-

¹⁰⁷ Аронсон Э. Общественное животное. Введение в социальную психологию / пер. с англ. М.А. Ковальчука; под ред. В.С. Магуна. М.: Аспект Пресс, 1998.

¹⁰⁸ Асмолов А.Г. Указ. соч.

¹⁰⁹ Берн Э. Познай себя. О психиатрии и психоанализе – для всех, кто интересуется. Екатеринбург: Литур, 2000. С. 27.

ление требований, которые предъявлены индивиду извне или выработаны им самим, выступая для него в качестве исходного. Реализация требований ситуации создает предпосылки к ее преобразованию или преодолению¹¹⁰.

Социальная активность человека представляет собой разрешение (решение) конкретной ситуации, которая содержит:

1. Объективные данные, в которых действует индивид (экономические, социальные, религиозные, интеллектуальные и пр. условия, которые в данный момент прямо или косвенно влияют на состояние сознания индивида).

2. Существующее семантическое пространство и имплицитная модель поведения в конкретной жизненной ситуации (образы, установки, схемы, сценарии, шаблоны поведения).

3. Обозначение ситуации «для себя» («определение» ситуации).

Термин «определение» ситуации предложен Н.В. Гришиной, которая вслед за У. Томасом, используя и объективный и субъективный подходы, описывает данное понятие. Процесс «определения» заключается в подчеркивании роли ситуационной обусловленности в поведении человека при акценте на возможности его адекватного объяснения лишь с помощью понимания субъективного значения ситуации для данного индивида¹¹¹. Как уже отмечалось, когниции (индивидуальные представления) более важны, чем объективно изменяющиеся факторы ситуации. Субъект деятельности при влиянии ситуационных факторов обозначает их «для себя» (в буквальном смысле – придает им свое значение). Реакция на это влияние будет зависеть от его имплицитных представлений.

Таким образом, отношение человека к событиям и складывающимся обстоятельствам своей жизни, их эмоциональное переживание и их значение в жизни человека зависит от того, как он интерпретирует эту ситуацию. При этом влияние его субъективных представлений сильнее объективных обстоятельств. Интерпретируя внешние обстоятельства, человек придает им определенное значение, которое является его субъективной оценкой.

Так, например, в ситуации посягательства на честь и достоинство сотрудника полиции, последний может обратиться в суд для сохранения деловой репутации, а может оставить безнаказанно данные противоправные действия, что, естественно, нанесет урон имиджу сотрудника правоохранительных органов. Вопрос в том, как «определил» для себя сотрудник данную ситуацию с точки зрения психологической «опасности» своему «Я». Это и становится решающим фактором в отношении человека к внешним обстоятельствам. Таким образом, применительно к контексту профессиональной деятельности понятие «ситуация» может быть раскрыто через понятие «внутренний план профессиональной деятельности», кото-

¹¹⁰ Словарь практического психолога / сост. С.Ю. Головин. Минск: Харвест, 1997. С. 739.

¹¹¹ Гришина Н.В. Психологические социальные ситуации // Вопросы психологии. 1997. № 1. С. 121-132.

рое, в свою очередь, подчеркивает значимость субъективных представлений в детерминации поведения в профессиональных ситуациях. С этой точки зрения ситуация – это внешние обстоятельства в их восприятии и интерпретации человеком¹¹².

Н.В. Гришина описывает ситуацию как фрагмент обыденной жизни человека, которая включает в себя предметную (включающую мир физических явлений, пространство, время и пр.), эмоциональную (выражающую отношение, субъективный смысл), нормативную (т.е. ситуация – это всегда свод определенных социальных правил, которые гласно или негласно должны соблюдаться всеми ее участниками) составляющие¹¹³. Начало исследований взаимозависимостей ситуации, личности и ее поведения традиционно относят к исследованиям «психологического поля» К. Левина¹¹⁴. Он описывал ситуационные факторы как динамично влияющие переменные на поведение человека. Вопрос о том, что поведение есть результат тесного взаимодействия социальной ситуации, ее значения для личностных характеристик человека (ценностей, мотивов и пр.), интересен как возможность прогнозирования поведения людей.

Однако было бы ошибкой подходить к ситуации только с точки зрения рассмотрения физических объектов и стимулов. Социальная ситуация и ее влияние на поведение субъекта определяется как сочетание объективных условий с особенностями их интерпретации в сознании субъекта. М. Аргайлом описаны две формы транзакций в социальной ситуации: когнитивная и поведенческая. В активной фазе на когнитивном уровне происходит интерпретация окружения, в реактивной фазе – оценка и формирование установки по отношению к среде. В форме поведенческой транзакции осуществляется активное действие (пространственное поведение человека) и ответ на воздействие физического окружения¹¹⁵.

Таким образом, используя предложенный круг терминов и определений, в который включены понятия профессионального статуса и роли сотрудника органов внутренних дел и их интериоризации, профессиональной идентичности, механизма реализации чести и достоинства в поступке через цепочку социальной активности (потребность-мотив (образ)-установка-цель-поведение (поступок), имплицитность деятельности и когнитивные шаблоны поведения, субъектность и «определение» профессиональной ситуации, можно констатировать, что данный подход к рассмотрению заяв-

¹¹² Гримак Л.П. Резервы человеческой психики. М.: Политиздат, 1989.

¹¹³ Гришина Н.В. Психология ситуаций как область социально-психологических исследований // Социальная психология в трудах отечественных психологов / сост. и общ. ред. А.Л. Свенцицкого. СПб.: Питер, 2001. С. 510-511. (Серия «Хрестоматия по психологии»).

¹¹⁴ Левин К. Теория поля в социальных науках. СПб., 2000. С 263-266.

¹¹⁵ Аргайл М., Фернхем А., Грахам Дж. Концепт ситуации в различных областях психологии / сост. и общ. ред. Н.В. Гришиной. СПб.: Питер, 2001. С. 41-58. (Серия «Хрестоматия по психологии»).

ленной проблемы имеет субъектно-ситуационный характер, т.е. интегрирует в себе как личностный подход, так и подход ситуационный.

Используя выбранную логику рассмотрения проблемы чести и достоинства сотрудников органов внутренних дел с точки зрения субъектно-ситуационного подхода, можно проанализировать ситуацию в терминах измерений. Для выявления параметров различных типов социальных событий и ролевых отношений удобно использовать следующие измерения ситуации: 1) дружественная – враждебная; 2) кооперативная – соревновательная; 3) глубокая – поверхностная; 4) равная – неравная; 5) формальная – неформальная; 6) ориентированная на задачу – не ориентированная на задачу¹¹⁶. В качестве примера можно рассмотреть ситуацию защиты сотрудником органов внутренних дел своего достоинства, когда он требует от высокопоставленного чиновника, оскорбившего его при исполнении служебных обязанностей, публичного извинения, при условии, что чиновник не планирует этого делать, использует свои властные полномочия и коррупционные связи. Сотруднику, в случае продолжения психологической борьбы, грозит увольнение либо другие негативные последствия. В данном случае комбинация измерений (для сотрудника) будет следующая: ситуация враждебная, неравная, формальная, глубокая, соревновательная и не ориентированная на задачу.

Кроме того, следует выделить факторы, которые влияют на социальную (профессиональную) ситуацию: 1) структура целей; 2) репертуар элементов; 3) правила; 4) последовательность поведения; 5) концепты; 6) окружающие условия; 7) роли; 8) навыки и трудности.

Целевая структура – это потребности, побуждения и мотивы, которые удовлетворяются в ситуации и формируют ее структуру.

Репертуар элементов. Каждый базисный тип социальной ситуации имеет характерный репертуар элементов, свойственных данному типу (классу) ситуаций.

Элементы – это действия, необходимые для достижения целей. Так, решение проблемы требует таких действий, как «делает предложение», «задает вопрос», «не соглашается» и т.д. До некоторой степени «репертуар» является продуктом культурного развития, в ходе которого вырабатываются различные пути достижения целей.

Правила. Все ситуации управляются правилами. Правила должны быть усвоены ребенком как часть его социализации, новыми членами организации или людьми из других культур либо иных социальных групп. Правила развиваются таким образом, чтобы цели ситуации могли быть достигнуты.

Последовательность поведения. Поскольку ситуации имеют характерные репертуары элементов, они должны иметь и характерные последовательности этих элементов. Последовательности действий ведут к дости-

¹¹⁶ Аргайл М. Основные характеристики ситуаций / сост. и общ. ред. Н.В. Гришиной. СПб.: Питер, 2001. С. 179. (Серия «Хрестоматия по психологии»).

жению целей участников. Последовательности взаимодействия могут подразделяться на эпизоды или фазы. Могут быть изменения темы или другие аспекты взаимодействия.

Роли. Большинство ситуаций содержит набор разных ролей, то есть имеются позиции, для которых существуют разные схемы поведения и разные правила. Аналогия социальных ситуаций с игрой (как видом деятельности), определяет использование социальных ролей, связанных с выполнением обязанностей и ролевых предписаний (например, роль сотрудника ОВД, роль руководителя, роль отца, роль матери по отношению к своим детям и пр.)

Концепты. Имея дело с людьми, каждый использует личностные конструкторы. Человек варьирует сложность своих конструкторов, используя большее или меньшее число независимых параметров. Он использует явные измерения, отражающие основные ориентации – интеллектуальные, профессиональные и т.д. Связи между конструкторами образуют «имплицитные теории личности» относительно того, как одни конструкторы связаны с другими (например, интеллект и профессия). Считается, что люди будут социально компетентными в ситуациях, если их схемы поведения будут отличаться когнитивной сложностью. Это обеспечит гибкость поведения, так как возникнет возможность использовать набор различных социальных сценариев и схем.

Физическая среда. Аспекты физической среды оказывают влияние на поведение (время, место и другие внешние условия).

Навыки и трудности. Каждая социальная ситуация представляет определенные трудности, и необходимы конкретные социальные навыки, чтобы справиться с данными трудностями¹¹⁷. Понятно, что наличие социальных навыков упрощает разрешение трудной ситуации.

Все перечисленные элементы отличаются тем, что не имеют характера всеобщности, а заключают в себе преимущественно индивидуально-психологический смысл. При исследовании профессиональных ситуаций в деятельности сотрудников органов внутренних дел необходимо выделить типичные трудности, свойственные достаточно широкому кругу специалистов, изучить и сформулировать определенные требования, предъявляемые к действиям сотрудников органов внутренних дел в различных ситуациях, описать с точки зрения просоциальной направленности профессиональной деятельности все элементы профессиональных ситуаций (цели, роли, концепты, правила и последовательность поведения) и применить данные описания к оценке профессиональной пригодности кандидатов на службу в органах внутренних дел с точки зрения наличия у него внутриличностных основ достойного проведения.

Все перечисленные факторы в совокупности образуют целостную систему, в которой они отражают как объективные (внешние) аспекты ситуации, так и субъективные (внутренние), локализованные в сознании и

¹¹⁷ Аргайл М. Основные характеристики ситуаций. С. 178-188.

психике индивида, связанные с его когнитивными представлениями о социальных (профессиональных) ситуациях.

Продуктивным как с эмпирической, так и с методологической точки зрения является сложившееся в исследованиях представление о том, что поведение субъекта в конкретной ситуации может быть описано с точки зрения того, стремится он к данной ситуации или избегает ее, насколько он готов действовать в данной ситуации, просоциальная или антисоциальная у него направленность и каков репертуар средств действия в данной ситуации, каковы его стили поведения и сценарии, заложенные на глубоких уровнях сознания. Данная идея может быть использована для решения практических задач в системе МВД России, в частности: профессионального отбора и диагностики рассматриваемых видов поведения в ситуациях морального выбора, формирования профессионально важных качеств личности и активизации процесса профессионального самоопределения, чувства собственного достоинства, здоровой самооценки и самосознания личности сотрудника органов внутренних дел.

РАЗДЕЛ II
ПРАВО СОТРУДНИКА ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ
НА ЗАЩИТУ ЧЕСТИ И ДОСТОИНСТВА
КАК ПРЕДМЕТ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ

ГЛАВА 3. ЗАЩИТА ЧЕСТИ И ДОСТОИНСТВА
СОТРУДНИКА ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ
В РАМКАХ ВОССТАНОВИТЕЛЬНЫХ
ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВЫХ ОТНОШЕНИЙ

§ 1. Социально-правовая эволюция права на честь и достоинство
и проблемы его юридического признания в качестве
нематериального блага

Взгляд на историю позволяет увидеть, что в дореволюционной России честь и достоинство личности защищались только в уголовно-правовом порядке¹¹⁸. Как отмечал М.М. Агарков, существовавшая на тот период истории цивилистическая литература была лишь рефлексом на объективные нормы, выраженные в уголовном и полицейском праве»¹¹⁹. Однако этот правовой монизм, со ссылкой на западноевропейское законодательство и судебную практику, уже тогда подвергался сомнению и в конце XIX века некоторые российские цивилисты придерживались мнения о том, что честь и достоинство нуждаются и в гражданско-правовой защите. Как утверждал известный российский цивилист И.А. Покровский, «чем более развивается человечество, чем более начинает оно жить разносторонними нематериальными интересами, тем более праву приходится брать их под свою защиту, и, в частности, гражданское право не может уклониться от участия в этой защите... пусть гражданско-правовая защита будет неполной и несовершенной, но, повторяем, лучше такая защита, чем ничто. Даже несовершенная защита содержит напоминание о необходимости бережного отношения к нематериальным интересам людей; даже такая защита будет иметь поэтому огромное воспитательное и предупредительное значение»¹²⁰. Были и противники такого утверждения. М.Я. Пергамент, современник и коллега И.А. Покровского, отмечал, что «воззрения эти несут на себе сильный отпечаток идеализма, а понимание неотъемлемых прав личности лежит скорее в духовной, чем в материальной сфере»¹²¹.

¹¹⁸ Уголовно-правовые меры за совершение преступлений против жизни, здоровья, свободы и достоинства личности содержались в гл. 6 Уголовного кодекса РСФСР 1926 года. См.: СУ РСФСР. 1926. № 80. Ст. 600.

¹¹⁹ Агарков М.М. Право на имя // Сборник статей памяти проф. Г.Ф. Шершеневича. М.: Статут, 2005. С. 43. (В серии «Классика российской цивилистики»).

¹²⁰ Покровский И.А. Основные проблемы гражданского права. М.: Статут, 1998. (В серии «Классика российской цивилистики»).

¹²¹ См.: Пергамент М.Я. Биография И.А. Покровского // Русский исторический журнал. Кн. 7. Пг., 1921. С. 246.

Налет идеализма не оставил эту тематику и сейчас – ведь речь идет о благах, относимых к личности, сопровождающих ее с рождения, о тех благах, которые неочевидны и неосвязаемы¹²².

Роль гражданского права в развитии и поддержании норм ответственности в обществе не исключалась и в дореволюционной России. Показательна в этом смысле речь министра юстиции Д.Н. Замятина, с которой он обратился к судьям при открытии здания нового суда в Петербурге: «Гражданское право, хотя и является правом частной жизни и частной собственности, в числе других задач должно помогать лицам "полнее раскрыть внутренние очи совести"»¹²³.

Дискуссия о гражданско-правовом участии в защите личных прав велась и при создании русского проекта Гражданского уложения, когда одним из требований, выдвигаемых к проекту, русский цивилист С.В. Пахман назвал необходимость закрепления в нем самостоятельного значения «личного права»¹²⁴. Как отмечал впоследствии М.М. Винавер, давая оценку проекту Гражданского уложения Российской империи в редакции 1899 г., «наряду с теорией имущественного интереса, не всегда строго от нее отделяясь, шла горячая проповедь возмещения так называемого неимущественного интереса (нравственное страдание, боль)... С этою несколько шокирующей компенсацией психических состояний денежными знаками можно, в конце концов, примириться, а расширение сферы кредитора следует приветствовать как акт элементарной справедливости»¹²⁵.

Ход последующего развития цивилистической науки подтвердил и развил идеи ученых уже в советское время. Одной из первых работ был монографический труд по теме личных прав Е.А. Флейшиц¹²⁶, ученицы И.А. Покровского, увидевший свет под грифом служебного пользования в силу «классово чуждой» тому времени теории личных прав.

В 1961 г. право личности на защиту ее чести и достоинства вошло в гражданско-правовую реальность с гарантией его защиты. В этой защищенности по отношению к таким благам и состоит ценность права, ведь, как гласит история, «право незащищенное – nudum jus – мало кого может

¹²² Давая современное определение нематериальных благ, Ю.К. Толстой указывает: «Под нематериальными благами следует понимать способные удовлетворять потребности человека предметы нематериального (идеального) мира, которые невозможно ощущать в силу их нематериального характера». См.: Толстой Ю.К. Гражданское право: учебник: в 3 т. 7-е изд., перераб. и доп. М.: Проспект, 2011. Т. I. С. 372.

¹²³ См.: Ляшенко А.М. Царь - освободитель. Жизнь и деяния Александра II. М., 1994. С. 125.

¹²⁴ См.: Пахман С.В. К вопросу о предмете и системе русского Гражданского уложения // Журнал гражданского и уголовного права. 1882. Кн. 8 (ноябрь). С. 193-222.

¹²⁵ См.: Винавер М.М. Из области цивилистики. Недавнее (воспоминания и характеристики) / сост. и авт. вступит. ст. А.Л. Маковский. М.: Статут, 2015. С. 172.

¹²⁶ Флейшиц Е.А. Личные права. М., 1941. 208 с. Более ранним трудом этого автора является докторская диссертация, написанная в 1939 г. на тему «Личные права в гражданском праве СССР и капиталистических стран».

удовлетворить»¹²⁷. Это был тот важный период российского существования, когда благодаря гражданскому праву все право в целом «было вызвано на историческую сцену как одно из главных средств обеспечения свободы личности»¹²⁸. Однако для этого, по выражению И.А. Покровского, пришлось «раздвинуть границы гражданского права», которому и принадлежит ответ на вопрос о том, почему гражданское право «взялось» определять и защищать личные права. Как утверждал ученый, «гражданское право исконно по самой своей структуре было правом отдельной человеческой личности, сферой ее свободы и самоопределения. Именно здесь зародилось представление о человеке как о субъекте права, то есть представление о личности как о чем-то юридически самостоятельном и независимом по отношению к государству и его властям»¹²⁹.

Условием юридической жизнеспособности прав личности на честь и достоинство является признаваемость их государством. Это вызвало к жизни их нормативную визуализацию. Бремя модернизации нормативных представлений о чести и достоинстве и формирование идеала правовой личности легло на нормы Основ гражданского законодательства Союза ССР и союзных республик 1961 года¹³⁰. Тогда благодаря усилиям известных советских правоведов О.С. Иоффе, П.Ф. Елисейкина, И.С. Ноя в Основы гражданского законодательства была введена статья 7 о защите чести и достоинства¹³¹.

Законодательная (гражданско-правовая) констатация того, что личность от природы наделена такими нематериальными благами, в числе которых честь и достоинство, явилась первым результативным шагом многолетней дискуссии цивилистов о том, можно ли считать вопрос о личных правах «заботой» гражданского права, главное назначение которого состоит в регулировании имущественных отношений¹³².

¹²⁷ См.: Винавер А.М. На грани уголовной и гражданской неправды (материалы к предстоящему пересмотру Гражданского кодекса РСФСР) // Антология уральской цивилистики. 1925-1989: сб. статей. М.: Статут, 2001. С. 80.

¹²⁸ Белов В.А. Очерк 16 «Проблема теории личных прав» / Гражданское право: актуальные проблемы теории и практики / под ред. В.А. Белова. М.: Юрайт, 2007. С. 616.

¹²⁹ Покровский И.А. Основные проблемы гражданского права. М.: Статут, 1998. С. 309. (В серии «Классика российской цивилистики»).

¹³⁰ Утверждены Верховным Советом СССР 8 декабря 1961 г. Ведомости Верховного Совета СССР. 1961. № 50. Ст. 525.

¹³¹ По утверждению С.Н. Братуся, содержание «личных прав» сжато и довольно точно было охарактеризовано М.М. Агарковым, назвавшим в ряду иных личных прав «некоторые неимущественные права, защищаемые против всякого и каждого (так называемые абсолютные права на блага, неотделимые от личности субъекта права)». См.: Братусь С.Н. Предмет и система советского гражданского права. М.: Юрид. лит., 1963. С. 72.

¹³² Этапы становления теории личных неимущественных прав см.: Иоффе О.С. Развитие цивилистической мысли в СССР (часть I) // Иоффе О.С. Избранные труды по гражданскому праву. М.: Статут, 2000. С. 180-181.

Начиная с 1961 г. «вечность» гражданского права стала связываться не только с имущественными правами, но и с личными неимущественными. Впервые на уровне гражданского законодательства устанавливались юридико-фактические основания возникновения охранительного отношения по защите права на честь и достоинство в случае его нарушения в виде распространения порочащих сведений. Так, в юридическую жизнь России через нормы гражданского права впервые вошли идеи о прирожденных правах личности нравственного наполнения, подлежащие государственной защите. Благодаря достижениям дореволюционных цивилистов обозначились и достаточно четкие различия между уже имеющимся уголовно-правовым порядком защиты этих прав и возможным гражданско-правовым. Если в области наказания «необходимо считаться со степенью опасности деяния для всей общественной жизни, со степенью «злой воли» преступника... здесь в области гражданского права мы имеем дело только с частным вредом, причиненным одним лицом другому, и нашей задачей является принятие мер для возмещения этого вреда, для устранения вредных последствий неправомерного деяния в сфере частных интересов потерпевшего»¹³³.

До факта закрепления в нормах гражданского законодательства личных прав, в том числе и тех, которые связаны с нравственным содержанием, они объявлялись «принадлежащими» многим отраслям права, находя защиту вне гражданско-правового порядка, что не компенсировало состояния их «отраслевой беспризорности». Как утверждал в 1939 году профессор Д.М. Генкин, «личные неимущественные права граждан в советских условиях должны защищаться государственным, административным, уголовным правом, вотумом советской общественности, вотумом, имеющим огромное значение, а не гражданско-правовым порядком»¹³⁴.

В Гражданском кодексе РСФСР, принятом 1 октября 1964 г., закреплена статья 7 «Защита чести и достоинства», в соответствии с которой гражданин или организация вправе требовать по суду опровержения порочащих честь и достоинство сведений, если распространивший такие сведения не докажет, что они соответствуют действительности. На тот момент опровержение было единственным гражданско-правовым способом защиты поруганной чести. Ситуация была непростой и во многом противоречивой, с принятием актов судебного толкования¹³⁵ часть вопросов постепенно снималась, однако не в полной мере¹³⁶.

данскому праву: Из истории цивилистической мысли. Гражданское правоотношение. Критика теории «хозяйственного права». М.: Статут, 2000. С. 157-329.

¹³³ Покровский И.А. Основные проблемы гражданского права. М.: Статут, 1998. С. 287. (В серии «Классика российской цивилистики»).

¹³⁴ См.: Генкин Д.М. Предмет советского гражданского права // Советское государство и право. 1939. № 4. С. 37.

¹³⁵ О применении в судебной практике ст. 7 Основ гражданского законодательства Союза ССР и союзных республик о защите чести и достоинства граждан и организаций: пост. Пленума Верховного Суда СССР от 17 дек. 1971 г. № 11 // Сборник постановле-

Вслед за гражданским законодательством нормы о праве на судебную защиту от посягательств на честь и достоинство вошли в Конституцию СССР 1977 г. (ч. 2 ст. 57).

В отечественной правовой системе основные направления развития института прав и свобод были установлены в Декларации прав и свобод человека и гражданина, утвержденной Верховным Советом РСФСР 22 ноября 1991 г. В этом документе честь и достоинство, наряду с другими правами и свободами человека, признаны общей ценностью общества и государства. В соответствии с Декларацией статья 23 Конституции РФ гарантирует право каждого на защиту своей чести и доброго имени. В этом заключается принципиальная (конституционно значимая) сущность правового государства, означающая, что в основе его лежат такие конституционно значимые принципы, как верховенство закона, разделение государственной власти на законодательную, исполнительную и судебную, равенство граждан перед законом, правовая защищенность граждан, включающая ответственность государства перед своими гражданами¹³⁷.

ний Пленума Верховного Суда СССР (1924-1986). М., 1987. С. 129; Бюллетень ВС РСФСР. 1976. № 1. С. 7.

¹³⁶ Обобщение судебной практики по вопросам защиты чести и достоинства дало возможность увидеть как трудности, так и недостатки «приживаемости» норм: не хватало смежных норм, обеспечивающих данный институт; граждане обращались в суд с иском об опровержении порочащих сведений, содержащихся в характеристиках делового порядка, аттестационных, при неподведомственности таких требований суду; не существовало законодательно установленного положения о системе ссылок на источник информации, в соответствии с которыми можно было бы обнаружить реального ответчика; судьи нередко отказывали в возбуждении иска без законных на то оснований. Возникло множество вопросов, связанных с тем, что закон предусматривал опровержение самих сведений, а не домыслов, складывающихся у граждан по прочтении ложной информации; остро стояла теоретическая проблема о степени конкретизации объекта критики; реальном их прототипе; проблемой было неисполнение или ненадлежащее исполнение судебных решений. См.: Седугин П.И. Судебная защита по делам о защите чести и достоинства // Научный комментарий судебной практики по гражданским делам за 1964-1965 гг. М.: Юрид. лит., 1966; Бродская И. Современное состояние законодательства РФ о защите чести и достоинства // Законодательство и практика средств массовой информации. 1999. № 5. С. 57.

¹³⁷ Это в полной мере подтверждают правовые позиции Конституционного Суда РФ, указавшего, например, в постановлении от 25 апреля 2001 г. № 6-П, что конституционный принцип правового государства, возлагающий на Российскую Федерацию обязанность признавать, соблюдать и защищать права и свободы человека и гражданина как высшую ценность, предполагает установление такого правопорядка, который должен гарантировать каждому государственную защиту его прав и свобод. В постановлении от 21 ноября 2002 г. № 15-П Конституционный Суд РФ высказался о России в контексте правового государства еще более полно: правовое государство по самой своей сути может признаваться таковым лишь при условии, что оно обеспечивает безопасность граждан, охрану и защиту их прав и законных интересов, эффективное восстановление в правах. Поэтому в Российской Федерации как правовом государстве человек его права и свободы являются высшей ценностью, а их признание, соблюдение и защита — обязанностью государства; права и свободы человека и

Современная норма о защите этих благ сформулирована в п. 2 ст. 150 ГК РФ, согласно которому нематериальные блага защищаются в соответствии с Кодексом и другими законами в случаях и порядке, ими предусмотренных, а также в тех случаях и тех пределах, в каких использование способов защиты прав (ст. 12 ГК РФ) вытекает из существа нарушенного права и характера последствий этого нарушения.

С принятием Федерального закона от 2 июля 2013 г. № 142-ФЗ «О внесении изменений в подраздел 3 раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации»¹³⁸ и постановления Конституционного Суда Российской Федерации от 9 июля 2013 г. № 18-П «По делу о проверке конституционности положений пунктов 1, 5 и 6 статьи 152 Гражданского кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина Е.В. Крылова»¹³⁹ было преодолено накопившееся со времени принятия этих норм законодательное и теоретико-методологическое отставание в регулировании и исследовании отношений по защите личных нематериальных благ. Названные документы подтвердили и отразили факт дальнейшей гуманизации гражданского законодательства и неизбежную несоотнесенность его норм с правами человека.

Действующие правовые установления о чести и возможностях ее защиты, подчинены законодательной идее о том, что право на честь и достоинство в градации всех установленных государством прав отнесено к правам, возникающим не по воле государства и права, а по воле природы (право «по природе», С.С. Алексеев)¹⁴⁰. Как утверждал Г. Еллинек, которому принадлежит заслуга в «расчистке» юридической почвы для теории прирожденных прав, юридически зафиксированное прирожденное право неотделимо от личности без ее умаления и «в этом его правовая мощь»¹⁴¹. Задача законодателя, признающего вторичность государства и права по отношению к этим ценностям, сводится к их закреплению, указанию на правообладателя (личность) и созданию надлежащей охранительной подсистемы прав в отношении этих благ. Все это сегодня современная законодательная данность. Как следствие, практика правоприменения обрела

гражданина в Российской Федерации признаются и гарантируются согласно общепризнанным принципам и нормам международного права, и в соответствии с Конституцией РФ они определяют смысл, содержание и применение законов и обеспечиваются правосудием; государственная защита прав и свобод человека и гражданина гарантируется на основе принципа юридического равенства.

¹³⁸ Собр. законодательства Рос. Федерации. 2013. № 27. Ст. 3434.

¹³⁹ Вестник Конституционного Суда Российской Федерации. 2013. № 6.

¹⁴⁰ В литературе эти блага именуются благами первого уровня в силу рождения. Благами второго уровня именуются блага в силу закона. См.: Гражданское право: учебник / под ред. А.П. Сергеева, Ю.К. Толстого. М., 1998. Т. 1. С. 314.

¹⁴¹ Цит. по: Кистяковский Б.А. Философия и социология права / сост., примеч., указ. В.В. Сапова. СПб.: РХГИ, 1999. С. 123. (Русская социология XX века).

внятные нормативные ориентиры, откликнувшись на них актом обобщения судебной практики¹⁴².

Обратим внимание на имеющиеся достижения современной гражданско-правовой терминологической системы. Честь и достоинство личности, независимо от ее статуса и социальной характеристики, на языке гражданского права – это нематериальные блага. Охранительная способность гражданского права распространяется не на сами эти блага, а на права по поводу этих благ, чья природа – в их абсолютности, которые именуются личными неимущественными правами личности.

Неисчерпывающий перечень личных нематериальных благ установлен в ст. 150 ГК РФ «Нематериальные блага». Все они служат одной цели – социальному обособлению личности, ее индивидуализации. Разнообразие этих благ обеспечивает доктрине стабильный стимул к их классификации¹⁴³. Ведущий критерий классификации у разных авторов в итоге оказывается один – направленность благ, то есть цель, которой они служат. Как отмечает, например, И.А. Михайлова, жизнь и здоровье – явления биологического, физиологического характера, честь и достоинство – социально-психологического, личная и семейная тайна – личностно-информационного и т.д.¹⁴⁴ Судебная практика рассматривает честь и достоинство в ряду иных нематериальных благ в качестве средств морально-этической идентификации личности, в отличие от назначения других благ¹⁴⁵. Эта устойчивая триада благ, имеющая близкую правовую сущность, уже устоялась в гражданском законодательстве и вышла за границы гражданско-правовой отрасли, пронизывая другие отрасли права, использующие эти понятия как неизменные под именем «личных прав».

В современной гражданско-правовой доктрине дефиниция личных прав дана В.А. Беловым, обстоятельно «прошедшим» логико-исторический путь оформления этого понятия от самого его начала до соединения с идеями ст. 150 ГК РФ. С точки зрения автора, личным правом

¹⁴² См.: О судебной практике по делам о защите чести и достоинства граждан, а также деловой репутации граждан и юридических лиц: пост. Пленума Верховного Суда РФ от 24 февр. 2005 г. № 3 // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2005. № 4.

¹⁴³ Обзор существующих классификаций см.: В.А. Белов Гражданское право. Актуальные проблемы теории и практики. С. 642-643.

¹⁴⁴ Михайлова И.А. Личные неимущественные права и нематериальные блага: традиционное понимание и новые подходы // Законы России: опыт, анализ, практика. 2012. № 4. С. 3-9.

¹⁴⁵ Как в связи с этим указано в п. 8 постановления Пленума Верховного Суда РФ 24 февраля 2005 г. № 3, «судам необходимо ограничивать дела о защите чести, достоинства и деловой репутации (статья 152 Гражданского кодекса РФ) от дел о защите других нематериальных благ, перечисленных в статье 150 этого Кодекса, нарушенных в связи с распространением о гражданине сведений, неприкосновенность которых специально охраняется Конституцией Российской Федерации и законами и распространение которых может причинить моральный вред даже в случае, когда эти сведения соответствуют действительности и не порочат честь, достоинство и деловую репутацию истца».

называется субъективное гражданское право, содержанием которого является *юридически обеспеченная возможность управомоченного лица осуществлять абсолютное (исключительное и независимое от третьих лиц) использование конкретного социального условия формирования, сохранения и проявления им во вне своих индивидуальных (личностных) качеств — черт, способностей, стремлений*¹⁴⁶. Ценность данного определения мы видим в том, что суть этой доктринальной конструкции подчинена признанию, охране и защите личных прав. Именно эти пункты обуславливают условия социальной активности всякой личности, в том числе и в сфере любой социально полезной деятельности.

Интегрировав отношения по поводу нематериальных благ в свой предмет, гражданское законодательство установило, что оно не регулирует порядок обладания, управления, пользования этими благами в целях достижения какого-либо социального эффекта. Эти вопросы находятся в «заправовой» области (см. главу 1 настоящей работы)¹⁴⁷. Юридический эффект участия гражданского права в правовой судьбе этих благ ограничивается охранительным воздействием. Заметим, что полосу «правового обслуживания частных интересов личности» проходили в разное время и другие страны, которые принято называть странами «с развитым правопорядком». Это те страны, чьи юридические системы уже состоялись как демократические и правовые. Все они в итоге также пошли по пути нормативного упорядочения отношений охранного свойства разных юрисдикций по отношению к этим благам.

Продолжая разграничивать аспекты словоупотребления понятий «честь и достоинство» в сфере должностования, нормирования поведения сотрудников органов внутренних дел, их «портретизации», отметим, что идея охранительного правового регулирования отношений по поводу этих благ никак не связана с установлением порядка обращения с ними самого

¹⁴⁶ Белов В.А. Указ. соч. С. 634. Его же. Белов В.А. Гражданское право: в 4 т. Т. III. Особенная часть. Абсолютные гражданско-правовые формы: в 2 кн. Кн. 2. Права исключительные, личные и наследственные: учебник для академического бакалавриата и магистратуры. М.: Юрайт, 2015. С. 190-212.

¹⁴⁷ По словам Г. Еллинека, «мир юриста не есть тот мир, который составляет предмет теоретического познания; ему принадлежит исключительно мир действий, практической жизни, это мир вещей для нас, а не вещей самих по себе». Развивая эту мысль дальше, он утверждает, что «юриспруденция не желает и не может познавать существующее в природе и не стремится устанавливать естественные законы, которые действуют с непреодолимой силой, ее задача понять нормы, гипотетические правила, имеющие своим содержанием не необходимость, а должностование и господствующие над практической жизнью действующего человека. Поэтому ее объект составляют не конкретные предметы, а абстрактные образования, понятия и правила, которые становятся вразумительными только тогда, когда известно поведение того мира, в котором поставлен человек; это мир человеческих интересов и страстей, которые должны быть вогнаны в известные пределы и приведены к гармонии». Цит. по: Кистяковский Б.А. Философия и социология права / сост., примеч., указ. В.В. Сапова. СПб.: РХГИ, 1999. С. 123. (Русская социология XX века).

обладателя, не предполагается в связи с этим и таких обязывающих действий, как забота о профессиональной чести, необходимость дорожить ею путем совершения каких-то активных действий. Это предопределено фактом неосязаемости чести и той общей характеристикой, которая с точки зрения наполнения этого понятия дана в доктрине нематериальным благам.

Несмотря на нормативную определенность по поводу прав личности на честь и достоинство как неотъемлемое благо, доктринальную убедительность относительно того, что юридические воззрения на честь и достоинство как блага не являются в этом вопросе первичными, в литературе продолжают выдвигаться предложения о том, что для целей правовой определенности необходимо наличие нормативных дефиниций чести и достоинства¹⁴⁸. В связи с этим напомним, что определение этих понятий – удел науки этики. Здесь и сформулировано исходное понятие чести и достоинства, ставшее отправным для иных исследовательских областей, в том числе и для юриспруденции. Философская реальность, частью которой является наука этика, пользуется мыслимым образом этих понятий, воспроизводя их на своем предметно-образном языке и поставляя данные многочисленным словарям¹⁴⁹, в которых значение данных слов актуализировано через совокупность морально-этических качеств, характеризующих личность. Являясь категориями философской науки в виде единиц измерения ее научного знания, они не могут принадлежать лишь философии. Всякая наука нуждается в оперировании разноуровневыми понятиями в зависимости от той степени общности, которую они представляют. Нуждается в этом и юриспруденция, обращаясь к философским понятиям. Это не просто преломление философских выводов и не одноименная с философией тематика – это прямое заимствование понятий из области философии. Что им дала философия, вложила в них, то право и использует, и «само по себе применение философских терминов к праву новых смыслов не рожда-

¹⁴⁸ См.: Власова О.В. Достоинство человека как нравственно-правовая ценность: общетеоретическое исследование: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Саратов, 2011. С. 66; Батхаев В.В. Анализ современного состояния защиты чести, достоинства, деловой репутации сотрудника органов внутренних дел МВД России // Бизнес в законе. 2013. № 3. С. 86; и др.

¹⁴⁹ Авакьян С.А. Конституционный лексикон: Государственно-правовой терминологический словарь. М: Юстицинформ, 2015; Новый латинско-русский и русско-латинский словарь. 100 000 слов и словосочетаний. М., 2011; Словарь практического психолога / сост. С.Ю. Головин. Минск: Харвест, 1997; и др. У лингвистов есть собственное отношение к такой форме восполнения. Высказано мнение о том, что такие источники «изначально не приспособлены для выполнения правовых функций и не могут быть основанием для принятия следственных и судебных решений». См.: Цена слова: из практики лингвистических экспертиз текстов СМИ в судебных процессах по защите чести и достоинства и деловой репутации / под ред. проф. М.В. Горбаневского. 3 изд., испр. и доп. М.: Галерея, 2002. С. 262. С этим трудно согласиться по той причине, что кроме сведений об этических явлениях, суды и органы правоохраны используют знания из других специальных областей (медицина, техника и т.д.), которые не могут и не должны быть специально «приспособлены» к правовой сфере.

ет, оно их только поверхностно множит» (Б. Спиноза). Надо лишь только помнить обоснованное предостережение В.Н. Протасова о том, что «нельзя требовать от категории больше, чем она может дать»¹⁵⁰.

Как установлено в п. 2 ст. 2 ГК РФ неотчуждаемые права и свободы человека и другие нематериальные блага защищаются гражданским законодательством, если иное не вытекает из существа нематериальных благ. Тем самым в качестве общего правила была принята охранительная концепция правового регулирования. Отсюда уже устоявшаяся доктринальная, правотворческая и правоприменительная аксиома о том, что «права на такие блага не регулируются, а лишь защищаются законом»¹⁵¹. На этой концепции в связи с ее значимостью для последующих рассуждений по теме защиты чести и достоинства сотрудников органов внутренних дел необходимо остановиться отдельно.

Общеизвестно, что ведущее назначение гражданского права заключается в его регулировании нормами товарно-денежных отношений или отношений имущественного оборота. Нематериальные объекты и права в отношении них не фигурируют в нем как объекты оборота. Они составляют его ответвление, в рамках которого гражданское право фиксирует наличие названных благ и признает свободу индивида определять свое поведение в индивидуальной жизнедеятельности по своему усмотрению¹⁵².

Как разновидность охраняемого блага, честь вовлекается в правовое пространство с помощью категории субъективного права. Классическое определение субъективного права связано с той мерой возможного поведения лица, которая дает основание самостоятельно совершать действия, направленные на достижение целей, связанных с удовлетворением своих интересов, и требовать определенного поведения от обязанных лиц. Содержание этого права «образуют те конкретные юридические возможности, правомочия, которые предоставляются и гарантируются управомоченному субъекту»¹⁵³. Юридические возможности личности по поводу нематериальных благ ограничены фактом обладания ими и возможностями защиты в случае ущемления. Как утверждал С.Н. Братусь, характеризуя личные нематериальные блага, «до тех пор, пока права на них не нарушены, правовой характер отношений, связанных с их осуществлением, совершенно не чувствуется»¹⁵⁴.

¹⁵⁰ Протасов В.Н. Основы общеправовой процессуальной теории. М., Юрист, 1991. С. 142.

¹⁵¹ Гражданское право / под ред. Е.А. Суханова. М., 1998. Т. 1. С. 60.

¹⁵² Красавчикова Л.О. Перспективы и проблемы в регулировании личных неимущественных отношений по новому ГК РФ // Цивилистические записки: межвуз. сборник науч. тр. М.: Статут, 2001. С. 52-53.

¹⁵³ Матузов Н.И. Личность. Права. Демократия. Теоретические проблемы субъективного права. М., 1972.

¹⁵⁴ См.: Братусь С.Н. Предмет и система советского гражданского права. М.: Юрид. лит., 1963. С. 48.

Отмеченный выше ограниченный объем юридических возможностей по отношению к чести дает основание утверждать, что право на честь лишено положительного содержания – будучи носителем этого нематериального блага, личность не вправе требовать к себе уважения и почета, как и каких-то иных активных действий со стороны других лиц. Границы этого права носят сугубо негативный характер в виде поведения, запрещенного обязанным (третьим) лицам, – они несут всеобщую обязанность воздерживаться от порочных, неправдивых, недействительных сведений. Отсюда право на честь является абсолютным субъективным правом, то есть правом, которому противостоит обязанность «всех и каждого» (*noli me tangere*). Оно обладает отрицательным (негативным) содержанием и в этом смысле в нем преобладает охранительная, а не регулятивная функция. Эта известная для частного права максима, связанная с действием так называемых абсолютных прав, тех прав, которые имеют эффект *erga*, то есть против всех. Отход от этой максимы влечет иные доктринальные выводы, которые, надо признать, формируются в угоду иной – позитивной трактовки права на честь и достоинство, являясь ошибочной и не соответствующей действующей законодательной идее¹⁵⁵.

Аналогичными признаками обладают нематериальные блага в виде чести и достоинства у таких ее носителей, как сотрудники органов внутренних дел. Для права сотрудник полиции – это терминологический образ, который отражает факт состояния лица в служебной взаимосвязи с государством, а потому отношения с участием этого лица как субъекта властных отношений подпадают под правовое воздействие специальных норм Закона о полиции, Закона о службе в органах внутренних дел. В то время как в гражданском праве сотрудник имеет образ обычной личности, той личности, которая в социуме является обладателем общепризнанных за каждой личностью прав и свобод. В этом продолжение того универсального конституционно-правового подхода к защите права лица на честь и достоинство, вытекающего из ч. 1 ст. 19 Конституции РФ, устанавливающей равенство всех перед законом. На нарушение этого права, по итогам ини-

¹⁵⁵ Как утверждал О.С. Иоффе сразу после введения в гражданское законодательство нормы о защите чести и достоинства, «право гражданина на честь и достоинство включает в себя право требовать, чтобы общественная морально-политическая оценка его личности формировалась на основе правильного восприятия того, что он сделал или чего не делал». См.: Иоффе О.С. Новая кодификация советского гражданского законодательства и охрана чести и достоинства граждан // Советское государство и право. 1962. № 7. С. 64. Это была трактовка положительного, или позитивного, содержания права на честь и достоинство. В работе, отнесенной к 1966 г., автор уже признавал тот факт, что ст. 7 Основ гражданского законодательства Союза ССР и союзных республик очерчивает лишь негативные границы права на честь и достоинство через поведение, запрещенное обязанным лицам и, следовательно, не выходящее за пределы чисто охранительных функций гражданско-правового регулирования. См.: Иоффе О.С. Личные неимущественные права и их место в системе советского гражданского права // Советское государство и право. 1966. № 7. С. 54.

циативного волеизъявления лица, гражданское право отреагирует возникновением охранительного отношения.

Поскольку риск нарушения прав по поводу этих благ у сотрудника как «представителя власти, осуществляющего исполнительную власть»¹⁵⁶ в сфере правоохранительной деятельности, выше и «безмятежное» обладание личными нематериальными благами для него в большей степени исключение, нежели правило, государство транслирует общие законодательные установления о защите этих благ на уровне специального законодательства. Цель такого законодательного приема заключается в создании у сотрудника уверенности в том, что в случае ущемления его прав государство гарантирует ему необходимую защиту как для целей восстановления этих прав с помощью гражданско-правовых форм, так и для целей порицания, а если нарушены уголовно-правовые запреты, то и в целях наказания.

Для подтверждения правила «общности» гражданско-правовых способов защиты «для всех» процитируем И.А. Покровского, наиболее точно выразившего эту идею: «Если мы окинем общим взглядом сам механизм гражданско-правовых норм, то мы заметим, что все они покоятся на предположении некоторого *абстрактного* человека, своего рода *«гражданского человека»*. Это есть некоторая средняя фигура, представляющая эмпирическое суммирование потребностей и качеств, свойственных среднему в данной социальной среде и в данное время человеку»¹⁵⁷.

Право на честь и достоинство предоставлено каждому гражданину независимо от возраста и его личных особенностей. Дифференцированного механизма закрепления чести, ее охраны и защиты гражданское законодательство не предполагает, обходясь известным правовым приемом – абстрагированием¹⁵⁸. Этот прием исключает учет различий в содержании чести и достоинства отдельных граждан на этапах их жизненного и профессионального пути. Они никак не отражаются на объеме и содержании абсолютного права на нематериальные блага и установленном порядке их защиты.

Напомним общеправовую идею, пронизывающую все правовые нормы, ориентированные на защиту чести и достоинства. Она – в обеспечении защищенности нематериальных благ, от ущемления которых страдает пер-

¹⁵⁶ О судебной практике по делам о злоупотреблении должностными полномочиями и о превышении должностных полномочий: пост. Пленума Верховного Суда РФ от 16 окт. 2010 г. № 19 // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2009. № 12.

¹⁵⁷ Покровский И.А. Абстрактный и конкретный человек перед лицом гражданского права // Вестник гражданского права. № 4. СПб.: М.М. Винавер, 1913. С. 30-50.

¹⁵⁸ Как утверждал в связи с этим И.А. Покровский, «конкретные, живые люди чрезвычайно разнообразны; бесконечно разнообразны их психические особенности и их внешние положения, – вследствие чего так же разнообразны и их интересы. Как же гражданское право может подойти к этим интересам, как оно может уловить их? Для разрешения этой задачи оно пользуется некоторым особым приемом... гражданское право использовало прием абстрагирования. См.: Там же. С. 31.

сонифицированная личность¹⁵⁹. Отсюда ведущей причиной обращения за всякой защитой права на честь и достоинство является не само деяние, а «эффект испытанного от деяния», изменения во внутреннем мире обладателя чести и достоинства в связи с совершением гражданского и административного правонарушения, а также и уголовного преступления. Это проистекает из того, что для права вообще и гражданского в частности первичная суть вопроса заключается, в первую очередь, в том, как нарушение личностью ее прав воспринимается самим лицом. Е.А. Флейшиц в связи с этим отмечала, что еще до законодательного воплощения правил о чести и достоинстве «ущерб потерпевшего от распространения о нем порочащих сведений заключается в умалении его достоинства, в неправильном представлении о его личности, вызванном в сознании третьих лиц»¹⁶⁰. Разность человеческого отношения к тому, что происходит с его честью и достоинством в случае их умаления, наиболее ярко выразил известный российский криминалист И.Я. Фойницкий: «Безразличное для одного лица, в силу его характера, его прошлого и принадлежности его к данной среде, становится нередко тяжким посягательством для другого. По мнению одних, «брань на воротах не виснет», «за всяким словом не угонишься», по мнению других, напротив, личное достоинство подвергается тяжкому испытанию не только от брани, но даже от неокказания принятых в общезнании знаков внимания и уважения»¹⁶¹. Все это лишь подтверждает качество персонификации права на честь и достоинство, убеждая нас в том, что от состоявшихся или несостоявшихся изменений во внутреннем мире личности будет зависеть факт поиска самим потерпевшим и инициативного включения соответствующих механизмов защиты «поруганных» или «выброненных» благ, или они останутся без возбуждения из-за «вытерпленной» лицом обиды.

У каждой личности, независимо от статуса, роли в обществе имеется равное право ожидать¹⁶² того, чтобы о ней не распространяли порочащих, не соответствующих действительности сведений. В этом принципиальная позиция гражданско-правового подхода к защите чести и достоинства

¹⁵⁹ Как отмечалось в литературе XIX в., преследуя преступления против чести, законодательство может следовать одной из двух систем: или системы обиды и клеветы, или системы поругания и опозорения. Первая считает главным признаком преступности лживость распускаемых слухов, вторая основана на желании охранять всякого в безмятежности пользования репутацией, которую он себе составил, не разбирая, стяжал ли он ее правдою или неправдою. См.: Данилов К.Г. Лохвицкий и диффамация. СПб.: Петербургские Ведомости, 1864. URL: <http://base.garant.ru/6702029/#ixzz3oLDqD1qH> (дата обращения: 13 сент. 2015 г.).

¹⁶⁰ Флейшиц Е.А. Личные неимущественные права в гражданском праве Союза ССР и капиталистических стран. М.: Юриздат, 1941. С. 147.

¹⁶¹ Фойницкий И.Я. Курс уголовного судопроизводства. Т. 2. СПб., 1996. С. 585-598.

¹⁶² Со словом «ожидать» связана неформальная характеристика всякого абсолютного права, находящегося под защитой закона. Поэтому, например, вещное право, относясь так же к абсолютным, как и абсолютное право на защиту нематериальных благ, имеет еще одно название «право ожидания» того, будет нарушено или нет.

«всех», учитывающего, что публичность отдельных граждан, исходя из равенства всех перед законом (ч. 1 ст. 19 Конституции Российской Федерации), не влияет на подходы в решении вопросов гражданско-правовой защиты прав на честь и достоинство.

Предметное поле заявленного исследования не позволяет исключить из него два вопроса, которые непосредственно с ним соприкасаются. Это вопрос о защите чести и достоинства неопределенного круга лиц и вопрос о дифференциации чести (и достоинства) на различные виды.

Первый вопрос время от времени поднимается в науке в большей степени не для утвердительности, а для обсуждения. Речь идет о защите чести и достоинства не персонифицированной личности и не личности как таковой, а об общности людей, объединенных по признакам пола, национальности, религиозной принадлежности, профессии, не организованных в единый коллектив с правами юридического лица¹⁶³. Фактических ситуаций, когда страдает имидж, авторитет, групповой нравственный интерес какого-то социального сообщества (сотрудники правоохраны, врачи, учителя и др.) вследствие порочащих, недействительных, недостоверных, огульных, критических сведений или высказываний, достаточно. Действительность нередко заставляет актуализировать вопрос о том, а может ли то или иное сообщество правомерно самозащититься от таких случаев.

Представляется, что на сегодняшний день этот вопрос еще не имеет надлежащего фундамента в виде той идеи, которая бы побудила законодателя развить эти доктринальные суждения. Создавая нормы о защите чести и достоинства, законодатель опирается на идею о социально свободной, независимой личности, наделенной нравственным интересом. Из таких личностей – носителей индивидуальной нравственности – складывается нравственность коллективная.

Нет для реализации суждений о защите права на честь и достоинство неопределенного круга лиц также и процессуальных предпосылок. Если ставить вопрос о чести и достоинстве неопределенного круга лиц, то его юридическая завершенность может быть связана только с наличием охранительных норм. Эти нормы «работают» на интерес конкретных физических лиц, носителей чести и достоинства, которые вправе инициировать процессы защиты своих личных прав. Иные лица – органы государственной власти, органы местного самоуправления, прокурор¹⁶⁴ – вправе предъявлять требования о защите прав неопределенного круга лиц в пределах своей компетенции.

Что касается второго вопроса о «расщеплении» единого понятия «честь» на виды, то в первой главе авторы уже отмечали юридическую

¹⁶³ Малеина М.Н. Защита чести и деловой репутации неопределенного круга лиц // Вестник гражданского права. 2010. № 1. Т. 10. С. 173-180.

¹⁶⁴ Статья 35 Федерального закона от 17 января 1992 г. № 2202-1 «О прокуратуре Российской Федерации» // Ведомости Съезда народных депутатов Российской Федерации и Верховного Совета Российской Федерации 1992. № 8. Ст. 366.

бессодержательность такого деления, что не исключает его в сфере внеправовой. Разные виды чести не относятся к естественным благам личности, обладание той или иной честью – это промежуточный итог социального развития личности. Это обычные (внеправовые) представления о чести, которые уместны и жизнеспособны в сфере профессиональной этики. Именно поэтому невозможно согласиться с вычленением на уровне нормы права такого вида «приобретенной» чести, как честь служебная¹⁶⁵. Высказанное в конце 19 в. И.Я Фойницким суждение о том, что «кроме общей чести различайте еще честь особенную, т.е. честь лица как члена того или иного сословия или класса (Standesehre): например, воинскую, дворянскую, коммерческую; это значит, что деяние, безразличное вообще, становится оскорбительным, если оно относится к лицу данного класса, роняя его именно в среде этого класса (напр., название офицера трусом)»¹⁶⁶, говоря сегодняшним языком, имеет отношение не к нормативной сфере, а сфере профессиональной этики. Эти виды чести автор связывал исключительно с нравами конкретного сообщества (сословия).

Все виды юрисдикций, причастные к защите права на честь, безразличны к тому, что честь и достоинство у граждан по причине их неодинаковой социальной активности и социальных ролей, различны. Отягощенность отдельных уголовно-правовых запретов (ст. 319 УК РФ) особым статусом лиц, чьи честь и достоинство в качестве дополнительного объекта подлежат защите, не является свидетельством градации чести, а лишь учитывает, что личность действует от имени и в интересах государства, чьи интересы при конструировании данной нормы первичны.

Иной подход к защите чести и достоинства личности – это нарушение природного равноправия личностей¹⁶⁷. Современная практика защиты чести и достоинства уже получила серьезное обременение в виде зависимости от практики правоприменения. И эта практика демонстрирует, что уточнение содержания чести конкретного гражданина, ее вида (служебная, профессиональная, трудовая и др.) может иметь значение в рамках конкретного гражданско-правового спора или административного, уголовного судопроизводства исключительно для целей установления факта признания порочащего характера сообщенных о личности сведений и анализа ее внутренних ощущений по причине свершения данного факта. Правопри-

¹⁶⁵ Ерофеева Е.А. Проблемы защиты чести, достоинства, деловой (профессиональной) репутации в системе МВД России // Общество и право. 2014. № 3 (49). С. 67-68; и др.

¹⁶⁶ См.: Фойницкий И.Я. Курс уголовного судопроизводства. СПб., 1996. Т. 2. С. 585.

¹⁶⁷ Как верно отмечено в литературе, введение неодинаковых условий гражданско-правовой защиты для общественных (публичных) деятелей, с одной стороны, и частных лиц – с другой, т.е. для разных категорий потерпевших в зависимости от их должностного положения, рода деятельности и других обстоятельств, противоречит конституционному принципу равноправия граждан и основным началам гражданского законодательства, демократическому принципу равной защиты прав. См.: Шелютто М.Л. Гражданско-правовая защита чести, достоинства и деловой репутации: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М, 1997. С. 5.

менитель не отвергает бытовое понятие профессиональной чести в вопросах ее защиты, он по умолчанию использует тот правовой механизм, который сегодня «работает» на честь в ее общегражданском значении, юридически «запрограммированный» на честь «по природе», а не «по приобретению».

Для законодателя, уже создавшего в достаточной степени разветвленный и, пусть небесспорно, но во многом декриминализированный юридический механизм защиты чести и достоинства, понятие честь является единым и неделимым. К этому современный законодатель подошел через необходимые исторические тернии и международно-правовые стандарты, ориентированные на защиту благ, принадлежащих каждой личности.

Самое первое погружение в суть дифференциации чести на разные виды обнаруживает безответные со стороны науки и законодательства вопросы о том, какая отрасль права «ответственна» за формирование материально-правовых предпосылок для возникновения охранительного правоотношения по защите профессиональной чести; в каком соотношении допустимо «пересечение» норм по защите личных неимущественных прав из права гражданского с нормами права трудового, где только начинается постановка проблемы о личных неимущественных правах; как соотносится профессиональная честь с деловой репутацией лица в правовой реальности; совпадает ли структура субъективного абсолютного права на гражданскую честь, которой присущ только охранительный (негативный) компонент, с аналогичным правом на профессиональную честь.

Делая промежуточные выводы, значимые для дальнейшего исследования, отразим, что смысл и назначение правовых суждений о чести и смежных с ней правах применительно к области правового регулирования заключается не в феноменологических характеристиках их качеств, а в юридическом признании принадлежности лицу прав на неотчуждаемые нематериальные блага и право на их охрану от посягательств. Следование этой аксиоме предопределяет вторичность правовых суждений к факту существования этих благ. Следствием вторичности является отсутствие позитивного регулирующего воздействия на права, связанные с честью и достоинством. Правовые нормы не могут и не должны содержать каких-либо указаний относительно порядка владения, пользования и распоряжения этими благами. Связь служебной чести и достоинства с правом на почет и уважение по заслугам, как и право на правильную социально-политическую оценку личности ее носителя, с приписыванием обязанностей при обращении с этим благом, как было показано в предыдущих частях работы, — это уже иной — не гражданско-правовой технико-юридический прием.

Отсутствие прямой регламентации отношений по поводу чести — это бесспорное свидетельство того, что охранительная функция права по отношению к чести и достоинству является доминирующей.

§ 2. Диффамационная теория в учении о защите чести и достоинства

Происходящие не только в области гражданско-правового регулирования, но и в других областях законодательные «подвижки» стали связываться с теорией диффамации. В оборот российской юриспруденции весьма динамично вошел целый набор диффамационных терминов, относящихся к характеристике поведения, деликта, учения, правонарушения, т.е. к личным нематериальным благам. Все чаще употребляется сочетание «диффамационное право». Частота употребления данного сочетания не компенсирует четкости понимания логических и смысловых границ понятия, не говоря уже о методологических ориентирах самого диффамационного учения, как и о его отраслевой принадлежности. Абсолютное большинство постулатов диффамационной теории принимается как данность. Между тем нельзя не увидеть, что учение о диффамации, возникшее еще в дореволюционном российском праве, объявленное впоследствии для советской юриспруденции буржуазным, под влиянием множества современных факторов претерпевает существенные преобразования. Эти преобразования требуют теоретического анализа для того, чтобы диффамационное учение «не обрастало» качествами многовариантности, комплексности и иными ординарными признаками, нейтрализующими его мировоззренческий, нормативный и правоприменительный потенциал.

Известно, что правовое пространство наполнено абстрактными формулами. Стремясь к оценке и совершенствованию этих формул, доктрина привлекает для исследовательских целей терминологические единицы «надюридического» свойства. Те, которые в действующем праве отсутствуют, но используются в международном правовом пространстве, а также в национальном доктринальном обороте. Уверенность исследователям придает тот факт, что в российском праве прежних исторических периодов они тоже были, но ушли из нормативного оборота по ряду социально-юридических причин. Подобное случилось с термином «диффамация»¹⁶⁸, впервые вошедшим в нормативный оборот российской юриспруденции в середине XIX в.

Без краткого исторического экскурса в прежнее право отыскать истоки диффамационного учения невозможно. Попытки любого исследователя их отыскать неизбежно приведут к нормам Уголовного уложения о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г., в ст. 1039 которого раскрывалось понятие диффамации в виде оглашения в печати такого обстоятельства о частном или должностном лице, обществе или установлении, которое может повредить их чести, достоинству или доброму имени¹⁶⁹.

¹⁶⁸ От лат. «diffamatio». От него происходят английское «defamation», немецкое «diffamation», французское «difamacion», означающие в переводе «порочить».

¹⁶⁹ Уложение о наказаниях уголовных и исправительных. СПб., 1885 С. 503. (С включением статей по продолжению 1886, 1887 и 1889 гг.).

Иными словами, деяние это было печатное и «порочное». Именно печатная форма свершившейся «порочности», в целях отличия от иных форм «порочных» проявлений, вызвала к жизни в тот исторический период новое нормативное явление «диффамация».

Не будем стремиться к очередному воспроизведению доступного и уже во многом известного исторического опыта, ограничимся лишь обобщающими выводами относительно тех наличных суждений, которыми сегодня оперируют ученые, исследующие проблему диффамации.

Активное исследование диффамационных явлений в уголовно-правовой науке пришлось на конец XIX в. На рубеже XIX-XX вв. к исследованию диффамации обратилась и гражданско-правовая наука. К этому времени правила о диффамации появились в других правовых системах и в пользу цивилистических исследований послужили отсылки к западноевропейскому опыту того времени, в котором нормы о диффамации получили свое развитие в качестве попытки законодателя обеспечить сбалансированный подход к праву на свободное выражение мнения – в пользу другого важного интереса – защиты репутации. В российской доктрине также было высказано утверждение о том, что защита от диффамации должна носить в том числе и гражданско-правовой характер. Как утверждал в то время Г.Ф. Шершеневич, «с точки зрения формальной теории в гражданское право должны бы войти нормы, определяющие последствия диффамации, клеветы, контрафакции, кражи между супругами, между родителями и детьми, личные обиды и оскорбления, неосторожное банкротство, потому что во всех этих случаях инициатива защиты нарушенного интереса предоставлена частному лицу»¹⁷⁰.

Постепенно термин «диффамация», при сохранении своего содержательного ядра в виде порочащих сведений, не соответствующих действительности, стал обретать межотраслевое значение с весьма подвижными смысловыми границами. Эту подвижность замечали и сами дореволюционные ученые, указывая, что «юристу непростительно играть метафорами, юриспруденция требует точности в выражениях и не допускает иносказаний»¹⁷¹. Речь шла о разном наполнении понятия «диффамация». Одни муссировали факт порока (лжи, брани, навета), другие, употребляя термин, имели в виду защиту от последствий испытанного.

Так или иначе, но выход диффамационного учения за пределы уголовно-правовой науки обеспечил весьма ощутимую неоднозначность понятия «диффамация», что, конечно, неспособно было послужить точности и последовательности возможных законодательных построений с использованием диффамационной терминологии. Можно предположить, что в этом одна из причин того, что законодатель отказался от термина «диффа-

¹⁷⁰ Шершеневич Г.Ф. Учебник русского гражданского права. М.: Издание бр. Башмаковых, 1911.

¹⁷¹ См.: Данилов К.Г. Лохвицкий и диффамация. СПб.: Петербургские Ведомости, 1864. 22 дек.

мация» в последующем нормативном обороте – из уголовного законодательства он впоследствии был исключен, а в нормы гражданского так и не вошел – ни один из кодифицированных актов гражданского законодательства его не воспринял. Но в доктрине остался заметный след в виде диффамационного учения, которое сегодня имеет уже весьма многочисленный ряд последователей.

Современная научная картина диффамационного учения дает основание полагать, что учение о диффамации развивается, так сказать, не вглубь, а вширь. Находясь на уровне абстрагирования, где ведущим приемом познания является логика, позволяющая сформировать некие обобщенные свойства диффамационных явлений, эта теория сегодня колеблется за счет комбинации известных идей и инвентаризации накопившихся в доктрине, уже достаточно многочисленных, определений самого понятия «диффамация»¹⁷². Одни ученые используют диффамационную терминологию как законодательную данность без проникновения в истинную сущность диффамации. Другие «пользуют» диффамацию как весьма ординарное, общеизвестное и доступное понятие. Третьи высказываются за создание единого диффамационного закона, что «позволит конкретизировать объем прав, подлежащих защите при возникновении диффамационного деликта... и избежать коллизий, возникающих при защите некоторых немущественных прав личности, гарантированных Конституцией Российской Федерации». При таком положении анализ современного диффамационного пространства дает весьма противоречивый итог развития дореволюционной теории диффамации: с одной стороны, наличествует мировоззренческая ценность, обеспечивая поддержание проблемы защиты личных нематериальных благ в актуальном теоретическом состоянии, с другой, как оказалось, доступность исторического ракурса диффамационной теории обретает синоним ее сегодняшней законодательной значимости. Соглашаясь с первым, поговорим о втором. Однако оговоримся сразу. Мы не за вывод о том, что диффамационная терминология должна быть исключена из доктринального оборота – она весьма удобно «покрывает» все вопросы, связанные с защитой личных нематериальных благ. Однако есть необходимость в формальном разграничении законодательного, общеупотребительного и научного понятия «диффамация». Такое разграничение может стать отправной точкой для достижения предварительного доктринального согласия о границах диффамации и последующем отграничении диффамационных явлений от смежных с ними и, может быть, приблизит ученых к ответу на вопрос о том, является ли диффамация причиной соответствующих правовых последствий, или это все же следствие. Эффективным итогом такого подхода станет устранение проблемы «многоликости»

¹⁷² Наиболее полно весь плюрализм современных научных взглядов по вопросу о том, что в итоге включает в себя диффамация, приведен в работе М. Свинцовой (см.: Свинцова М. Противодействие диффамации по российскому гражданскому праву. М.: Юстицинформ, 2013. Доступ из справ.-правовой системы «ГАРАНТ»).

диффамации, когда для одних это правонарушение, для других – способ защиты нематериального блага, для третьих – ответственность за нарушение личного неимущественного права. Как следствие, более обоснованными станут взгляды на виды диффамации – благодаря научным усилиям они обрели безграничное многообразие. Анализ весьма многочисленной литературы, посвященной современному диффамационному учению, позволяет увидеть диффамацию устную и письменную, полную и усеченную, преднамеренную диффамацию (клевета), неприличную (оскорбление), достоверную и недостоверную, умышленную и неумышленную диффамацию. Нельзя исключить появления новых разновидностей, так как точки отсчета, которая может считаться истиной, нет, как нет и мерила обоснованности той или иной классификации. Во избежание многосмысловых суждений о диффамации, ввиду необходимости учета действующего современного разноотраслевого законодательного баланса норм, относящихся к «диффамационным» правонарушениям, выявления истинного уровня бытия этого явления, все чаще именуемого правовым институтом, надлежит обратиться к методологическим истокам вопроса, то есть обозначить те необходимые подходы, на которые диффамационная теория должна опираться. Опора на строго определенные методологические подходы – это не только способ недопущения различных гносеологических «ловушек», но и обеспечение сохранности логически непротиворечивой правовой концепции понятийного аппарата, ибо толкование понятий и категорий, в том числе выяснение их соотношения, было и остается актуальной задачей любой отрасли права.

Первое. Одним из ориентиров для российской правовой доктрины в диффамационной теории стала практика Европейского Суда по правам человека (ЕСПЧ), поскольку в ее процессе весьма часто употребляется термин «диффамация». Этот факт общеизвестен. Между тем малоизвестен тот факт, что термин «диффамация» здесь употребляется в виде так называемого «автономного понятия», приспособленного под цели ратифицированной Российской Федерацией Европейской Конвенции о защите прав человека и основных свобод¹⁷³. Объем и содержание таких «автономных понятий» ЕСПЧ определяет, основываясь на целях и задачах указанной Конвенции. Главная особенность таких понятий – их семантическая независимость от национального законодательства участников спора. Соотнесение понятия «диффамация», употребляемого в практике ЕСПЧ, с актами внутреннего российского законодательства произошло на уровне постановления пленума Верховного Суда РФ от 24 февраля 2005 г. № 3 «О судебной практике по делам о защите чести и достоинства граждан, а также деловой репутации граждан и юридических лиц»¹⁷⁴. В нем Верховный Суд РФ указал, что «используемое Европейским Судом по правам человека в его постановлениях понятие диффамации тождественно понятию распростране-

¹⁷³ Собр. законодательства Рос. Федерации. 2001. № 2.

¹⁷⁴ Бюллетень Верховного Суда РФ. 2005. № 4.

ния не соответствующих действительности порочащих сведений, содержащегося в статье 152 Гражданского кодекса Российской Федерации». Наличие указанного толкования дало ученым повод констатировать факт прихода в российское законодательство «официальной юридической категории»¹⁷⁵. Само же постановление Пленума от 24 февраля 2005 г. № 3 получило статус «постановления о диффамации».

Нет необходимости обсуждать вопрос о том, как соотносятся акты обобщения судебной практики и практика законотворчества, в силу его очевидности. Дословный анализ приведенного судебной практикой уточнения позволяет увидеть необходимую связанность судебных инстанций не только нормами российского права, но и права международного в силу того, что национальная правовая система Российской Федерации открыта для восприятия международно-правовых ценностей и аналоги этих ценностей есть и в российском законодательстве. Разумеется, что ни о каком дополнении действующего законодательного аппарата в части защиты нематериальных благ в постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 24 февраля 2005 г. № 3 речь не идет. Согласившись с обратным и учитывая последующую динамику норм о нематериальных благах, следовало бы признать, что после принятия Федерального закона от 2 июля 2013 г. № 142-ФЗ «О внесении изменений в подраздел 3 раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации», дополнившего ст. 152 ГК РФ такими сведениями, как «сведения, не соответствующие действительности» (а они к порочным не относятся), законодателю надлежало бы откорректировать понятие диффамации. Как известно, этого не случилось, так как оно не относится к числу правовых единиц, используемых российским законодателем.

Для убедительности назовем еще одно постановление судебных инстанций – постановление Конституционного Суда РФ от 9 июля 2013 г. № 18-П «По делу о проверке конституционности положений пунктов 1, 5 и 6 статьи 152 Гражданского кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина Е.В. Крылова». Предметом рассмотрения Конституционного Суда РФ были положения пунктов 1, 5 и 6 статьи 152 ГК РФ, устанавливающие специальные способы защиты личных неимущественных прав лица. Давая обстоятельную мотивировку выносимому постановлению, данный судебный орган избежал употребления термина «диффамация». Все его формулировки ориентированы на действующую законодательную терминологию. Если бы произошло наоборот, можно предположить, что термин «диффамация», со ссылкой на данное постановление Конституционного Суда РФ, ученые поспешили бы объявить нормативным.

¹⁷⁵ Гаврилов Е.В. Гражданско-правовая диффамация как гражданско-правовое нарушение // Подготовка доклада о состоянии прав человека в Российской Федерации и зарубежных странах. М.: Юрист, 2010. С. 121-128.

Второе. Весьма значимым для исследования диффамационных явлений должен служить тот факт, что в зарубежной научной литературе диффамационные течения связываются именно с гражданско-правовыми способами защиты чести и достоинства¹⁷⁶, все иное – уже практически история¹⁷⁷. Это естественное следствие того, что диффамационное учение за рубежом получает свое развитие в случае прекращения применения уголовного наказания за диффамацию и перехода диффамационной терминологии исключительно в гражданско-правовое поле. Нормы упоминавшейся выше Конвенции о защите прав человека и основных свобод призывают все государства отыскать тот разумный взвешенный баланс, который необходим всякому правовому государству при решении вопроса о том, под юрисдикцию каких норм – уголовно-правовых, административных или гражданско-правовых и в каких случаях должны попадать правонарушения, связанные с ущемлением чести и достоинства. Постановка вопроса именно в таком ракурсе соответствует современной международной практике, выраженной в позициях ЕСПЧ, придерживающегося в этом вопросе использования сугубо гражданско-правовых мер и способов защиты и призывающего к декриминализации проблемы, связанной с нарушением и защитой личных нематериальных благ. Все это свидетельствует о том, что теория диффамации в лучшем случае должна обрести в итоге гражданско-правовую принадлежность, а не комплексный характер с уклоном в сферу публично-правового регулирования. Без внутриотраслевого законодательного «приюта» это учение обречено на бессмысленную многовариантность с точки зрения его истинных границ.

¹⁷⁶ Как отмечено в зарубежной литературе, «законы, предполагающие уголовную ответственность за диффамацию, критикуются еще и потому, что диффамация считается частным делом двух причастных лиц, и государству тут якобы делать нечего. Кроме того, во многих странах вынесение приговора по уголовному делу не дает никакого возмещения лицу, чьи честь и достоинство пострадали, так как штраф сразу поступает в государственную казну. См.: Саймонс, Дэниэл. Коротко о диффамации: основные концепции законодательства о защите репутации: пособие для активистов. ARTICLE 19, 6-8 Amwell Street, London EC1R 1UQ, United Kingdom, 2006. С. 23.

¹⁷⁷ Так, по уголовному кодексу Франции 1810 года клевета сначала существовала под именем *calomnie*. Но неудовлетворительность учения об оскорблениях чести, положенного в основу норм Уголовного кодекса 1810 года, привела к реформе. По определению закона 17 мая 1819 года *calomnie* исчезла и на ее место пришло новое преступление – *diffamation*. Диффамацией именовался «всякий извет или обвинения словами, криками или угрозами, произнесенными в публичных местах или собраниях, через сочинения, брошюры, гравюры, изображения и т.п., отданные в продажу или выставленные в публичных местах, через объявления, афиши и т.д., – в факте, касающемся чести или уважения лица. Всякое обидное выражение, выражение презрения или брани, не содержащее в себе обвинения ни в каком поступке, но высказанное тем же способом, как и диффамация, есть обида». Цит. по: Духовской М.В. Понятие клеветы как преступления против чести частных лиц по русскому праву. Ярославль: Типография Губернской Земской управы, 1873. Доступ из справ.-правовой системы «ГАРАНТ».

Третье. Расширение географии отраслевого внимания к проблемам диффамации все больше актуализирует вопрос о том, насколько это понятие оказывается теоретически и практически значимым в теории права, где на случай нарушения личных неимущественных прав есть устоявшиеся и общепризнанные законодательством и судебной практикой понятия. Исходя из экскурса в прежнее диффамационное пространство, нетрудно начертать лексическую цепочку устоявшейся «диффамационной» терминологии – научную и законодательную. От таких понятий, как «возмещение репутационного вреда», «вознаграждение за бесчестье», «очернение репутации», «оглашение сплетен», законодатель пришел к личным неимущественным правам; нематериальным благам; компенсации морального вреда; защите чести, достоинства и деловой репутации. Современная дифференциация законодательных понятий, относящихся к сфере защиты личных нематериальных благ, имеет достаточно высокий уровень и вряд ли нуждается в расширении сущностей.

Конечно, при желании этот нормативный контент можно «покрыть» термином «диффамация»¹⁷⁸, но без преувеличения его законодательной значимости и желания пустить все найденное в истории в нормативный оборот, приписывая современное законодательное ложе терминам, давно и за ненадобностью покоящимся в истории. Все же надлежит помнить, что в дореволюционной истории эта теория, кроме ее мировоззренческой роли, отчасти служила еще и восполнению неразвитости имеющихся нормативных установлений. Сегодня уместнее вспомнить слова У. Оккама «*entia non sunt multiplikanda praeter neccessitatem*», что в переводе означает: «сущности не следует приумножать сверх необходимости». Это высказывание английского философа-номиналиста XIII в., именуемое исследователями как «принцип Бритвы Оккама», – один из известных методических приемов, не позволяющих множить понятия, которые ученый именовал сущностями.

Следует признать, что бытийная основа термина «диффамация» – логическая. Как известно, пребывание понятия на логическом уровне позволяет выбирать – пользоваться им или не пользоваться, в зависимости от того, способно ли оно служить средством юридического познания и анализа. Понятно, что такое положение недопустимо по отношению к понятиям, заложенным в законодательстве. Таково соотношение правовой теории и законодательной реальности. Именно поэтому надлежит всякий раз соотносить познавательное понятие «диффамация» с теми нормативными единицами и конструкциями, которые уже живут в наличном законодательстве, тем самым отделяя его от общеупотребительного понятия «диффамационный», используемого во внеправовых областях как синоним обыденного и очень широкого понятия «патология». Именно в этом и состоит

¹⁷⁸ В этой части надлежит согласиться с мнением А.М. Эрделевского, предложившего использовать диффамацию в качестве родового понятия (см.: Эрделевский А.М. Диффамация // Законность. 1988. № 12. С. 45).

причина того, что в настоящем исследовании, на первый взгляд остро нуждающемся в таком понятии, как «диффамация», оно на самом деле оказалось не востребовавшимся.

§ 3. Опровержение порочащих сведений

Особенность гражданско-правового механизма защиты, находящегося в сфере права частного, состоит в специфике его цели и последствиях состоявшегося нарушения. К гражданско-правовой форме защиты (ст.ст. 151, 152 ГК РФ) государство адресует тогда, когда применение права публичного (административного и уголовного), составляющего второй и третий уровень существующей модели защиты, не является обязательным в силу того, что допущено умаление частных нравственных интересов, а степень вредоносности деяния является незначительной. Цель этой формы – реабилитировать личность и тем самым восстановить ее ущемленные права. Реабилитация на языке гражданского права – это возвращение прав личности в то исходное состояние, которым оно обладало до факта нарушения ее прав. С учетом диспозитивного метода гражданско-правового регулирования гражданско-правовые способы могут быть выбраны из законодательного перечня (ст.ст. 12, 152 ГК РФ) или с соблюдением закона быть «назначенными» сторонами самостоятельно (извинение, самозащита и др.).

Начиная с того исторического момента, когда честь и достоинство были признаны гражданским правом охраняемыми и защищаемыми благами (1961 г.), наиболее распространенным способом их защиты было и остается опровержение распространенных сведений¹⁷⁹. Возможность использования данного способа установлена п. 1 ст. 152 ГК РФ, которым определяется, что каждый гражданин вправе требовать по суду опровержения порочащих его честь, достоинство или деловую репутацию сведений, если распространивший такие сведения не докажет, что они соответствуют действительности (п. 1 ст. 152 ГК РФ). Речь идет о распространении сведений, изложенных в служебных характеристиках, публичных выступлениях, заявлениях, адресованных должностным лицам, или сообщенных в письменной или устной форме хотя бы одному лицу. Сообщение та-

¹⁷⁹ Как гласила ст. 7 «Защита чести и достоинства» Кодекса РСФСР 1964 г., дублирующего содержание указанной нормы в Основы гражданского законодательства 1961 г., «гражданин или организация вправе требовать по суду опровержения порочащих их честь и достоинство сведений, если распространивший такие сведения не докажет, что они соответствуют действительности. Если указанные сведения распространены в печати, они, в случае несоответствия их действительности, должны быть опровергнуты также в печати. Порядок опровержения в иных случаях устанавливается судом. Если решение суда не выполнено, суд вправе наложить на нарушителя штраф, взыскиваемый в доход государства. Штраф взыскивается в порядке и в размере, установленных Гражданским процессуальным кодексом РСФСР. Уплата штрафа не освобождает нарушителя от обязанности выполнить предусмотренное решением суда действие».

ких сведений лицу, к которому они относятся, не может признаваться их распространением, если лицом, сообщившим данные сведения, были приняты достаточные меры конфиденциальности, с тем чтобы они не стали известными третьим лицам. Сведения могут быть также распространены в средствах массовой информации, о чем речь пойдет ниже.

Из числа источников постановлением Пленума Верховного Суда РФ от 24 февраля 2005 г. № 3 «О судебной практике по делам о защите чести и достоинства граждан, а также деловой репутации граждан и юридических лиц» исключены: показания свидетелей, данные ими в суде, на предварительном следствии, в гражданском, уголовном, административном производстве, поскольку их показания являются доказательствами, подлежащими оценке органом, рассматривающим по существу дело, в ходе расследования которого давались эти показания; процессуальные документы в уголовном судопроизводстве – обвинительные заключения, постановления о привлечении в качестве обвиняемого (подозреваемого), о применении меры пресечения, о прекращении производства, иные постановления; процессуальные документы в административном судопроизводстве – протоколы, постановления, заключения; процессуальные и иные документы в гражданском судопроизводстве – исковые заявления, возражения (отзывы) на иск, поскольку содержащиеся в них сведения подлежат доказыванию в процессе рассмотрения дела; ответы на запросы, заключения экспертов, поскольку они представляют собой эти доказательства, подлежащие оценке судом, рассматривающим дело; документы, которыми оформляются меры прокурорского реагирования – протесты, представления, заключения, постановления; обращения, заявления граждан в полицию, прокуратуру, иные соответствующие органы о преступлениях, административных правонарушениях, других противоправных действиях¹⁸⁰; принятые по вопросам их деятельности решения органов, специально созданных в соответствии с действующим законодательством для разрешения споров или для осуществления контрольно-ревизионной деятельности (Счетная Палата РФ и др.).

Право лица на опровержение в судебном порядке сведений, умаляющих его честь и достоинство – это случай допускаемого законом вмешательства суда в право свободы выражения мнения, гарантированное пунктом 1 статьи 10 Европейской Конвенции прав и свобод человека.

Для установления факта состоявшегося нарушения права на честь и достоинство путем распространения порочащих, ложных и недействительных сведений необходимо установление триады признаков: сведения должны быть недействительными, порочащими и распространенными. «Порочащие сведения» являются синонимичным понятием понятию

¹⁸⁰ См.: Апелляционное определение СК по гражданским делам Верховного Суда Республики Башкортостан от 11 авг. 2015 г. по делу № 33-13311/2015.

«предосудительный недостаток» поведения человека. Применительно к сотруднику распространение такой информации признается противоправным действием, если она, например, не соответствует действительности и содержит сведения: о нарушении сотрудником правоохранительных органов действующего законодательства, в том числе и актов международного права, в которых личность человека представлена как наивысшая ценность; совершении нечестного (лживого, неправдивого, лицемерного) поступка; неэтичном, неправильном поведении сотрудника в личной, политической или общественной жизни; недобросовестности при осуществлении служебной деятельности; нарушении формализованных правил деловой этики. Ложные сведения имеют синоним лживых, неправдивых, нечестных и также могут «поражать» честь и достоинство личности. Недействительные сведения могут быть как положительными, так и негативными, но также иметь эффект, умаляющий честь и достоинство личности. Не соответствующими действительности сведениями являются утверждения о фактах или событиях, которые не имели места в реальности, во время, к которому относятся оспариваемые сведения. Признание сведений недействительными является важным способом защиты чести и достоинства в случае, если не установлено лицо, распространившее порочащие сведения. Потерпевший имеет право обратиться в суд с заявлением о признании не соответствующими действительности распространенных сведений, дело рассматривается в порядке особого производства в отсутствие ответчика. На практике это возможно в случае направления в адрес граждан или организаций анонимных писем с порочащими потерпевшего сведениями или распространения сведений в сети Интернет.

Не всегда истец по делу о защите чести, достоинства представлен только одним лицом. Встречаются ситуации, когда множество истцов заявляют об умалении своих чести и достоинства одним ответчиком. В таком случае ложные, порочные или недействительные сведения должны относиться либо к конкретному лицу, либо к какой-то группе лиц, которую можно очень четко определить.

В силу ч. 2 ст. 56 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации (далее – ГПК РФ) суд определяет, какие обстоятельства имеют значение для дела. По делам о защите чести, достоинства обстоятельствами, имеющими важнейшее значение для дела, являются утверждения о фактах, которые необходимо отделять от оценочных суждений. Это связано с тем, что существование фактов может быть доказано, тогда как истинность оценочных суждений не всегда поддается доказыванию¹⁸¹.

¹⁸¹ В п. 9 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 24 февраля 2005 г. № 3 «О судебной практике по делам о защите чести и достоинства граждан, а также деловой репутации граждан и юридических лиц» записано, что в соответствии со ст. 10 Конвенции о защите прав человека и основных свобод и ст. 29 Конституции РФ, гарантирующими каждому право на свободу мысли и слова, а также на свободу массовой информации, позицией Европейского Суда по правам человека при рассмотрении дел о защите чести, достоинства и деловой репутации судам следует

При рассмотрении дел о признании информации порочащей или не соответствующей действительности значимым в квалификационном процессе является факт, связанный с действием презумпции невиновности в отношении потерпевшего – лица, в отношении которого эти сведения распространены. Как отмечено в постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 24 февраля 2005 г. № 3 «О судебной практике по делам о защите чести и достоинства граждан, а также деловой репутации граждан и юридических лиц» «лицо, распространившее сведения, обязано доказать, что они соответствуют действительности». Бремя доказывания по делам данной категории распределено так. Истец – лицо, «впавшее в бесчестье» по вине распространителя сведений, ограничено обязанностью доказать факт распространения сведений и неблагоприятные последствия такого распространения. Ответчик, с учетом существующей презумпции несоответствия распространенных сведений действительности, должен доказать обратное: соответствие этих сведений действительности, что исключит возможность удовлетворения в отношении его иска о защите деловой репутации. Здесь проявляется древнеримское правило: «Доказывает тот, кто утверждает».

Требование об опровержении может быть удовлетворено судом лишь в том случае, если суду также представлены доказательства того, что порочащие сведения отражаются на внутреннем мире личности, то есть относимы непосредственно к истцу, его социальному (профессиональному) имиджу, умаляют его честь и достоинство, а не к иным гражданам или юридическим лицам¹⁸².

Судебная процедура опровержения предусмотрена в качестве необходимой гарантии защиты нарушенного права, что, однако, не исключает самозащиты нарушенного права (ст.ст. 12, 14 ГК РФ), когда возможность опровержения достигается путем соглашения между спорящими сторонами.

Учитывая, что требования о защите чести, достоинства и деловой репутации являются требованиями о защите неимущественных прав, на них, в силу ст. 208 ГК РФ, исковая давность не распространяется, кроме случаев, предусмотренных законом. Такой случай в порядке исключения предусмотрен для опровержения сведений, распространенных в средствах массовой

различать имеющие место утверждения о фактах, соответствие действительности которых можно проверить и оценочные суждения, мнения, убеждения, которые не являются предметом судебной защиты в порядке ст. 152 ГК РФ, поскольку, являясь выражением субъективного мнения и взглядов ответчика, не могут быть проверены на предмет соответствия их действительности.

¹⁸² Апелляционное определение СК по административным делам Верховного Суда Республики Дагестан от 14 мая 2015 г. по делу № 33-1907/2015. В оспариваемой статье не содержится никаких персонифицированных данных о личностях, форма изложения высказываний, действительно, является негативной, отражающей отрицательную оценку автором высказываний действий сотрудников полиции при исполнении служебных обязанностей, что, однако, не указывает на допущение ответчиком действий, влекущих гражданскую правовую ответственность в виде опровержения сведений, не соответствующих действительности.

информации, к которым согласно Закону Российской Федерации от 27 декабря 1991 г. № 2124-1 «О средствах массовой информации»¹⁸³, отнесены пресса, радио, телевидение (СМИ). Роль СМИ в современном обществе неуклонно растет, и одним из следствий этого в целом положительного процесса является рост числа посягательств на личные права физических и юридических лиц, в котором СМИ выступают орудием их совершения.

Весьма отзывчивой к «живописанию» современного облика полицейского сообщества, не всегда по ряду причин совпадающего с идеалом, оказалась пресса. Этот информационный источник оказывает мощное влияние на формирование общественного сознания в части полицейских институтов и их качественное состояние. Нередко сведения бывают порочными или ложными, и факты оставления их без опровержения препятствуют тому трудоемкому процессу, который связан с созданием положительного имиджа всей правоохранительной системы.

Порядок обращения в суд и процесс опровержения опубликованных в средствах массовой информации порочных, ложных и недействительных сведений аналогичен тому, который связан с обычным распространением аналогичных сведений по п. 1 ст. 152 ГК РФ. Особенности предусмотрены законодательством для «технологии» опровержения сведений СМИ, признанных по решению суда порочащими или не соответствующими действительности.

Состоявшееся решение суда о признании распространенных сведений порочащими или недействительными приводит в действие механизм их опровержения. При удовлетворении иска суд в резолютивной части решения указывает способ опровержения не соответствующих действительности порочащих сведений и при необходимости излагает текст такого опровержения, в котором должно быть указано, какие именно сведения являются не соответствующими действительности, порочащими сведениями, когда и как они были распространены, а также определяет срок, в течение которого оно должно последовать.

В нормах ГК РФ установлено императивное правило о том, что, если сведения, порочащие честь и достоинство гражданина, распространены в средствах массовой информации, они должны быть опровергнуты в тех же средствах массовой информации. Соответствующая этому императиву норма содержится в ст. 43 Закона о средствах массовой информации, согласно которой гражданин или организация вправе потребовать от редакции опровержения не соответствующих действительности и порочащих их

¹⁸³ Действ. в ред. от 9 апреля 2013 г. См.: Ведомости съезда народных депутатов Российской Федерации и Верховного Совета Российской Федерации. 1992. № 7. Ст. 300. Согласно ст. 2 под средством массовой информации понимается периодическое печатное издание, сетевое издание, телеканал, радиоканал, телепрограмма, радиопрограмма, видеопрограмма, кинохроникальная программа, иная форма периодического распространения массовой информации под постоянным наименованием (названием).

честь и достоинство сведений, которые были распространены в данном средстве массовой информации. Гражданин вправе предоставить свой текст опровержения. Порядок опровержения установлен в ст. 44 Закона о средствах массовой информации: в опровержении должно быть указано, какие сведения не соответствуют действительности, когда и как они были распространены данным средством массовой информации. Опровержение в периодическом печатном издании должно быть набрано тем же шрифтом и помещено под заголовком «Опровержение», как правило, на том же месте полосы, что и опровергаемое сообщение или материал. По радио и телевидению опровержение должно быть передано в то же время суток и, как правило, в той же передаче, что и опровергаемое сообщение или материал. Объем опровержения не может более чем вдвое превышать объем опровергаемого фрагмента распространенного сообщения или материала. Нельзя требовать, чтобы текст опровержения был короче одной стандартной страницы машинописного текста. Опровержение по радио и телевидению не должно занимать меньше эфирного времени, чем требуется для прочтения диктором стандартной страницы машинописного текста. Опровержение должно последовать в средствах массовой информации, выходящих в свет (в эфир) не реже одного раза в неделю, – в течение 10 дней со дня получения требования об опровержении или его текста; в иных средствах массовой информации – в подготавливаемом или ближайшем планируемом выпуске.

В течение месяца со дня получения требования об опровержении либо его текста редакция обязана в письменной форме уведомить заинтересованное лицо о предполагаемом сроке распространения опровержения либо об отказе в его распространении с указанием оснований отказа.

Положения п. 1 ст. 152 ГК РФ были предметом рассмотрения Конституционного Суда РФ. В ответ на обращение заявителя об отсутствии правовой определенности понятия «порочащие сведения», что, по его мнению, не обеспечивает в полном объеме судебную защиту чести, достоинства и деловой репутации гражданина Российской Федерации, в том числе выполняющего публичные функции, в Определении от 22 января 2014 г. № 12-О РФ¹⁸⁴ суд указал: само по себе закрепление в оспариваемом законоположении понятия «порочащие сведения» без его раскрытия обусловлено разнообразием фактических обстоятельств и преследует цель эффективного применения нормы к неограниченному числу конкретных правовых ситуаций. В мотивировочной части Определения суд также сослался на ст. 126 Конституции РФ и постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 24 февраля 2005 года № 3 «О судебной практике

¹⁸⁴ Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Дубравина Николая Григорьевича на нарушение его конституционных прав пунктом 1 статьи 152 Гражданского кодекса Российской Федерации: определение Конституционного Суда РФ от 22 янв. 2014 г. № 12-О // Вестник Конституционного Суда РФ. 2014. № 3.

по делам о защите чести и достоинства граждан, а также деловой репутации граждан и юридических лиц». В акте официального толкования судебной практики порочащими названы сведения, содержащие утверждения о нарушении гражданином или юридическим лицом действующего законодательства, совершении нечестного поступка, неправильном, неэтичном поведении в личной, общественной или политической жизни, недобросовестности при осуществлении производственно-хозяйственной и предпринимательской деятельности, нарушении деловой этики или обычаев делового оборота, которые умаляют честь и достоинство гражданина или деловую репутацию гражданина либо юридического лица (п. 7).

Кроме права на опровержение, закон предусматривает дополнительную возможность юридической защиты нематериальных благ в виде права на ответ (комментарий, реплику) в том же средстве массовой информации, которое распространило сведения, порочащие честь и достоинство гражданина. Право на ответ возникает в том случае, если в средстве массовой информации допущено неполное или одностороннее предоставление информации, которое ведет к искажению восприятия реально произошедшего события, факта или последовательности событий, и такое опубликование нарушает права, свободы или охраняемые законом интересы гражданина. Право на опубликование ответа в средстве массовой информации возникает не только в случае неполного, неточного или одностороннего предоставления информации, но и в том случае, если лицо полагает, что высказанное оценочное суждение или мнение, распространенное в средствах массовой информации, затрагивает его права и законные интересы, в целях обоснования несостоятельности распространенных суждений и предложения их иной оценки. Обязанность доказывания того, что распространенные сведения, в зависимости от их содержания, ущемляют его права и охраняемые законом интересы либо порочат честь, достоинство или деловую репутацию, лежит на истце.

Право на ответ для целей защиты чести, достоинства (деловой репутации) неразрывно связано с правом на опровержение: право на ответ как самостоятельный способ защиты не существует, ответ может публиковаться только вместе с опровержением (п. 2 ст. 152 ГК РФ).

Как установлено в нормах ГК РФ, если лицо не исполняет решение суда об опровержении порочащих сведений, к нему применяются меры ответственности, предусмотренные законодательством об исполнительном производстве (ст. 113 Федерального закона от 2 октября 2007 г. № 229-ФЗ «Об исполнительном производстве»). В случае нарушения законодательства Российской Федерации об исполнительном производстве виновное лицо подвергается административной или уголовной ответственности в соответствии с законодательством Российской Федерации. Например, административная ответственность предусмотрена за нарушение законодательства об исполнительном производстве (ст. 17.14) и за неисполнение содержащихся в исполнительном документе требований неимущественно-

го характера (ст. 17.15 КоАП РФ). Факт привлечения к ответственности не освобождает средство массовой информации от обязанности совершить предусмотренное решением суда действие по опровержению.

В случае, когда выпуск средства массовой информации, в котором были распространены порочащие сведения, на время рассмотрения спора прекращен, суд вправе обязать ответчика за свой счет дать опровержение или оплатить публикацию ответа истца в другом средстве массовой информации (пп. 8 и 13 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 24 февраля 2005 г. № 3).

В нормах ГК РФ, наряду со сведениями, порочащими честь и достоинство гражданина и требующими опровержения, указан также и такой вид, как сведения, не соответствующие действительности (п. 10 ст. 152 ГК РФ). Они, конечно, не имеют такого негативного значения как первые, но тем не менее влекут ущемление прав личности на честь и достоинство. Несоответствие действительности понимается как противоречие между содержанием распространенных сведений и реальным (истинным) положением вещей. Как и в первом случае, «нравственные» последствия распространения таких сведений должно доказать лицо, в отношении которого эти сведения освещаются. Имеются в виду случаи распространения любой, в том числе позитивной информации о гражданине при условии, что такая информация не соответствует действительности (является ложной). Не соответствующими действительности сведениями являются утверждения о фактах или событиях, которые не имели места в реальности, во время, к которому относятся оспариваемые сведения.

Опровержение таких сведений осуществляется в том же порядке, что и сведений, порочащих честь и достоинство гражданина. Особенностью такого способа защиты является невозможность заявить требование о компенсации морального вреда в качестве дополнительного требования. Исключая возможность предъявления такого требования, законодатель исходит из недопущения предъявления необоснованных исков о компенсации морального вреда за любую не соответствующую действительности информацию. Как показывает анализ многочисленных судебных споров о признании информации недействительной или порочащей честь и достоинство гражданина, многие из них, по выражению самой прессы, напоминают «выискивание блох» в «неудобных» текстах с обвинениями СМИ в неточностях, которые являются заведомо второстепенными, при этом журналисты имеют право на ошибку и (или) добросовестное заблуждение относительно некоторых частных при обоснованности сути высказываемой критики.

В случае обращения в суд бремя доказывания факта несоответствия распространенных сведений действительности лежит на истце – лице, в отношении которого данные сведения распространены.

Срок исковой давности по требованиям, предъявляемым в связи с распространением указанных сведений в средствах массовой информации,

укороченный – один год со дня опубликования таких сведений в соответствующих средствах массовой информации.

В случаях, когда сведения, порочащие честь и достоинство гражданина, оказались распространенными на материальных носителях и стали широко известны, что затрудняет и делает фактически невозможным доведение опровержения до всеобщего сведения, гражданин вправе требовать удаления соответствующей информации, а также пресечения или запрещения дальнейшего распространения указанных сведений путем изъятия и уничтожения без какой бы то ни было компенсации изготовленных в целях введения в гражданский оборот экземпляров материальных носителей, содержащих указанные сведения, если без уничтожения таких экземпляров материальных носителей удаление соответствующей информации невозможно (п. 4 ст. 152 ГК РФ).

Понятие «широко известны» в большей степени относится к оценочным. Невозможность доведения опровержения до сведения всех, кто имел возможность ознакомиться с распространенными сведениями, связывается с более широким кругом лиц, чем круг потребителей информации, распространяемой соответствующими средством массовой информации, печатным изданием и т.п.

Принятие решения об изъятии и уничтожении соответствующих экземпляров материальных носителей возможно в случае, если будет доказано, что такие экземпляры изготовлены в целях введения в гражданский оборот, и при условии, что без уничтожения указанных экземпляров материальных носителей удаление порочащей информации невозможно.

Честь и достоинство лица могут защищаться и после его смерти (абз. 2 ч. 1 ст. 152 ГК РФ). В связи с этим законодательство указывает на возможность защиты «чужих личных прав» другими лицами. Актуален вопрос об основаниях права третьих лиц защищать личные права умершего. Это основание может вытекать из ситуаций, в которых защита нематериальных благ, составляющих условия социального существования определенного лица, входит в содержание охраняемого законом интереса не только самого умершего, но и других (третьих) лиц, каким-либо образом с ним связанных разными видами отношений: родственными, служебными, деловыми, наставническими и т.д. Это те ситуации, когда умаление блага одного лица имеет неблагоприятный нравственный эффект для других лиц, состоящих или состоявших с ним в определенных отношениях. Предполагается, что эти лица получают возможность правовой защиты личных прав умершего.

§ 4. Иные реабилитационно-восстановительные способы защиты права на честь и достоинство

Информационную конкуренцию прессе и другим средствам массовой информации сегодня составляет «Всемирная паутина», WWW (World Wide Web, WWW, Веб). Доступность контента, его нелицензируемый статус в силу отсутствия отдельных технических моментов, возможность опубликовать материал анонимно, часто не беря во внимание общественную мораль и нравственность, «выкрикнуть» электронное суждение по всякому вопросу привлекает огромную аудиторию. Конкурентными ресурсами этого вида источника информации являются скорость, широта распространения и до недавнего времени фактическая невозможность ее полного изъятия.

С 1 октября 2013 г. вступило в действие правило, установленное п. 5 ст. 152 ГК РФ, согласно которому, «если сведения, порочащие честь, достоинство или деловую репутацию гражданина оказались после их распространения доступными в сети «Интернет», гражданин вправе требовать удаления соответствующей информации, а также опровержения указанных сведений способом, обеспечивающим доведение опровержения до пользователей сети «Интернет». С учетом п. 10 ст. 152 ГК РФ право удаления относится не только к сведениям, порочащим честь и достоинство гражданина, но и к любым, не соответствующим действительности сведениям. Право требовать удаления информации является не разновидностью опровержения, а самостоятельным способом защиты нематериальных благ.

Зримым носителем информации является Интернет-сайт. Создание сайтов в Интернете и использование их для периодического распространения информации законодательством не запрещены. Согласно статье 2 Федерального закона от 27 июля 2006 г. «Об информации, информационных технологиях и о защите информации»¹⁸⁵ владельцем сайта в сети «Интернет» является лицо, самостоятельно и по своему усмотрению определяющее порядок использования сайта в сети «Интернет», в том числе порядок размещения информации на таком сайте. Интернет-сайт может иметь статус средства массовой информации (сетевого издания) в силу его добровольной регистрации в таком качестве¹⁸⁶. Способ защиты в виде удаления

¹⁸⁵ Собр. законодательства Рос. Федерации. 2006. № 31. Ч. 1. Ст. 3448.

¹⁸⁶ Первое упоминание об Интернет-СМИ содержится в постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 15 июня 2010 г. № 16 «О практике применения судами Закона Российской Федерации «О средствах массовой информации». В этом же документе проведено разграничение между сайтами, зарегистрированными как СМИ, и обыкновенными сайтами, блогами, форумами и т.п. См.: Бюллетень ВС РФ. 2010. № 8. Вопрос о случаях обязательной регистрации Интернет-сайта в качестве средства массовой информации находится в стадии обсуждения. О достоинствах и последствиях такой регистрации см.: Свинцова М. Противодействие диффамации по российскому гражданскому праву. М.: Юстицинформ, 2013. Доступ из справ.-правовой системы «ГАРАНТ».

информации установлен вне зависимости от наличия или отсутствия у сайта регистрации в качестве средства массовой информации.

К условиям реализации права на удаление информации в Интернете относится установление таких фактов, как распространение сведений, порочащих честь и достоинство гражданина и, как следствие, их ущемление. При этом не имеет значения вторичность распространенных интернет-сведений в том смысле, что могут быть и другие, ранее появившиеся источники распространения аналогичной информации.

Еще до вступления в силу п. 5 ст. 152 ГК РФ как к несуществующему, но востребованному практикой способу защиты путем требований об удалении контента обратился Конституционный Суд Российской Федерации в постановлении от 9 июля 2013 г. № 18-П «По делу о проверке конституционности положений пунктов 1,5 и 6 статьи 152 Гражданского кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина Е.В. Крылова». Были обозначены потенциальные ответчики, на которых может быть возложена обязанность реализации указанного способа защиты (владелец сайта или уполномоченное им лицо, которое ответственно за размещение информации на этом сайте) вне зависимости от того, зарегистрирован интернет-сайт в качестве средства массовой информации или нет. При этом суд указал, что обязанность удалить порочащие гражданина сведения представляет собой не меру ответственности за виновное правонарушение, а законный способ защиты права, что предполагает возможность обращения потерпевшего в суд за защитой нарушенного права в случае, если владелец сайта или уполномоченное им лицо отказывается исполнить эту обязанность в добровольном порядке. В случае уклонения от принятия должных мер суд может обязать владельца сайта или уполномоченное им лицо к их совершению, что не исключает и предъявление к ним потерпевшим требований о возмещении убытков и компенсации морального вреда.

Лицо, в отношении которого на сайте в Интернете были распространены сведения, порочащие его честь и достоинство, вправе обратиться в суд с требованием обязать его владельца или уполномоченного лица, ответственного за размещение информации на этом сайте, удалить эти сведения как не соответствующие действительности. Судебное разбирательство снимает факт спорности со сведений в отношении их порочащего характера и недействительности, решая с помощью необходимых доказательств неизбежную коллизию между правом лица на защиту чести и достоинства, с одной стороны, и правом на свободу слова – с другой («столкновение прав»). Для этого в судебном разбирательстве суд исследует факт распространения сведений в сети «Интернет», доступность этих сведений другим лицам, порочащий или недействительный характер сведений. Доступность в сети «Интернет» предполагает обнародование порочащей информации путем ее размещения как на сайтах в указанной сети, в том числе на отдельных интернет-страницах, так и иными способами, доступными

пользователям сети. Доказательством факта распространения и доступности является представленный суду протокол осмотра электронного документа нотариусом, выполненный последним в порядке обеспечения доказательств по ст. 102 Основ законодательства о нотариате¹⁸⁷. В соответствии с этой нормой по просьбе заинтересованных лиц нотариус обеспечивает доказательства, необходимые в случае возникновения дела в суде или административном органе, если имеются основания полагать, что представление доказательств впоследствии станет невозможным или затруднительным¹⁸⁸.

Согласно выработанной практике нотариальных действий нотариус по заявлению заинтересованного лица проводит осмотр web-страницы соответствующего материала, делает ее распечатку и составляет протокол с описанием результатов обеспечения письменного доказательства, в котором указываются: дата и место производства нотариального действия; фамилия и инициалы нотариуса, дата и номер приказа органа юстиции о назначении его на должность, наименование нотариального округа или государственной нотариальной конторы; сведения о заинтересованных лицах, участвовавших в производстве нотариального действия; обнаруженные обстоятельства. Протокол осмотра электронного документа нотариусом подписывается им, всеми участвовавшими при производстве обеспечения доказательств лицами, скрепляется печатью нотариуса и сшивается вместе с распечаткой web-страниц в единый документ. К протоколу также могут быть подшиты диск CD-R с записью всего исследуемого сайта или его отдельных страниц, аудиокассета с записью запускаемых посредством сайта фонограмм и т.д.

Распространение сведений, порочащих честь и достоинство гражданина, в сети «Интернет» может быть осуществлено лицом, которое невозможно идентифицировать. В таком случае гражданин, в отношении которого такие сведения распространены, вправе обратиться в суд с заявлением о признании не соответствующими действительности распространенных сведений.

Отметим, что способы защиты, перечисленные в ст. 152 ГК РФ, не исчерпывают всего многообразия способов защиты чести и достоинства личности. Поименованные в ст. 152 ГК РФ, они являются производными от основных способов защиты гражданских прав (ст. 12 ГК РФ), при этом

¹⁸⁷ Утверждены Верховным Советом Российской Федерации 11 февраля 1993 г. № 4462-1 // Ведомости Совета народных депутатов и Верховного Совета РФ. 1993. № 10. Ст. 357.

¹⁸⁸ Часть 2 данной нормы, обуславливающая право на обеспечение доказательств фактом возбуждения дела в суде, утратила силу с 1 января 2015 г. См.: О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации: федер. закон от 29 декабря 2014 г. № 457-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2015. № 1 (ч. I). Ст. 10.

не обязательно должны быть закреплены в законе, главное, чтобы они им не были запрещены.

К числу способов защиты чести и достоинства гражданина относится принесение извинения. Специфика данного способа защиты заключается в его «локальном», непубличном характере, поэтому его не принято включать в список существующих способов защиты личных прав.

Извинение является понятием межотраслевым. Оно используется в п. 3 ст. 9 Закона о полиции, гл. 18 УПК РФ, п. 7 ст. 173 УИК РФ. Некоторые этические акты также включают его в свой оборот¹⁸⁹. Не предусмотрено, но не исключено его использование и в гражданско-процессуальных процедурах при разрешении споров о защите чести и достоинства. Как установлено ст. 39 ГПК РФ, лица, участвующие в деле, вправе заключить мировое соглашение. Предметом соглашения может быть и извинение. Условием заключения соглашения является его непротиворечие закону и неумаление прав и законных интересов других лиц. Извинение ответчика перед истцом не противоречит ни первому, ни второму условию действительности мирового соглашения. Как известно, возможность такого соглашения в рамках гражданско-процессуальной формы предопределена диспозитивностью гражданско-правового регулирования, основанного на правиле о том, что «разрешено все, что не запрещено».

Несмотря на то, что на практике данный способ не рассматривается как полноценный способ защиты личных прав, в литературе он квалифицируется как самостоятельный способ, наряду с опровержением и компенсацией морального вреда¹⁹⁰, с указанием на то, что личное извинение, несмотря на нематериальную форму, все же допустимо в гражданском законодательстве, поскольку в некоторой степени восстанавливает у потерпевшего психическое равновесие¹⁹¹. Возможность прибегнуть к извинению в процессе судебного разбирательства предусмотрена п. 18 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 24 февраля 2005 г. № 3.

¹⁸⁹ Кодекс этики прокурорского работника Российской Федерации. Приложение 1 к приказу Генеральной прокуратуры Российской Федерации от 17 марта 2010 г. № 114.

¹⁹⁰ Малеина М.Н. Возложение обязанности принести извинение как способ защиты неимущественных прав // Законодательство. 2009. № 11. С. 40.

¹⁹¹ Гусалова А.Р. Гражданско-правовая защита деловой репутации: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Владикавказ, 2012. С. 8, 24.

§ 5. Компенсация морального вреда как основной и дополнительный способ защиты личных неимущественных прав

Другим по характеру способом защиты является такой компенсационно-штрафной способ защиты, как компенсация морального вреда. Данный способ может применяться как самостоятельно, так и в совокупности с иными способами защиты личных нематериальных благ. Природа этого способа защиты связана с нормами о гражданско-правовой ответственности, что не изменяет его восстановительного значения «нравственного нарушенного состояния».

Компенсация морального вреда – это вид неэкономического (эмоционально-психологического) ущерба (non-ekonomik loss). Согласно ст. 151 ГК РФ суд может возложить на нарушителя обязанность выплаты денежной компенсации морального вреда, если гражданину причинены физические или нравственные страдания действиями, нарушающими его личные неимущественные права либо посягающими на принадлежащие гражданину другие нематериальные блага, а также в других случаях, предусмотренных законом.

Неэкономический характер ущерба выражается в наличии негативных изменений в душевно-эмоциональном, психическом состоянии человека, испытывающего душевные, нравственные, психические переживания, страдания в связи с неблагоприятными для него последствиями. В связи с этим моральный вред, право на компенсацию которого возникает по общему правилу лишь при ущемлении неимущественных прав, принято определять как физические и нравственные страдания, переживания, эмоции, вызванные отрицательным воздействием на внутренний духовный и физический мир человека, его неимущественные блага.

Согласно законодательству компенсация морального вреда отнесена к мерам гражданско-правовой ответственности, при наложении которой причинитель вреда несет имущественное обременение в виде обязанности выплатить пострадавшему лицу денежную компенсацию, эквивалентную причиненным ему физическим и (или) нравственным страданиям. Общие и специальные правила компенсации такого вида вреда установлены в ст.ст. 15, 151 и 1099-1101 ГК РФ. Исключена возможность компенсации морального вреда в случае распространения любых не соответствующих действительности сведений о гражданине. При защите чести и достоинства гражданина законодатель предусматривает компенсацию морального вреда в качестве меры гражданско-правовой ответственности только в случае распространения сведений, порочащих честь и достоинство гражданина, вследствие чего произошли неблагоприятные эмоциональные изменения, выразившиеся в нравственных страданиях личности.

Если вред причинен распространением сведений, порочащих честь, достоинство и деловую репутацию гражданина, то он компенсируется

независимо от вины причинителя вреда. Речь идет об отсутствии вины в рамках гражданско-правовых отношений.

Компенсация морального вреда может быть самостоятельным видом гражданско-правовой ответственности, а также может сопутствовать мерам уголовно-правовой ответственности. При этом надлежит учитывать, что условия применения уголовно-правовых санкций не оказывают влияния на квалификацию условий применения гражданско-правовой ответственности в виде компенсации морального вреда.

Как установлено ст. 152 ГК РФ, гражданин вправе требовать по суду опровержения порочащих его честь, достоинство или деловую репутацию сведений, если распространивший такие сведения не докажет, что они соответствуют действительности (п. 1); гражданин, в отношении которого распространены сведения, порочащие его честь, достоинство или деловую репутацию, вправе наряду с опровержением таких сведений требовать возмещения убытков и морального вреда, причиненных их распространением (п. 9). Подобная последовательность формулировок обуславливает первичную значимость опровержения как такого способа защиты, который ориентирован на восстановление чести и достоинства в глазах самого обладателя и окружающих. Однако, согласно судебной практике, в общей массе исков, поступивших в суды общей юрисдикции по защите чести и достоинства сотрудников правоохраны, существенную долю все-таки составляют иски именно о компенсации морального вреда, в которых истцы сообщают о факте распространения порочащей информации не для целей ее опровержения, а как об источнике понесенных нравственных страданий и требуют компенсации морального вреда.

Оказание содействия в преодолении последствий посягательств на честь и достоинство сотрудника полиции, а именно необходимой методической и практической помощи органам внутренних дел и подразделениям центрального аппарата МВД России *в опровержении недостоверной информации в судах*, осуществляется в соответствии с приказом МВД России от 2 октября 2012 г. № 900 «Вопросы организации защиты чести и достоинства, а также деловой репутации в системе МВД России»¹⁹². Выполняя в

¹⁹² Как было отмечено ранее, нормы о чести и достоинстве (в части разграничения нематериальных благ и личных неимущественных прав) и о защите чести и достоинства (в части увеличения видов информации, от распространения которой лицо может защищаться, и, соответственно, увеличения способов защиты) претерпели изменения с введением в действие Федерального закона от 2 июля 2013 г. № 142, принятого после выхода приказа МВД России от 2 октября 2012 г. № 900. Этим законом впервые установлено, что честь и достоинство защищаются не только в связи с распространением порочащих сведений, но и сведений ложных и недействительных. Порочность сведений – более сложная их квалификация, поэтому на момент утверждения приказа МВД России от 2 октября 2012 г. № 900 цель приказа должна была быть ориентирована на *порочащие* сведения, после принятия Федерального закона от 2 июля 2013 г. № 142 формулировку приказа об *опровержении недостоверной информации в судах* следует понимать как *«опровержение порочащих*

числе иных функцию популяризации и презентации права сотрудников на честь и достоинство, их защиту, приказ «внедряет» в сознание сотрудников мысль о том, что честь каждого сотрудника полиции – это одновременно и нравственный авторитет всего кадрового состава полиции. На этом строится обоснованное убеждение о том, что оставление без должного реагирования любых посягательств на честь и достоинство одного сотрудника, затрагивает честь всех, кто посвятил себя службе в рядах полиции.

Несмотря на стремительный рост судебных дел, в рамках которых сотрудники органов внутренних дел отстаивают свое право на честь и достоинство как благо, которое оказалось нарушенным, понимание истинной значимости этого критерия профессионального поведения пока не сложилось. Региональный опыт действия данного приказа показывает, что в большинстве случаев он применяется территориальными органами МВД России в процессе оказания содействия сотрудникам полиции при обращении последних в суды с исками о компенсации морального вреда в порядке ст. 1099-1101 ГК РФ при наличии фактов ущемления их чести и достоинства в связи с совершением уголовного деяния по ст. 319 УК РФ. Наиболее «работающим» в этом защитном механизме стало не правило об опровержении, а именно правило о компенсации морального вреда.

С одной стороны, ничего «головоломного» в этом процессе нет. Ведь компенсация морального вреда как способ защиты нарушенных прав на честь и достоинство может применяться как самостоятельно, так и наряду с другими способами защиты личных неимущественных прав. Фактически сложившееся в МВД России положение с исками о компенсации морального вреда можно принять за норму лишь в том случае, если проигнорировать два следующих, на наш взгляд, достаточно значимых момента. Первый заключается в том, что традиционным и условно приоритетным (если помнить об опровержении как самом первом способе защиты личных прав по нормам гражданского законодательства (ст. 7 ГК РСФСР 1964 г. и п. 1 ст. 152 ГК РФ) способом защиты ущемленных чести и достоинства считается опровержение. Этот момент связан с целью опровержения – восстановить личное неимущественное право лица. Второй момент заключается в том, что на первый план в процессах о защите чести и достоинства сотрудника МВД России вышла «товаризация», выраженная в автономных требованиях, направленных на денежную компенсацию понесенного морального вреда, присуждаемого сотруднику как итог понесенных им нравственных страданий¹⁹³.

сведений, признание сведений недействительными или ложными», что соответствует терминологии гражданского законодательства.

¹⁹³ Обращение к немецким источникам, которые во многом являются примером для российских цивилистов, поскольку «пережили» исследуемую проблему намного раньше, показывает, что оценивать честь деньгами более чем позорно. Чувствительный к своей чести германец считал взятие денег новой обидой, глубоко оскорбляющей германскую натуру, требовавшую не штрафа, а именно возможно скорейшего восстановления в обществе своего доброго имени.

Не следует умалять значение такой меры гражданско-правовой ответственности, как компенсация морального вреда, в случае ущемления служебной чести сотрудника. Однако надлежит признать, что речь идет о защите личных благ нравственного порядка и адекватным эквивалентом их защиты может быть иск об опровержении (признании сведений недействительными, если они ложные или распространены неизвестным лицом). Ориентирование лишь на имущественный фактор в виде компенсации морального вреда вряд ли окажет реальное содействие тому процессу, который пока идет весьма трудно в части привития сотрудникам собственного чувственного убеждения о том, что, опровергая или признавая распространенные сведения недействительными, они являются участниками того трудного и медленного процесса, который направлен на создание престижа правоохранительной службы.

Наибольшую сложность в делах о компенсации морального вреда вызывает понятие «нравственные страдания». В актах правоприменения они часто именуются нравственными переживаниями, что еще в большей степени свойственно психологическому категориальному аппарату, нежели юридическому. Среди юристов одними из первых к психологии обратились К.И. Голубев и С.В. Нарижный. Авторы «отодвинулись» от отрицательных эмоций в определении нравственных страданий (страх, гнев, стыд, обида, отчаяние, унижение и т.д.) и определили эту категорию «как реакцию на критическую ситуацию, проявляющуюся в виде эмоций; как способность человека овладеть процессом, адаптироваться к изменившейся ситуации, что может вызвать более глубокие последствия на психическом уровне в виде неврозов и невротических состояний, которые нередко приводят к физическим страданиям. Указанные последствия могут, в свою очередь, вызвать нравственные страдания от углубления ощущений социальной и физической неполноценности»¹⁹⁴.

В постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 20 декабря 1994 г. № 10 «О компенсации морального вреда» под моральным вредом понимаются нравственные или физические страдания, причиненные действиями (бездействием), посягающими на принадлежащие гражданину от рождения или в силу закона нематериальные блага (жизнь, здоровье, достоинство личности, деловая репутация, неприкосновенность частной жизни, личная и семейная тайна и т.п.) либо нарушающими его личные неимущественные права, либо нарушающими имущественные права гражданина (п. 2).

Необходимость включения в общее родовое понятие «моральный вред» понятия нравственных страданий вызвана важностью защиты нравственных ценностей человека, его внутреннего духовного (нравственного) мира, адекватной оценкой его нравственных качеств обществом в целом.

Бремя доказывания характера, объема, тяжести нравственных страданий лежит на заявителе. Для установления судом факта наличия у лица,

¹⁹⁴ Голубев К.И., Нарижный С.В. Компенсация морального вреда как способ защиты неимущественных благ личности. СПб.: Юридический Центр Пресс, 2001. С. 90-94.

обратившегося с иском о компенсации морального вреда, нравственных страданий надлежит выяснить, «чем подтверждается факт причинения потерпевшему нравственных страданий, при каких обстоятельствах и какими действиями они нанесены, степень вины причинителя (п.1 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 20 декабря 1994 г. № 10). Одним из доказательств факта причинения нравственных страданий, ставших поводом для иска о компенсации морального вреда, может быть заключение эксперта-психолога (согласно п. 1 ст. 55 ГПК РФ), в котором могут найти отражение такие сведения, как: наличие у субъекта психологической составляющей нравственных страданий – изменений психической деятельности; степень этих изменений, включающая такие характеристики, как обратимость, длительность, глубина, объем; индивидуально-психологические особенности, повлиявшие или способные повлиять в будущем на негативные изменения психической деятельности; причинно-следственная связь изменений психической деятельности и действий причинителя вреда¹⁹⁵.

Рассматривая подобные дела, суд должен понять, будет ли «среднестатистический» человек испытывать нравственные страдания в связи с теми действиями, которые совершил причинитель морального вреда, а также индивидуальные особенности пострадавшего вместе с обстоятельствами, важными для рассмотрения иска. В связи с этим суд вправе привлечь лингвиста в качестве специалиста или эксперта для получения квалифицированного заключения о том, являются ли слова, произнесенные или напечатанные, оскорбительными и, соответственно, влечет ли их употребление чувство оскорбленности.

Денежная компенсация, выплаченная потерпевшему за причинение морального вреда, не возмещает причиненный вред личности, не возвращает личность потерпевшего, его репутацию, имидж, честь, достоинство в первоначальное положение (*restitutio in integrum*), а лишь позволяет в какой-то степени смягчить нанесенный вред, дает возможность потерпевшему компенсировать свои перенесенные физические и нравственные страдания путем предоставления денежных средств, с помощью которых пострадавший может приобрести дополнительные социальные блага для восстановления своего здоровья, психики. При присуждении компенсации морального вреда судебная практика исходит из того, что сумма присуждаемого морального вреда не является эквивалентом нарушенного нематериального блага, что обусловлено не только невозможностью определения стоимостной оценки нематериальных благ, но и целевым назначением

¹⁹⁵ Подобный подход к пониманию нравственных страданий, отражающих негативные последствия правонарушения, находит отражение в работах специалистов по юридической психологии. См.: Холопова Е.Н. Правовые основы судебно-психологической экспертизы по факту морального вреда в уголовном судопроизводстве. Калининград, 2003; Сафунов Ф.С., Харитонов Н.К., Дозорцева Е.Г. и др. Компетенция комплексной судебной психолого-психиатрической экспертизы по делам о компенсации морального вреда // Практика судебно-психиатрической экспертизы: сб. № 43. М.: ГНЦСисП им. В.П. Сербского, 2005. С. 337-347.

данного способа защиты (компенсация), направленным не на возмещение вреда и возвращение потерпевшего в первоначальное положение (что, исходя из нематериального характера нарушенного права, невозможно), а на уравнивание неимущественной потери. Размер присуждаемой компенсации не зависит от стоимости возможных имущественных потерь, связанных с распространением не соответствующих действительности, порочащих или ложных сведений.

Окончательный размер компенсации определяется судом, при этом суд, рассматривая размер компенсации, на котором настаивает потерпевший, чьи честь и достоинство ущемлены, исходит из положений части 2 статьи 151, пункта 2 статьи 1101 ГК РФ, согласно которым основополагающим принципом при определении размера подлежащей взысканию компенсации являются требования разумности и справедливости, предполагающие добросовестный баланс своих и чужих интересов, учет имущественного положения причинителя вреда и поведения самого потерпевшего, соответствие поведения участников правоотношений принятым в обществе нормам поведения.

Компенсация морального вреда по российскому законодательству производится путем выплаты разумной и справедливой денежной суммы (ст. 151, п. 1 ст. 1101 ГК РФ). Согласно п. 8 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 20 декабря 1994 г. № 10 при рассмотрении требований о компенсации морального вреда вследствие возникших после 1 января 1995 г. правоотношений, моральный вред возмещается только в денежной форме.

На требования о компенсации морального вреда исковая давность не распространяется, поскольку они вытекают из нарушения личных неимущественных прав и других нематериальных благ (п. 1 ст. 208 ГК РФ).

Требования о компенсации морального вреда могут быть заявлены самостоятельно или в качестве гражданского иска в уголовном судопроизводстве. В соответствии с п. 24 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 29 июня 2010 № 17 «О практике применения судами норм, регламентирующих участие потерпевшего в уголовном судопроизводстве», решая вопрос о размере компенсации причиненного потерпевшему морального вреда, суду следует исходить из положений ст. 151 и п. 2 ст. 1101 ГК РФ и учитывать характер причиненных потерпевшему физических и нравственных страданий, степень вины причинителя вреда, руководствуясь при этом требованиями разумности и справедливости. В случае причинения морального вреда преступными действиями нескольких лиц он подлежит возмещению в долевом порядке.

ГЛАВА 4. АДМИНИСТРАТИВНАЯ ЮРИСДИКЦИЯ ПО ЗАЩИТЕ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ЧЕСТИ И ДОСТОИНСТВА

§ 1. Административно-правовая форма защиты чести и достоинства сотрудника органов внутренних дел и ее соотношение с иными формами

Применяя гражданско-правовой механизм для защиты права на честь и достоинство, возможно реабилитировать потерпевшего. Достигается это в рамках гражданской процессуальной формы, в которой, в отличие от уголовного и административного судопроизводства, меньше «инквизиции» (заданности), низкий уровень конфронтации спорящих сторон и, как следствие, низкий процент финансового участия государства, в то время как степень открытости происходящего значительно выше, а принципом поведенческих границ спорящих сторон выступает диспозитивность. Сотрудник органов внутренних дел, считая, что его право на честь и достоинство нарушено, самостоятельно инициирует процесс по гражданскому делу, выступая в нем как частное лицо.

В соотношении с административно-правовым порядком, гражданско-правовой порядок защиты нарушенных прав принято именовать судебным. Оба эти порядка, не относящиеся к деяниям криминальным, применительно к защите права на честь и достоинство именуются общими – по их правилам защищается честь и достоинство всякой личности, их нормы работают на отношения с участием «всех и каждого». На практике такое положение не всегда вызывает необходимое понимание, а в литературе не всеми авторами признается целесообразным и справедливым по отношению к сотруднику органов внутренних дел¹⁹⁶. Вряд ли подобные мнения можно считать оправданными. Аргументируя авторские возражения, подчеркнем тот факт, что права личности на честь и достоинство находятся в «обойме» прав человека. Во всех принятых нормах международных документов, посвященных правам человека, в нормах Конституции РФ и не раз упоминаемых ранее нормах ГК РФ, посвященных личным правам, заложена единая для всех этическая модель социального взаимодействия, основанная на неприкосновенности личных прав в виде сентенции «никто не вправе...». Ратуя за иной, специальный механизм защиты права сотрудника на честь и достоинство, есть опасность «оторвать» это право от своего «корня». Таким «корнем» являются нормы ГК РФ о личных нематериальных благах, по правилам которых происходит восстановление личных прав, и нормы КоАП РФ, по правилам которых осуществляется порицание виновных за

¹⁹⁶ Ерофеева Е.А. Проблемы защиты чести, достоинства, деловой (профессиональной) репутации в системе МВД России // Общество и право. 2014. № 3 (49). С. 67-68; Осипова С.В. Особенности регулирования личных неимущественных прав в сфере наемного труда // Законы России: опыт, анализ, практика. 2012. № 4. С. 27.

нарушение личных прав любого лица. Кроме того, может быть подорвана центральная идея личных прав, состоящая в защите *их носителей* от посягательств. Носителями таких прав являются все личности как квалифицированные (граждане с государственным статусом), так и неквалифицированные, обычно именуемые общегражданскими личностями.

В гражданском и административном порядке в первую очередь защищаются личные права их носителей, в то время как будет показано далее, в уголовном порядке, при ущемлении чести и достоинства сотрудника органов внутренних дел защите подлежат интересы государственного управления. Личные права сотрудника выступают дополнительным объектом защиты.

В отличие от уголовных преступлений административные правонарушения не определены как общественно опасные деяния. Основанием для этого вида ответственности является общественно вредное деяние. Цель административной ответственности заключается в официальном порицании от имени государства противоправного поведения. Отсюда по характеру применяемых мер административная ответственность менее сурова, чем уголовная, этот вид ответственности не влечет судимости и применяется, как правило, органами исполнительной власти, то есть значительно более оперативно и на основе менее сложного процесса, нежели процесс уголовный.

Объединяет административную и уголовную юрисдикции тот факт, что публично-правовые меры защиты, применяемые в рамках административной и уголовной юрисдикции, связаны с административной и уголовной ответственностью как инструментами, принадлежащими исключительно государственному аппарату, а не личности. В этом смысле гражданско-правовая ответственность имеет значимые отличия, продиктованные в первую очередь ее восстановительными целями – способ восстановления нарушенного права на честь и достоинство выбирает сама пострадавшая личность.

Несмотря на явные различия в целях и средствах административной и гражданско-правовой форм защиты, действующей судебной практике известны коллизии, возникающие между гражданско-правовой и административно-правовой юрисдикцией, что является следствием их необоснованного противопоставления без законных оснований¹⁹⁷.

¹⁹⁷ С. обратилась в суд с иском о защите в гражданско-правовом порядке чести, достоинства, деловой репутации и компенсации морального вреда, в котором обосновывала, что от П. систематически поступают SMS-сообщения оскорбительного содержания, по телефону в присутствии посторонних лиц звучат унижения. Просила обязать П. принести ей письменное извинение, взыскать компенсацию морального вреда. Суд постановил определение, согласно которому производство по гражданскому делу по заявленному иску было прекращено в связи с тем, что дело подлежит рассмотрению в административном порядке, а не в порядке гражданского судопроизводства. См.: Апелляционное определение СК по гражданским делам Верховного Суда Республики Саха (Якутия) от 18 марта 2015 г. по делу № 33-889/2015.

Как отмечено в актах конституционного судопроизводства, все три вида юрисдикции объединяет то, что они направлены «на осуществление конституционной обязанности государства охранять достоинство личности как необходимую предпосылку и основу всех других неотчуждаемых прав и свобод человека, условие их признания и соблюдения»¹⁹⁸. При этом заметим, что объем и характер административно-правовой формы защиты во многом зависит от состояния правового регулирования защиты чести и достоинства гражданским и уголовным правом.

В деятельности сотрудника органов внутренних дел административно-правовой механизм имеет двойственное значение. С одной стороны, он как представитель власти имеет право при посягательстве на его честь и достоинство давать властные предписания, обязательные для тех, кто осуществляет посягательство, с другой стороны, как гражданин Российской Федерации он наделен правом обращаться в соответствующие органы власти за содействием в защите права на честь и достоинство в случае их нарушения (п. 14 ст. 28 Закона о полиции). Подобное «правовое двуличие» сотрудника не отражается на механизме административно-правовой защиты его нарушенных прав, он для него остается общим.

Как лицо, наделенное в силу закона властными полномочиями, сотрудник может привлечь виновного к административной ответственности по ст. 17.7, 19.3 КоАП РФ либо может обратиться с заявлением в прокуратуру.

§ 2. Административная ответственность за посягательство на честь и достоинство сотрудника органов внутренних дел

Честь и достоинство лица выступают непосредственным объектом административного правонарушения в ст. 5.61 КоАП РФ – оскорбление личности, то есть унижение чести и достоинства другого лица, выраженное в неприличной форме.

Понятие права на честь и достоинство как объекта правовой охраны уже рассмотрено в настоящей монографии и особенностей применительно к составу 5.61 КоАП РФ не имеет. В литературе основными признаками, характеризующими эту норму, называют: противоправное действие – унижение чести и достоинства другого лица; направленность против одного или нескольких лиц; цель действия – унижить честь и достоинство другого лица; неприличную форму выражения¹⁹⁹.

¹⁹⁸ См.: Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Дубравина Николая Григорьевича на нарушение его конституционных прав пунктом 1 статьи 152 Гражданского кодекса Российской Федерации: определение Конституционного Суда РФ от 22 янв. 2014 г. № 12.

¹⁹⁹ Аратова А.А. Административная ответственность за оскорбление: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2013. С. 16.

Противоправное действие может совершаться в любой форме словесно (устно или письменно), посредством жестов или физическим действием. Оно должно быть направлено на конкретного человека. Законодатель не выделил в качестве квалифицирующего признака оскорбление нескольких лиц. Судебная практика исходит из того, что объединенное единым умыслом оскорбление двух потерпевших образует один состав административного правонарушения, предусмотренного ч. 1 ст. 5.61 КоАП РФ²⁰⁰.

Как отмечено в литературе, «оскорбление – это не негативная характеристика отдельной личности, это отрицание ценности чести и достоинства конкретного индивида как общечеловеческого достояния, общечеловеческой ценности. В отличие от клеветы при оскорблении виновный сообщает не о конкретных фактах, а дает (негативную) оценку его личным качествам. Действия субъекта должны быть облечены в неприличную форму, которая является оценочным понятием и определяется не потерпевшим. Для квалификации важное значение имеет не восприятие деяния потерпевшим, а оценка его судом. При необходимости назначается судебно-лингвистическая экспертиза²⁰¹.

Точное лингвистическое определение понятия «неприличная форма высказывания» является одной из важнейших составляющих понятия оскорбления, на что неоднократно указывал в своих решениях Верховный Суд РФ²⁰². По смыслу закона неприличной следует считать циничную, глубоко противоречащую нравственным нормам, правилам поведения в обществе форму унижительного обращения с человеком. Основной задачей диагностики оскорбительности в судебной лингвистической экспертизе является выявление точки пересечения семантических полей лингвокультуры и диспозиции правовой нормы²⁰³. Поскольку оскорбительные выражения «поражают» честь и достоинство личности, вывод делается также о применимости к конкретной личности²⁰⁴.

Оскорблением считается не только большое количество слов и выражений, но даже и одно слово, употребленное в неприличной форме лицом в адрес другого лица. Использование слов, написанных в заявлениях в органы власти, также является дополнительным доказательством уничи-

²⁰⁰ Обзор практики рассмотрения судьями Пермского края дел об административных правонарушениях за 9 месяцев 2014 г.: пост. от 25 июня 2014 года № 44а-402-2014; Пост. от 20 июня 2014 года № 44а-401-2014.

²⁰¹ См., подр.: Кусов Г.В. Судебная лингвистическая экспертиза «оскорбления», развитие современной теории и практики // Российский судья. 2011. № 9. С. 15-19.

²⁰² См.: Определение от 9 марта 2011 г. № 86-011-4; Определение от 12 мая 2011 г. № 16-011-28 (относительно определения понятия «неприличная форма»).

²⁰³ Кусов Г.В. Там же. С. 15-19.

²⁰⁴ Решение Онежского городского суда Архангельской области от 3 июня 2013 г. по делу № 12-51/2013 // КонсультантПлюс: справ.-правовая система (дата обращения: 18 июля 2013 г.).

жительного характера оскорбления²⁰⁵. Помимо словесной формы оскорбление может быть и невербальным – жесты, плевки, пощечины²⁰⁶.

С субъективной стороны оскорбление характеризуется умышленной формой вины. Совершая деяние, субъект всегда осознает общественную опасность выраженного в неприличной форме унижения чести и достоинства лица. Вместе с тем мотивация таких действий может существенно менять квалификацию содеянного. Субъектом оскорбления может быть любое физическое вменяемое лицо, достигшее шестнадцатилетнего возраста.

В ч. 2 ст. 5.61 КоАП РФ предусмотрен квалифицированный состав рассматриваемого административного правонарушения – оскорбление, содержащееся в публичном выступлении, публично демонстрирующемся произведении или средствах массовой информации. Его квалифицирующим признаком является публичность доведения оскорбительных действий, что позволяет унижить потерпевшего перед другими лицами. Для этого виновный использует публичное выступление или публично демонстрирующееся произведение или средство массовой информации.

Сотрудники органов внутренних дел не столь часто прибегают к возможности привлечения виновных к административной ответственности по ст. 5.61 КоАП РФ. В некоторой степени это обусловлено ограниченной административной юрисдикцией в отношении возбуждения дела об административном правонарушении – оно может быть возбуждено только прокурором. Такой порядок возбуждения дел по ст. 5.61 КоАП РФ, предоставляющий право принятия данного процессуального решения только прокурору, не всеми признается оправданным в силу того, что является обременительным, приводит к дублированию работы правоприменителей, затягиванию сроков производства по делам об оскорблении²⁰⁷. На наш взгляд, нет оснований считать данный порядок несовершенным. Однако важным является вопрос об оказании правовой помощи сотрудникам при обращении с такими заявлениями к прокурору. Как показывает анализ заявлений, поступающих в прокуратуру, сотрудники при подаче таких заявлений ограничиваются указанием на факт оскорбления, его времени, места и лица, совершившего данное действие. При этом испытывают серьезные затруднения при описании факта поражения своей эмоциональной сферы в связи с оскорблением и его психологическими последствиями, что является значимым квалифицирующим признаком такого правонарушения. Сложность этих самостоятельных «предквалификационных» действий со стороны сотрудников, пострадавших от оскорбления, часто становится

²⁰⁵ Решение Биробиджанского районного суда Еврейской автономной области от 30 мая 2013 г. по делу № 12-158/2013 // КонсультантПлюс: справ.-правовая система (дата обращения: 18 июля 2013 г.).

²⁰⁶ Постановление Чойского районного суда Республики Алтай от 14 марта 2013 г. по делу № 5-96/2013 // КонсультантПлюс: справ.-правовая система. (дата обращения: 18 июля 2013 г.).

²⁰⁷ Аратова А.А. Административная ответственность за оскорбление: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2013. С. 19-21.

препятствием для обращения в прокуратуру. Одной из гарантий защищенности сотрудников при совершении в отношении их данного вида деяний может и должна стать гарантированная помощь со стороны правовых подразделений МВД России. Надлежит исходить из того, что гарантированное государством сотруднику право на защиту его чести и достоинства – это не особый механизм их защиты, а часть современных государственных кадровых технологий, направленных на создание у сотрудника уверенности в том, что при ущемлении его прав государство гарантирует ему необходимую юрисдикционную защиту в виде оказания необходимого содействия в этом, в то время как действия лиц, посягнувших на честь и достоинство сотрудника, не останутся без порицания.

Посягательства на честь и достоинство личности не ограничиваются только правонарушениями, предусмотренными ст. 5.61 КоАП РФ. В той или иной мере признаки унижения человека закреплены во многих составах административных правонарушений и преступлений. Разграничение административно наказуемого оскорбления как самостоятельного деликта от иных административных правонарушений и преступлений представляет определенную сложность. Основные трудности в решении этой задачи обусловлены тем, что, во-первых, отсутствуют четкие юридические критерии оценки степени общественной опасности охраняемых законом отношений; во-вторых, оскорбительные действия зачастую затрагивают иные права и свободы человека и гражданина, что обуславливает наличие двух-, трехобъектных составов правонарушений; в-третьих, оскорбление предполагает правовую оценку содеянного с позиции различных отраслей права²⁰⁸.

Так, в ст. 20.1 КоАП РФ предусмотрена административная ответственность за хулиганство как нарушение общественного порядка, выражающее явное неуважение к обществу, сопровождающееся нецензурной бранью в общественных местах, оскорбительным приставанием к гражданам. В части 2 данной статьи предусмотрена повышенная ответственность за те же деяния, сопряженные с неповиновением законному требованию представителя власти либо иного лица, исполняющего обязанности по охране общественного порядка или пресекающего нарушение общественного порядка. При наличии признака публичности данное деяние подлежит квалификации по ст. 319 УК РФ. Разграничение необходимо производить и со случаями оказания неповиновения сотрудникам полиции, когда само неповиновение может выражаться в неприличной форме, унижающей честь и достоинство сотрудника полиции (плевки, закидывание мусором, пощечины и т.п.). Как оскорбление следует расценивать и выполнение законных требований сотрудника полиции, совершенное способами, запрещенными законодательством и ставящее сотрудника полиции в условия, при которых выполнение им обязанностей сопровождается унижением чести и достоинства.

²⁰⁸ Аратова А.А. Административная ответственность за оскорбление: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. С. 18.

§ 3. Административно-правовые средства предупреждения и пресечения посягательств на честь и достоинство сотрудника полиции

К основным административно-предупредительным мерам принято относить проверку документов, ограничение или запрещение движения транспорта и пешеходов, вход в жилье и иные помещения граждан, превентивный надзор, охранно-режимные мероприятия в отселенных зонах радиоактивного загрязнения, обеспечение режима чрезвычайного или военного положения, досмотр лиц, грузов, багажа, имущества, транспортных средств и др.²⁰⁹ Кроме того, к таким мерам, в соответствии со ст. 11 Закона о полиции, относится фото-, видеофиксация действий сотрудников полиции при выполнении ими действий по охране общественного порядка и обеспечению безопасности, проведение мер общесоциальной профилактики: разъяснение норм законодательства, устанавливающего соответствующую ответственность, повышение престижа в деятельности полиции в целом и имиджа полицейского в частности.

К мерам пресечения относятся меры принуждения, применяемые сотрудниками полиции в соответствии с Законом о полиции, УПК РФ, УК РФ, КоАП РФ: доставление, задержание правонарушителя, изъятие документов, вещественных доказательств, применение физической силы, специальных средств и оружия и др.

Одной из предупредительных мер по недопущению унижения чести и достоинства сотрудника полиции является предоставленное им право использовать средства аудио-, фото- и видеофиксации в целях фиксирования действий сотрудников полиции, выполняющих возложенные на них обязанности, а также для предупреждения и фиксации противоправных или провокационных действий в отношении сотрудников полиции. Кроме того, сотрудник полиции имеет право запретить в определенных случаях видеосъемку со стороны правонарушителя и предупредить об ответственности, если такие записи будут использованы в нарушение закона, например выложены в сети «Интернет».

В ст. 8 Закона о полиции закреплено, что деятельность полиции является открытой для общества в той мере, в какой это не противоречит требованиям законодательства Российской Федерации об уголовном судопроизводстве, о производстве по делам об административных правонарушениях, об оперативно-розыскной деятельности, о защите государственной и иной охраняемой законом тайны, а также не нарушает прав граждан, общественных объединений и организаций. Из данного положения вытекает, что границы открытости и публичности деятельности полиции в целом и отдельного сотрудника полиции законодатель ограничил требованиями законодательства.

²⁰⁹ Предупреждение преступлений и административных правонарушений: учеб. пособие. Тюмень: Тюм. юрид. ин-т МВД России, 2012. С. 40.

Граждане могут знакомиться как с информацией о деятельности полиции, так и с самой деятельностью сотрудников полиции как представителей власти. Нередко граждане понимают это право буквально. Допуская фиксацию действий сотрудников, они сопровождают это последующим размещением их изображения или видеозаписи их действий в средствах массовой информации, а также размещением в сети Интернет. Действия сопровождаются комментариями изображений, в которых дается оценка действий сотрудников полиции, в том числе негативная, затрагивающая их честь, достоинство и деловую репутацию. Имеющиеся технические возможности, наличие сети Интернет позволяют очень быстро распространять данную информацию, зачастую некоторые действия носят прецедентный характер (например, отказ водителя предоставить документы без специального удерживающего их устройства либо отказ выйти из автомашины и др.), что может восприниматься другими гражданами как допустимые действия.

В связи с этим возникает следующий ряд вопросов: 1) насколько законны случаи аудио-, фото и видеофиксации действий сотрудников полиции гражданами; 2) имеют ли право граждане фотографировать или снимать на видео служебное удостоверение сотрудника полиции и его изображение; 3) имеется ли возможность производства аудио-, фото и видеофиксации служебных действий сотрудников полиции. Надлежит также дать правовую оценку действиям сотрудников полиции, использующим средства аудио-, фото- и видеофиксации в процессе выполнения служебных обязанностей.

Значительная часть ситуаций связана с непосредственным общением сотрудников полиции с участниками дорожного движения. Следует исходить из того, что признание необходимости открытости и публичности деятельности полиции в обществе еще не дает оснований понимать содержание данного принципа чрезмерно широко и, следовательно, не исключено установление ограничений на беспрепятственное осуществление копирования, фото- и видеофиксации как самих сотрудников полиции, так и их действий и служебных документов. Такие ограничения касаются тех случаев, когда:

1) осуществляется производство по делу об административном правонарушении. Лица, участвующие в производстве по делу об административном правонарушении, и граждане, присутствующие при открытом рассмотрении дела об административном правонарушении, имеют право в письменной форме, а также с помощью средств аудиозаписи фиксировать ход рассмотрения дела об административном правонарушении. Фотосъемка, видеозапись, трансляция открытого рассмотрения дела об административном правонарушении по радио и телевидению допускаются с разрешения судьи, органа, должностного лица, рассматривающих дело об административном правонарушении (ч. 3 ст. 24.3 КоАП РФ).

Применительно к сотрудникам органов внутренних дел при рассмотрении дела об административном правонарушении это происходит в тот период времени, когда сотрудник выносит постановление по делу об админи-

стративном правонарушении в порядке ст. 28.6 или ст. 29.9 КоАП РФ на месте совершения административного правонарушения.

В отдельных ситуациях граждане неверно понимают смысл положений закона и обосновывают возможность использования видео- и звукозаписывающей аппаратуры при разбирательстве по административному делу в служебном помещении, ссылаясь на то, что сотрудник полиции не должен препятствовать видеосъемке²¹⁰. В тех случаях, когда сотрудник полиции имеет право запретить видео-, фотосъемку, он обязан сообщить о существовании запрета участнику дорожного движения или иному лицу, производящему запись и предупредить его о том, что данные требования законны и при их невыполнении лицо может быть привлечено к ответственности по ст. 17.7 КоАП РФ за невыполнение законных требований должностного лица, осуществляющего производство по делу об административном правонарушении. Согласно приказу МВД России от 5 мая 2012 г. № 403 «О полномочиях должностных лиц системы МВД России по составлению протоколов об административных правонарушениях и административному задержанию» сотрудники полиции наделены правом составления протоколов об административном правонарушении, а в соответствии с гл. 27 КоАП РФ – правом применения соответствующих мер обеспечения и с гл. 26 КоАП РФ – правом сбора доказательств по таким делам.

В тех же случаях, когда сотрудник полиции изымает видео-, аудиозаписывающую аппаратуру и удаляет запись, закрывает камеру, сбивает ее с крепления или выбивает из рук участника дорожного движения, он допускает превышение своих служебных полномочий. Если съемка законна, то констатируется существенное нарушение процессуальных прав лица, в отношении которого ведется производство по делу об административном правонарушении, предусмотренных ст. 25.1 КоАП РФ, так как лицо имеет право собирать и предоставлять доказательства. В таких случаях проводится служебная проверка и привлечение таких сотрудников к дисциплинарной ответственности. Кроме того, уничтожение записи является уничтожением доказательств по делу об административном правонарушении, что является существенным нарушением процессуальных норм и влечет за собой признание собранных доказательств недопустимыми, что, в свою очередь, может послужить основанием для прекращения производства по делу. Однако в соответствии со ст. 27.10 КоАП РФ сотрудник полиции может изъять электронный носитель информации – флеш-карту, имеющуюся у участника дорожного движения, поскольку она является доказательством по делу об административном правонарушении (ч. 2 ст. 26.7 КоАП РФ).

2) использование видео- и звукозаписывающей аппаратуры производится без соответствующего разрешения в служебных помещениях органов внутренних дел. Существует возможность применения ограничений на ис-

²¹⁰ Решение Нефтекамского городского суда Республики Башкортостан от 3 сентября 2013 г. по гражданскому делу № 2-1986/2013 // Судебные и нормативные акты РФ. URL: <http://sudact.ru> (дата обращения: 15 февр. 2014 г.).

пользование видео- и звукозаписывающей аппаратуры в служебных помещениях органов внутренних дел, так как они относятся к режимным помещениям, требуется обеспечение их нормальной работы, соблюдения режима сохранности служебной информации. В то же время специальная возможность использования видео- и звукозаписывающей аппаратуры существует при выполнении определенных условий, предусмотренных в документах об организации пропускного режима в органах внутренних дел (в частности, в процессе общения сотрудник полиции имеет право запретить видеосъемку в служебных помещениях, каковыми являются помещения территориальных органов внутренних дел или иные помещения полиции). В случае продолжения таких действий со стороны правонарушителя и воспрепятствования исполнению сотрудниками полиции служебных обязанностей (например, при попытках вмешательства в их деятельность, съемки сотрудников полиции при ограничении их передвижения, фиксации служебных переговоров, попытках съемки служебной документации, содержащей информацию служебного характера) в действиях лица имеются признаки административного правонарушения, предусмотренного ст. 19.3 КоАП РФ.

Проблема оценки правомерности использования видеосъемки служебного удостоверения связана с тем, что ряд сотрудников полиции опасаются случаев незаконного использования изображения бланка удостоверения, фотографии в форменной одежде или персональных данных.

Для предупреждения конфликтной ситуации следует указать, что для гражданина законом не предусмотрена возможность копирования служебного удостоверения сотрудника полиции, а также фотографирование или видеозапись информации, имеющейся в служебном удостоверении. При наличии нагрудного знака с соответствующим номером сотрудник полиции может объяснить возможность фиксации данного номера в целях возможного обращения гражданина, оспаривающего действия сотрудника полиции. Если сотрудник полиции имеет портативный видеорегистратор, который закреплен на форменной одежде, то он должен полностью фиксировать общение сотрудника полиции с гражданином, в том числе факт представления водительского удостоверения. При продолжении конфликтной ситуации необходимо предупредить о проводимой видеофиксации, необходимости соблюдения водителем положений ПДД, в том числе обязанностей водителя. При осуществлении видеосъемки удостоверения сотрудника полиции техническое устройство может быть включено заранее либо в момент предъявления удостоверения. Согласно ч. 4 ст. 5 Закона о полиции при обращении к гражданину сотрудник полиции обязан назвать свои должность, звание, фамилию, предъявить по требованию гражданина служебное удостоверение, после чего сообщить причину и цель обращения. Следовательно, буквальное толкование данных положений закона показывает, что в случаях съемки водителем или иным участником дорожного движения ситуации общения с сотрудником полиции требуется предъявление служебного удостоверения.

В иных случаях, когда видеокамера гражданином была включена после предъявления служебного удостоверения сотрудником полиции, а он вновь требует предъявления служебного удостоверения для того, чтобы зафиксировать данные о сотруднике полиции, сотруднику полиции следует ссылаться на наличие информации, содержащейся на нагрудном знаке, и повторное предъявление удостоверения не является обязательным.

Существуют положения ст. 152.1 ГК РФ, согласно которым обнародование и дальнейшее использование изображения гражданина (в том числе его фотографии, а также видеозаписи или произведения изобразительного искусства, на которых он изображен) допускаются только с согласия этого гражданина. Такое согласие не требуется в случаях, когда использование изображения осуществляется в том числе в государственных, общественных или иных публичных интересах (подп. 1 п. ст. 152.1 ГК РФ).

В случаях выполнения сотрудником полиции служебных обязанностей при общении с гражданами, в процессе сбора доказательств по делу об административном правонарушении речь идет о выполнении им действий как представителя власти, фиксирование его действий может производиться только в общественных интересах (например, в части контроля представителями общественности за действиями сотрудника полиции).

Вместе с тем использование данного изображения в целях причинения вреда чести, достоинству и деловой репутации сотрудника полиции (например, в сети Интернет) требует адекватного реагирования в виде удаления такой информации, запрещения ее дальнейшего распространения. Данная работа должна быть организована в том числе с учетом приказа МВД России от 2 октября 2012 года № 900 «Вопросы организации защиты чести и достоинства, а также деловой репутации в системе МВД России».

Возможность применения сотрудниками полиции средств аудио-, фото- и видеофиксации в процессе служебной деятельности отражена в ч. 3 ст. 11 Закона о полиции, согласно которой полиция использует технические средства, включая средства аудио-, фото- и видеофиксации, при документировании обстоятельств совершения преступлений, административных правонарушений, обстоятельств происшествий, в том числе в общественных местах, а также для фиксирования действий сотрудников полиции, выполняющих возложенные на них обязанности.

Видеофиксацию события правонарушения целесообразно проводить для сбора доказательств по делу об административном правонарушении, для подтверждения законного характера действий сотрудников полиции и предупреждения конфликтных ситуаций с участниками дорожного движения. При этом законный характер действий сотрудника полиции признается и в случаях использования личных средств аудио-, фото- и видеофиксации (например, на штатный видеорегистратор или мобильный телефон, принадлежащие сотруднику полиции). Так, ч. 2 ст. 26.7 КоАП РФ говорит о том, что к документам могут быть отнесены материалы фото- и киносъемки, звуко- и видеозаписи, информационных баз и банков данных и иные носители

информации, соответственно, они относятся не к специальным техническим средствам (ст. 26.8 КоАП РФ), а к документам.

В случаях, если сотрудник полиции, стремясь защитить себя от провокационных действий со стороны гражданина, начинает снимать действия лица на штатный видеорегистратор из служебной автомашины (либо портативный видеорегистратор, размещаемый на одежде, или личный мобильный телефон) в его действиях отсутствуют признаки нарушений законности. Такие встречные действия оправданны и разрешены законодателем для подтверждения корректного обращения с гражданином, предотвращения конфликтной ситуации и фиксирования действий сотрудников полиции (последнее основание применения средств аудио-, фото- и видеофиксации отражено в ч. 3 ст. 11 Закона о полиции).

Анализ ситуаций, связанных с провоцирующим поведением лиц в отношении сотрудников полиции, показывает необходимость внесения изменений и дополнений в ч. 3 ст. 11 Закона о полиции. Можно предложить следующий вариант редакции ч. 3 данной статьи: «3. Полиция имеет право использовать средства аудио-, фото- и видеофиксации, предназначенные для документирования обстоятельств совершения преступлений, административных правонарушений, обстоятельств происшествий, в том числе в общественных местах, для фиксирования действий сотрудников полиции, выполняющих возложенные на них обязанности, для предупреждения и фиксирования провокационных действий в отношении сотрудников полиции».

В случае отсутствия у сотрудника полиции таких средств, он вправе использовать иные средства аудио-, фото- и видеофиксации в целях фиксирования действий сотрудников полиции, выполняющих возложенные на них обязанности, а также для предупреждения и фиксации противоправных или провокационных действий в отношении сотрудников полиции».

Данное законодательное изменение редакции ч. 3 ст. 11 Закона о полиции позволяет указать на возможность применения сотрудниками полиции:

а) средств аудио-, фото- и видеофиксации, которые предназначены и выделены специально для данных целей и которыми оснащены сотрудники полиции, служебные автомашины, служебные кабинеты;

б) иных средств аудио-, фото- и видеофиксации (например, личного сотового телефона, личного видеорегистратора, фотоаппарата, видеокамеры, диктофона), которыми может воспользоваться сотрудник полиции при отсутствии штатных средств в целях:

– фиксирования действий сотрудников полиции, выполняющих возложенные на них обязанности;

– предупреждения и фиксации противоправных или провокационных действий в отношении сотрудников полиции.

Таким образом, у сотрудников полиции появятся предусмотренные законом основания для использования таких средств, что позволит:

1) выработать правильный подход к оценке жалоб и обращений граждан по вопросу о якобы имевшем место нарушении положений ст. 23 Конституции РФ (право на неприкосновенность частной жизни, личную и семейную тайну, защиту своей чести и доброго имени); ст. 24 Конституции РФ (недопустимость сбора, хранения, использования и распространения информации о частной жизни лица без его согласия);

2) предупреждать различные противоправные или провокационные действия в отношении сотрудников полиции (например, в случаях, если сотрудник полиции предупредил о намерении использования средств аудио-, фото- и видеofиксации в служебном кабинете, поскольку считает, что в создавшейся обстановке могут быть совершены такие действия).

Полученные в результате деятельности полиции сведения о частной жизни гражданина не могут предоставляться кому бы то ни было без добровольного согласия гражданина, за исключением случаев, предусмотренных федеральным законом (ст. 5 Закона о полиции). Следовательно, проведение сотрудником полиции видеосъемки происходящего в служебном кабинете органов внутренних дел, около служебной автомашины, на стационарном посту и т.д. с целью фиксации своих действий и возможных противоправных деяний водителя не может быть расценено как нарушение конституционных прав гражданина на неприкосновенность его частной жизни. Однако если сотрудники полиции передают видеозапись со служебной видеокамеры в СМИ, размещают в сети Интернет, то данное поведение противоречит профессионально-этическим стандартам поведения.

Для предупреждения нарушений законности в таких ситуациях сотрудникам полиции следует помнить, что обнародование и дальнейшее использование изображения гражданина (в том числе его фотографии, а также видеозаписи или произведения изобразительного искусства, на которых он изображен) допускаются только с согласия этого гражданина (ст. 152.1. ГК РФ). Такое согласие не требуется в случаях, когда использование изображения осуществляется в том числе в государственных, общественных или иных публичных интересах. К таким интересам может быть отнесен сбор доказательств по делу об административном правонарушении, пресечение провоцирующих действий со стороны водителя и т.п.

ГЛАВА 5. УГОЛОВНО-ПРАВОВАЯ ЗАЩИТА ЧЕСТИ И ДОСТОИНСТВА СОТРУДНИКА ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ

§ 1. Особенности уголовно-правовой защиты личных прав

Меры уголовно-правовой охраны чести и достоинства выступают составной частью общего механизма юридической ответственности при обеспечении безопасности личных прав сотрудника органов внутренних дел. Как обоснованно отмечено в литературе, напоминание о возможности подключения жестких мер государственного принуждения в случае выхода конфликта за пределы регулирования определенной отрасли – одна из функций уголовно-правового запрета, опирающегося при описании признаков состава преступления на регулятивные нормы других отраслей права²¹¹.

От гражданско-правовой и административной ответственности уголовная отличается более строгими способами реагирования на противоправное поведение, служа ответом государства на наиболее грубое и опасное нарушение установленного правопорядка – преступное деяние. Случаи использования репрессивных мер в сфере уголовно-правовой охраны чести и достоинства сотрудников органов внутренних дел ограничены. Предусматривая такие немногочисленные случаи, законодатель исходит из того, что уголовно-правовое вмешательство оправданно лишь постольку, поскольку достаточная защита общества от определенного вида деяний не может быть обеспечена более мягкими (административными, гражданско-правовыми и т.п.) мерами²¹². Данные меры, как было отмечено ранее, применимы в тех случаях, когда посягательство на честь и достоинство сотрудника ОВД, хотя и влечет поражение его эмоциональной сферы, однако не сопряжено с созданием препятствий для осуществления им властных функций в сфере государственного управления. Как уже было отмечено ранее, гражданско-правовые и административно-правовые нормы не предполагают вариантов дифференциации применительно к субъектной плоскости их действия. В процессе применения мер уголовной ответственности такая дифференциация не исключена.

В литературе отмечается, что привлечение к уголовной ответственности за оскорбление и клевету... является крайней формой защиты от общественно опасных посягательств²¹³. Общественно опасные признаки деяний против чести и достоинства с учетом специфики их объекта сформулированы в литературе. В них сохранены признаки противоправности

²¹¹ Пудовочкин Ю.Е., Пирвагидов С.С. Понятие, принципы и источники уголовного права: сравнительно-правовой анализ законодательства России и стран Содружества Независимых Государств. СПб., 2003. С. 123.

²¹² Кенни К. Основы уголовного права. М.: Изд-во Иностранной лит-ры, 1949. С. 27-29.

²¹³ Гертель Е. Оскорбление и клевета как виды психического насилия // Уголовное право. 2011. № 6. С. 10.

всех действий, которые ущемляют честь и достоинство – проявление неуважения к человеку, попираание его моральной ценности. Однако для уголовно-правовой формы защиты наиболее важны не столько частные аспекты внутренних ощущений лица, чьи право на честь и достоинство оказались нарушенными, сколько тот факт, что «лицо, совершающее данное деяние, наносит значительно больший вред обществу, чем конкретному потерпевшему»²¹⁴. На этой базовой идее, лежащей в основе уголовной ответственности, и выстроим предметные суждения в рамках данной главы.

В настоящей главе авторы не имеют намерения останавливаться на достаточности или недостаточности существующих мер уголовного преследования, откорректированных последними законодательными изменениями²¹⁵, относя этот вопрос к области уголовно-правовой политики²¹⁶. Тем более что вопрос о переводе отдельных уголовно наказуемых деяний из разряда преступных в разряд административных правонарушений, и наоборот, в доктрине уже неоднократно затрагивался²¹⁷, главным образом с позиции критики состоявшейся декриминализации и последующей возвратной криминализации²¹⁸. Для целей наиболее объективной оценки про-

²¹⁴ Ганжа Ю.В. Преступления против чести и достоинства личности: уголовно-правовая и криминологическая характеристика: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2007. С. 4.

²¹⁵ О внесении изменений в Уголовный кодекс РФ и отдельные законодательные акты: федер. закон от 7 дек. 2011 г. № 420-ФЗ РФ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2011. № 50. Ст. 7362.

²¹⁶ Теоретическая модель Концепции уголовно-правовой политики была представлена научной общественности по итогам работы специальной рабочей группы экспертов, созданной при Общественной палате РФ в 2012 г. В Концепции отмечается, что правовая определенность и прогнозируемость уголовного законодательства и практики его применения выступают необходимым условием эффективности уголовно-правовой политики, в связи с этим предлагается перейти к программно-целевым методам работы по изменению уголовного законодательства на основе утверждаемой Президентом РФ Концепции совершенствования УК РФ. См.: Бабаев М.М., Пудовочкин Ю.Е. Концепция уголовно-правовой политики Российской Федерации // Уголовное право. 2012. № 4. С. 3-15; Авдеев В.А., Авдеева О.А. Концепция уголовно-правовой политики Российской Федерации: основные направления совершенствования уголовного закона и оптимизации мер противодействия преступности // Криминологический журнал БГУЭП. 2014. № 1 (27).

²¹⁷ Густова Э.В. Уголовная политика как основной фактор криминализации и пенализации деяний // Современные проблемы уголовной политики. Краснодар, 2013. Т. 2; Шматова Е.С. Декриминализация оскорбления: правовой анализ // Российский следователь. 2013. № 15. С. 35; Лопашенко Н.А. Уголовное право: теория и практика изменений или ожидаемые перемены и неожиданные результаты // Уголовное право в эпоху финансово-экономических перемен. М., 2014; Нуркаева Т.Н. Отечественное и зарубежное уголовное законодательство об охране чести и достоинства личности // Законодательство. 2014. № 6; Рарог А.И. Репрессивный крен российской уголовной политики // Криминологический журнал БГУЭП. 2014. № 3(29); и др.

²¹⁸ Историю криминализации исследуемых деяний см.: Индербердиев Д.С. Криминализация деяний, связанных с распространением порочащих личность измышлений в законодательстве России до 1917 г. // Российский следователь. 2014. № 4. С. 13-16.

исходящей динамики составов клеветы и оскорбления приведем формулировку одного из постановлений Конституционного Суда РФ, в котором отмечено, что «ослабление уголовной репрессии, может быть, не лучший и не самый надежный или даже не вполне «пропорциональный» способ. Но, во-первых, не исключено, что в текущей ситуации государство ограничено в доступных способах улучшения делового климата и в средствах контроля за правомерностью уголовно-правового преследования. Это значит, что пока не будет восстановлено в гражданской и деловой среде доверие к этим средствам и практике, законодательные полумеры допустимы, в том числе такие, которые хотя бы отчасти сглаживают издержки и последствия не вполне успешной оперативно-розыскной и уголовно-процессуальной деятельности²¹⁹».

Отношения по поводу чести и достоинства, защищаемые с помощью уголовно-правового запрета, по содержанию неоднородны. Конструкцию состава преступления и его признаки определяет объект преступления. Анализ объекта преступлений, содержащих признаки посягательств на честь и достоинство, позволяет обособить две группы таких преступлений – общую и особенную.

Общая группа включает нормы, сформулированные в ст. 128.1 УК РФ «Клевета». Для актуализации предметного контекста проводимого исследования отразим название главы, в которой размещена данная норма – гл. 17 «Преступления против свободы, чести и достоинства личности» и ст. 306 УК РФ «Заведомо ложный донос», поскольку совершение деяния, предусмотренного данной нормой, способно ущемить честь, достоинство, репутацию лица, в отношении которого сделан ложный донос. Именуя (условно) нормы общими, авторы лишь подчеркивают, что эти нормы могут применяться к любому участнику общественных отношений, имеющему право на защиту от таких посягательств.

К числу норм специальных, в которых непосредственным или дополнительным объектом посягательства являются честь и достоинство сотрудника органов внутренних дел, относятся ст. 298. 1 УК РФ «Клевета в отношении судьи, присяжного заседателя, прокурора, следователя, лица, производящего дознание, судебного пристава», ст. 319 УК РФ «Оскорбление представителя власти», ч. 2 ст. 213 УК РФ «Хулиганство».

Применительно к уголовному праву честь и достоинство как непосредственный или дополнительный объект преступления представляет собой тот же этический феномен, что и в других областях. Однако в данном случае рассуждения о чести и достоинстве необходимо соотносить с тем, что в этой области уголовно-правовые гарантии человеческого достоинства и чести имеют два уровня понимания: 1) уголовное наказание и иные

²¹⁹ По делу о проверке конституционности положений статьи 159.4 Уголовного кодекса РФ в связи с запросом Салехардского городского суда Ямало-Ненецкого автономного округа: пост. Конституционного Суда РФ от 11 дек. 2014 г. № 32-П // Вестник Конституционного Суда Российской Федерации. 2015. № 2.

меры уголовно-правового характера не могут иметь своей целью унижение человеческого достоинства личности, которая на законном основании подвергается уголовному преследованию; 2) ответственность, предусмотренная нормами уголовного законодательства за преступления против таких личных прав человека, как честь и достоинство, – это часть общей охранительной системы, созданной государством для защиты неотделимых от личности благ.

§ 2. Защита против клеветы

Общественная опасность клеветы заключается в том, что она посягает на моральное здоровье общества, лежащее в основе государственной и общенациональной идеи. В силу этого государство не может быть пассивным в сфере правовой регламентации противодействия деяниям, связанным с распространением порочащих личность измышлений²²⁰.

Соотнесем типичные представления о чести и достоинстве, сформулированные в предыдущих частях монографии, с понятием «клевета» как одним из видов психического насилия над личностью.

Сведения, распространяемые при клевете, могут относиться к фактам поведения, проступкам гражданина, его оценке (характеристике), то есть свидетельствовать о совершении или несвершении им каких-то определенных действий, о наличии или отсутствии у него каких-либо моральных качеств. Сведения должны касаться фактов, а не представлять собой оценочных суждений.

Для состава преступления «клевета» не требуется высокой степени определенности, относительно полной детализации факта. Последний может как прямо указываться клеветником (например, ложное заявление, что К. берет взятки), так и косвенно содержаться в клеветническом измышлении (порочащий факт характеризуется общим образом, а не в деталях).

В состав клеветы входит распространение сведений об определенном ложном обстоятельстве. Оглашение несправедливого, оскорбительного и позорящего для потерпевшего мнения, не подкрепленного указанием на определенный факт, не включает в себе клеветы, и может рассматриваться как оскорбление. Объективная сторона клеветы выражается в распространении, «исключающем тайность для третьих лиц»²²¹, заведомо ложных сведений, то есть сведений, не соответствующих действительности, независимо от того, являются ли они результатом измышлений самого виновного

²²⁰ Прохорова М.Л., Индербиев Д.С. Законодательное описание основного и квалифицированных составов клеветы: перспективы совершенствования // Российский следователь. 2014. № 8. С. 19.

²²¹ Правовые средства защиты чести и достоинства сотрудников полиции: учеб. пособие / А.Н. Брагина [и др.]. Барнаул: Барнаульский юрид. ин-т МВД России, 2014. С. 92.

или основаны на слухах и сплетнях. Содержательное наполнение сведений должно свидетельствовать об их порочности, вследствие которой страдают честь и достоинство конкретной личности, которой надлежит обосновать, что эти сведения неблагоприятно отражаются на внутреннем мире потерпевшего, влияют на его социальную оценку в глазах окружающих.

Признаком сообщения при клевете является его временная определенность. Ложное сообщение при клевете должно быть о фактах, якобы имевших место в прошлом или существующих в настоящем. Сообщения о фактах, которые якобы могут наступить в будущем, состава клеветы не образуют. Данная точка зрения является господствующей в юридической литературе. Понятие «соответствие действительности» можно рассматривать в двух аспектах: во-первых, как соответствие сообщения о поступке, событии, действии тому, что происходило в действительности, то есть как правильность, объективность сообщения о фактах; во-вторых, как адекватность моральной оценки фактов. Следовательно, ложными являются придуманные сведения, в действительности не существующие, или не относящиеся к данному человеку факты, намеренное искажение истины.

Сведения, составляющие содержание клеветы, должны быть распространены. Закон не связывает распространение с каким-то определенным способом – они могут быть вербальными или невербальными. Распространение заключается в том, что ложные сведения, позорящие определенное лицо, сообщаются окружающим, при этом не обязательно, чтобы распространитель высказал свои слова публично или сообщил их многим, не имеет значения и то, получили ли клеветнические, то есть порочные и ложные, сведения дальнейшее распространение. Принципиальным моментом для наличия уголовно-правового состава клеветы является то, что распространяемое обстоятельство должно быть заведомо ложным, и у клеветника данный факт не вызывает сомнений. Кроме того, оно должно быть позорящим личность потерпевшего, противоречащим нормам морали либо нормам права²²².

Количество лиц, которым сообщены клеветнические сведения, не влияет на квалификацию деяния. Для наличия факта распространения необходимо сообщение заведомо ложных, порочащих сведений хотя бы одному лицу, кроме потерпевшего. При сообщении ложных, порочащих сведений лишь самому потерпевшему состава клеветы не образуется, так как отсутствует факт их распространения.

При клевете распространение позорящих сведений возможно лишь в отношении другого лица. Дискредитация своего собственного имени распространением о себе позорящих сведений в уголовно-правовом отношении будет безразличным деянием. Если клеветнические сведения, распространенные самим лицом о себе, при этом затрагивают честь и достоинство другого лица, то это деяние образует состав клеветы.

²²² Прохорова М.Л., Индербиев Д.С. Законодательное описание основного и квалифицированных составов клеветы: перспективы совершенствования. С. 21.

Если для распространения количество адресатов не имеет значения, то их качественный состав может полностью «аннулировать» факт самого распространения. Так, не будет распространением оглашение позорящих сведений в присутствии глухих, людей, не владеющих языком, на котором передаются сведения, малолетних детей или лиц, не способных осознать смысла оглашаемого, так как для окончательного состава клеветы необходимо, чтобы клеветнические измышления были не только услышаны, но и поняты третьими лицами. В связи с этим, как отмечено в литературе, к числу лиц, в присутствии которых возможно распространение позорящих сведений, не могут относиться малолетние, глухие, душевнобольные, лица, не владеющие языком распространяющего²²³.

Вопрос о малолетних лицах, в присутствии которых распространены порочащие сведения, является дискуссионным. А.Н. Брагина по этому поводу отмечает, что при оценке признака «распространения в присутствии малолетнего» необходим дифференцированный подход²²⁴.

Унижение чести и достоинства предполагает, что лицо ощущает изменение (или считает потенциально возможным изменение) общественного мнения о себе, что несет за собой угрозу дискредитации человека в общественном мнении или мнении отдельных граждан с точки зрения соблюдения законов, правил общежития и принципов морали.

Действие нормы о клевете, не содержащей квалифицирующих признаков, обеспечивается инициативой самого потерпевшего лица, и его последующая активная позиция играет ведущую роль в механизме защиты нарушенного права. Это дела частного обвинения²²⁵, ведущими признаками которых является инициативность потерпевшего от деяния и оперативность (не ранее 3 и не позднее 14 суток со дня поступления в суд заявления). Возбуждает дело о неквалифицированной клевете лицо, потерпевшее от клеветы, выступающее в роли частного обвинителя (ч. 7 ст. 318 УПК РФ). На этом лице как потерпевшем лежит бремя обвинения, цель которого убедить суд в том, что совершенное в отношении его деяние ущемляет его честь и достоинство.

Необходимыми условиями возбуждения дела являются два. Известность лица, совершившего преступление, потерпевшему. Отсутствие таких сведений означает, что обидчик неизвестен, преступление не раскрыто и судья раскрыть его не может и не должен. В этих случаях он выносит постановление об отказе в принятии заявления к производству и направляет его руководителю следственного органа или начальнику органа дознания

²²³ Цанева М.А. Уголовная ответственность за преступления против чести и достоинства граждан по советскому уголовному праву: дис. ... канд. юрид. наук. М., 1990. С. 55.

²²⁴ Правовые средства защиты чести и достоинства сотрудников полиции: учеб. пособие. С. 93.

²²⁵ В литературе этот процесс назван «вкраплением права частного в право публичное». См.: Кашанина Т.В. Частное право: учебник. 2013. Доступ из справ.-правовой системы «ГАРАНТ».

для решения вопроса о возбуждении уголовного дела в порядке публичного обвинения (ч. 4 ст. 20, ч. 1 ст. 319 УПК РФ), его расследования, раскрытия преступления и привлечения лица в качестве обвиняемого с последующим направлением уголовного дела с обвинительным актом судье. Вторым условием является то, что потерпевший не находится в зависимости от виновного, не находится в беспомощном состоянии и не подвержен действию никаких других причин, лишаящих его реальной возможности нести процессуальное бремя стороны в судебном состязании и защищать свои права и интересы.

При отсутствии этих условий следователь или дознаватель обязаны принять функцию уголовного преследования на себя и осуществлять ее в полном объеме от имени государства, независимо от волеизъявления и позиции потерпевшего (ч. 3 ст. 21 УПК РФ).

Все производство по делам частного обвинения от начала до конца осуществляется мировым судьей. Он разъясняет сторонам возможность примирения. В случае поступления от них заявлений о примирении производство по уголовному делу постановлением судьи прекращается. Если примирение между сторонами не достигнуто, мировой судья назначает рассмотрение уголовного дела в судебном заседании (ч. 5 и 6 ст. 319 УПК РФ).

При уголовно-правовом порядке защиты чести и достоинства действует принцип презумпции невиновности, согласно которому к ответственности за клевету может быть привлечено только то лицо, вина которого в распространении соответствующих сведений будет доказана непосредственно исследованными в судебном заседании доказательствами. Суды признают клеветой те сведения, которые обладают одновременно двумя признаками: объективным – заведомое несоответствие действительности распространенных сведений; субъективным – восприятие самим оклеветанным лицом этих сведений как порочащих его честь и достоинство.

Клевета, сопряженная с квалифицирующими обстоятельствами (ч. 2, 3 и 4 ст. 128.1 УК РФ) относится к делам публичного обвинения, так как уголовное преследование осуществляется не столько в интересах потерпевшего, сколько в интересах всего общества в целом. Преследование виновного в преступлении носит публичный характер, осуществляется органами государства и от имени государства. Движение уголовного дела публичного обвинения позицией сторон не связано.

Отказ в возбуждении уголовного дела по ст. 128.1 УК РФ, прекращение возбужденного уголовного дела, а также вынесение приговора не исключают возможности предъявления иска о защите чести и достоинства или деловой репутации в порядке гражданского судопроизводства.

Вернувшаяся в лоно УК РФ ст. 128. 1 состоит из пяти частей. Дополнительно включены два квалификационных состава. В ч. 2 ст. 128.1 УК РФ сформулирован состав клеветы, содержащейся в публичном выступлении, публично демонстрирующемся произведении или в средствах массовой информации.

§ 3. Защита чести и достоинства сотрудника ОВД с учетом его правового статуса по нормам УК РФ

Особенности статуса сотрудника органов внутренних дел как государственного служащего, представителя власти оказываются принципиально значимыми при наличии оснований полагать, что его нарушенные права на честь и достоинство подлежат защите уголовно-правовыми средствами. В истории этот вид защиты прав, именуемых «обида стражей, полицейских и иных с ними сравненных», назывался льготным видом оскорбления должностного лица, поскольку относился к числу посягательств против управления, при условии, что «обида» учинена во время исполнения должности оскорбленным²²⁶.

Включение в число уголовно наказуемых деяний за нарушение чести и достоинства публичных лиц, какими являются сотрудники органов внутренних дел, – это свидетельство признания того уровня общественной опасности таких деяний, при котором для восстановления нарушенных общественных отношений требуется использование соответствующих государственных сил и средств с более сложными правовыми последствиями для лиц, совершивших такие деяния. Применительно к заявленной теме исследования мы выделяем два таких состава: клевета в отношении судьи, присяжного заседателя, прокурора, следователя, лица, производящего дознание, судебного пристава» (ст. 298.1 УК РФ); оскорбление представителя власти (ст. 319 УК РФ).

Распространенность преступлений против чести, достоинства и деловой репутации сотрудников правоохранительных органов остается высокой²²⁷. Однако анализ правоприменительной практики указывает на то, что большая часть оскорблений представителя власти не преследуется по закону и число лиц, привлеченных к уголовной ответственности по ст. 319 УК РФ, не столь значительно. Одной из причин такого положения является тот факт, что данные преступления обладают высокой степенью искусственной латентности в силу трудностей раскрытия, расследования и квалификации данных преступлений. Многие потерпевшие не обращаются за защитой своих прав в силу неверия в возможность такой защиты и имеют стремление решить вопрос неправовыми средствами.

²²⁶ См.: Гл. 4 «О преступлениях и проступках против порядка управления» Уложения о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г. / Ганжа Ю.В. Ответственность за преступления против чести и достоинства личности по законодательству XIX – начала XX вв. // История государства и права. 2006. № 11.

²²⁷ Так, в рамках проведенного в 2013-2014 гг. анкетирования и интервьюирования сотрудников ОВД, прибывающих для обучения в ТИПК МВД России, было выявлено, что 43,5 % из них подвергались оскорблению 1-3 раза, 10,9 % – 3-5 раз, а 36,8 % – более 5 раз. Лиц, которые ни разу не подвергались оскорблению как представители власти, в опрошенной группе всего 6,8 %. В состав последней группы опрошенных входили сотрудники ОВД, деятельность которых напрямую не связана с раскрытием и расследованием преступлений, охраной общественного порядка.

В объективной стороне состава преступления, предусмотренного ст. 128.1 УК РФ, законодатель не указал на последствия в качестве обязательного признака преступления. Тем самым состав клеветы признан формальным. Преступление считается оконченным с момента, когда ложные, порочащие сведения стали известны хотя бы одному человеку. Для наличия состава преступления, в отличие от гражданско-правового деликта, административного правонарушения и уголовного деяния по ст. 128.1 УК РФ, не имеет значения, дошли ли указанные сведения до потерпевшего. Это предопределено тем фактом, что ст. 319 УК РФ установлена уголовная ответственность лишь за *публичное* оскорбление представителя власти, включенной в главу «Преступления против порядка управления». Родовым объектом преступлений против порядка управления выступают общественные отношения, обеспечивающие государственную власть как политическую публичную суверенную власть, управление обществом, осуществляемое государством в лице его специальных органов, именуемых государственным аппаратом. Видовым объектом данных преступлений являются общественные отношения в сфере управления (порядок управления), возникающие между членами общества, с одной стороны, и органами государственной власти и управления – с другой.

В настоящее время в науке уголовного права сложилось однозначное мнение о том, что преступление, предусмотренное ст. 319 УК РФ, является двухобъектным²²⁸. Основным объектом является нормальная законная деятельность органов государственной и местной власти²²⁹, а дополнительным – честь, достоинство и репутация представителя власти. Такое сочетание объектов в литературе объясняется следующим образом. «...Основной объект... более полно отражает сущностную характеристику совершаемого деяния, его социальную направленность. В защите именно этого объекта от посягательства и состоит цель законодателя при принятии уголовного закона. Второй объект является необходимым элементом... Наличие дополнительного объекта существенно повышает степень общественной опасности ...преступлений по сравнению с деяниями, посягающими на один объект...»²³⁰.

Нормальная деятельность органов власти – это складывающиеся между органами управления и гражданами отношения по поводу осуществления первыми распорядительных, административных функций и

²²⁸ Брагина А.Н. и др. Правовые средства защиты чести и достоинства сотрудников полиции: учеб. пособие. Барнаул: Барнаульский юрид. ин-т МВД России, 2014. С. 97; Киселев С.С. Уголовно-правовая охрана чести и достоинства сотрудников органов внутренних дел: дис. ... канд. юрид. наук. Омск, 2013. С. 76.

²²⁹ Как справедливо отмечено в литературе, «применительно к власти неприкосновенность – одна из важнейших гарантий статуса официальных лиц, выполнения ими своих обязанностей. См. об этом подробно: Баглай М.В. Конституционное право Российской Федерации. М., 1999. С. 179.

²³⁰ Курбанов М.М. Уголовно-правовая охрана субъектов уголовного процесса. Махачкала, 2001. С. 58.

подчиненности, обязательности исполнения дисциплины вторыми. Посягательства на порядок управления не только нарушают нормальную деятельность органов власти и управления, но и подрывают авторитет власти и ее представителей в глазах населения. К тому же подобного рода деяния нередко ставят под угрозу причинения вреда личной безопасности представителей власти, их жизни, здоровью, чести и достоинству, а также соответствующим благам их близких.

С объективной стороны преступления против порядка управления характеризуются активной формой поведения.

Объективная сторона преступления выражается в публичном оскорблении представителя власти при исполнении им своих должностных обязанностей или в связи с их исполнением, то есть в совершении действий, направленных на унижение чести, достоинства и репутации, выраженных в неприличной, т.е. противоречащей установленным правилам поведения, требованиям общечеловеческой морали, форме.

Под оскорблением в науке уголовного права понимается совершение действий или высказываний, направленных на умышленное унижение чести и умаление профессионального, служебного достоинства представителя власти. Унижение чести, достоинства и репутации нередко выражается в дискредитации человека путем отрицательной, издевательской оценки, подрыва его морального престижа как в глазах окружающих, так и в своих собственных глазах²³¹.

Дискредитация представителя власти может быть словесной (в устной или письменной форме) либо в форме того или иного действия – плевков, срывание одежды, непристойные телодвижения и т.п. Для объективной стороны правонарушения в виде оскорбления представителя власти необходимы три признака: а) публичное совершение действий; б) факт унижения чести и умаления достоинства; в) неприличная форма такого унижения или умаления.

Публичность деяния является признаком основного состава ст. 319 УК РФ. Публичное совершение преступления придает ему большую общественную опасность и практически всегда говорит об особой дерзости и решимости субъекта преступления. Как отмечал еще в 1927 г. А.Н. Трайнин, отграничение публичного и непубличного оскорбления представителя власти имеет весьма существенное значение для понимания природы деликта; оно определенно указывает, что, строго оценивая оскорбление представителя власти, закон в действительности ограждает не его будто бы квалифицированную честь, а лишь авторитет власти: именно поэтому оскорбление «с глазу на глаз», непубличное, следовательно, не роняющее авторитета власти в представлении третьих лиц, есть уже обычное оскорбление, влекущее за собой ответственность в общем порядке...»²³².

²³¹ Гражданское дело № 2-180/2013 от 9 апр. 2013 г. // Архив Ялуторовского районного суда Тюменской области за 2013 г.

²³² Трайнин А.Н. Уголовное право. Часть Особенная. М., 1927. С. 179.

Вопрос о том, что понимать под публичностью того или иного деяния и должно ли это понятие трактоваться одинаково для всех статей УК РФ и составов преступлений, где оно встречается, актуален и очень важен для правоприменительной практики²³³. При оценке признака публичности в правоприменении обращается внимание, прежде всего, на место совершения преступления и на присутствие в момент совершения оскорбления других лиц. При этом лица, находящиеся на месте совершения преступления, не должны быть сотрудниками правоохранительного органа. Как указано в одном из определений Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ, по смыслу уголовного закона публичными могут признаваться такие оскорбления, которые заведомо высказываются в присутствии многих лиц с целью либо нарушения нормальной деятельности органов власти, либо ущемления их авторитета, равно унижения чести и достоинства конкретного представителя власти²³⁴.

Достаточную сложность для судебной практики составляет установление именно неприличной формы унижения чести и достоинства конкретного лица. Под таким способом совершения преступления понимается действие виновного в грубой, циничной форме, противоречащей правилам поведения, принятым в обществе либо разделяемым большинством членов данного общества. Данная форма не согласуется с общепризнанными правилами поведения людей, она должна противоречить нравственным нормам в обществе, а не мировоззрению потерпевшего. Собственно, форма выражения оскорбления вызывает переживание у потерпевшего, обусловленное подрывом его самооценки, морального престижа в глазах окружающих, что негативно воздействует на психику лица²³⁵. Кроме того, неприличная форма дискредитации потерпевшего означает, что отрицательная оценка его личности дается в явно циничной, а потому резко противоречащей принятой в обществе манере общения между людьми. Это прежде всего нецензурные выражения, сравнение с одиозными историческими и литературными персонажами²³⁶, произнесение реплик, непристойных, аморальных выражений, влияющих на инкриминацию²³⁷.

Субъективная сторона клеветы и оскорбления представителя власти характеризуется одним признаком – виной, выраженной в форме прямого

²³³ Бажин Д.А. К вопросу о понимании публичности в уголовном праве // Российский юридический журнал. 2011. № 2. С. 162.

²³⁴ Определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 14 ноября 2006 г. № 11-Д05-103 // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2007. № 2.

²³⁵ Гертель Е. Оскорбление и клевета как виды психического насилия // Уголовное право. 2011. № 6. С. 12.

²³⁶ Согласно словарям, синонимом слова «непристойный» является слово «нецензурный», т.е. нецензурные выражения дают отрицательную оценку личности потерпевшего через употребление слов и выражений определенной семантической группы, не принятых в обществе, неуместных в большинстве ситуаций общения.

²³⁷ Шматова Е.С. Декриминализация оскорбления: правовой анализ // Российский следователь. 2013. № 15. С. 35.

умысла. Виновный осознает, что совершает в неприличной форме действия, унижающие честь, достоинство и репутацию представителя власти, и желает совершить эти действия. Но вопрос о субъективной стороне оскорбления является дискуссионным. Так, в связи с тем, что в новом УК РФ из состава оскорбления исключено указание на умышленный характер совершаемых действий, некоторые авторы полагают, что оскорбление может быть совершено и по неосторожности. Отсутствие в диспозиции указания на умышленный характер совершения преступления создает сложности при квалификации. Представляется, что этот момент должен быть учтен законодателем путем четкого определения формы вины в конструкции состава оскорбления.

В диспозиции норм о клевете и оскорблении, которые применяются и в случаях клеветы и оскорблений по отношению к сотрудникам органов внутренних дел, указывается, что посягательство на их права происходит в связи с исполнением ими как представителями власти своих должностных обязанностей. Как отмечено в литературе, употребление термина «в связи» имеет ряд трудностей, так как оборот «в связи» сложен для понимания, не ясно идет ли речь о цели, мотиве или имеется в виду объективное вменение преступнику этого факта²³⁸. По общему правилу, сложившемуся в теории уголовного права, наличие в диспозиции статьи специальной цели или мотива свидетельствует о том, что деяние может быть совершено только с прямым умыслом²³⁹.

Обращение к субъективной стороне оскорбления представителя власти позволяет увидеть, что достаточно частым мотивом совершения данного преступления является мотив хулиганский – необходимый признак субъективной стороны ряда преступлений. «Поскольку хулиганский мотив входит в характеристику одноименных действий, он не может не рассматриваться как обязательный элемент субъективной стороны данного преступления. Без хулиганского мотива не может быть хулиганских действий»²⁴⁰. Хулиганские действия, сопряженные с публичным оскорблением представителя власти при исполнении им служебных обязанностей по охране общественного порядка, охватываются ст. 213 УК РФ и дополнительной квалификации не требуют²⁴¹.

Субъектом оскорбления представителя власти в соответствии со ст. 319 УК РФ является вменяемое физическое лицо, достигшее возраста, установленного УК РФ. Унижая честь и достоинство человека вообще и

²³⁸ Проблемы реформы уголовного законодательства Российской Федерации: материалы конференции. М.: Академия МВД России, 1992. С. 45.

²³⁹ Никонов И.Е. Ответственность за преступления против лиц и их близких в связи с исполнением ими своей служебной деятельности или выполнением общественного долга: монография. М., 2008. С. 76.

²⁴⁰ Ворошилов Е.В., Кригер Г.А. Субъективная сторона преступлений. М.: Юрист, 1987. С. 43.

²⁴¹ Уголовное дело № 47244/2012 // Архив Сургутского районного суда Ханты-Мансийского автономного округа – Югры.

сотрудника органов внутренних дел в частности, лицо осознает социальное значение этих понятий. В случае, когда лицо, которое находится в состоянии невменяемости, а именно не осознает фактический характер и общественную опасность своих действий либо не может руководить ими, не способно понимать, что, выражая в отношении кого-нибудь унижительные действия или распространяя ложную информацию в отношении кого-либо, оно тем самым умаляет честь и достоинство определенных лиц²⁴². Таким образом, уголовная ответственность за унижение чести и достоинства сотрудников ОВД, совершенное невменяемым лицом, исключается.

Лица, совершившие оскорбление представителя власти в состоянии обычного физиологического опьянения, вызванного употреблением алкоголя, наркотиков и других одурманивающих веществ, признаются вменяемыми и подлежат уголовной ответственности на общих основаниях. Это не относится к случаям патологического опьянения, т.е. временного психического расстройства, вызванного хроническим алкоголизмом или наркоманией.

Большое влияние на определение медицинского критерия оказывает состояние аффекта. При совершении оскорбления представителя власти в состоянии физиологического аффекта, вызванного противоправными действиями потерпевшего, лицо признается вменяемым. В таком случае аффект является смягчающим вину обстоятельством. Не следует также забывать о патологическом аффекте, т.е. болезненном состоянии психики, когда лицо является невменяемым²⁴³.

Обязательным признаком субъекта оскорбления представителя власти является достижение установленного уголовным законом возраста. В соответствии со ст. 20 УК РФ уголовной ответственности подлежат лица, которым до совершения преступления исполнилось 16 лет. Суд обязан установить точно дату рождения таких лиц с помощью судебно-медицинской экспертизы²⁴⁴. Согласно ст. 20 УК РФ за преступление, предусмотренное ст. 319 УК РФ, ответственность наступает с 16 лет.

²⁴² Гарбатович Д.А. Необходимая оборона при защите чести, достоинства, половой свободы, права собственности: монография. М.: Юрлитинформ, 2012. С. 15.

²⁴³ Рудый Н.К. Квалификация оскорбления представителя власти // Мировой судья. 2007. № 12.

²⁴⁴ Бюллетень Верховного Суда СССР. 1987. № 1. С. 57.

§ 4. Разграничение преступлений против чести и достоинства сотрудников ОВД со смежными составами преступлений и иными правонарушениями

Как показывают результаты изучения судебной и следственной практики, наиболее сложными вопросами квалификации преступных посягательств на честь и достоинство личности является правильное определение критериев отграничения: 1) оскорбления от клеветы; 2) общих составов преступления от специальных; 3) «простых» преступлений (т.е. посягающих на один объект уголовно-правовой охраны, выраженных в одном действии или бездействии, совершенных с одной формой вины и т.д.) от сложносоставных.

Оскорбление представителей власти (ст. 319 УК РФ) наиболее часто конкурирует с неуважением к суду (ст. 297 УК РФ), клеветой в отношении судьи, присяжного заседателя, прокурора, следователя, лица, производящего дознание, судебного пристава (ст. 298.1 УК РФ), хулиганством (ст. 213 УК РФ), оскорблением военнослужащего (ст. 336 УК РФ), оскорблением (ст. 5.61 КоАП РФ), клеветой (ст. 128.1 УК РФ), а также возбуждением ненависти либо вражды, а равно унижением человеческого достоинства (ст. 282 УК РФ). Следовательно, одна из проблем, связанных с квалификацией преступлений, предусмотренных ст. 319 УК РФ, заключается в правильном отграничении данного состава преступления от других составов, также предусматривающих уголовную ответственность за посягательство на честь и достоинство, например посягающих на честь и достоинство участников судебного разбирательства и лиц, участвующих в отправлении правосудия (ст. 297 УК РФ).

В теории уголовного права существует точка зрения о том, что причинить вред основному объекту состава преступления, предусмотренного ст. 297 УК РФ, можно также в случае, когда оскорбление лицу, участвующему в отправлении правосудия, будет нанесено не только в судебном заседании. Так, по мнению А.С. Михлина, не требуется, чтобы оскорбление судье, присяжному заседателю или иному лицу, участвующему в отправлении правосудия, было нанесено в судебном заседании, важно лишь, чтобы оскорбление было связано со служебной (для присяжных заседателей – общественной) деятельностью соответствующего лица²⁴⁵. Ю.А. Красиков также указывает, что виновный стремится унижить честь и достоинство участника судебного разбирательства в связи с рассмотрением дел или материалов в суде, однако если оскорбление не будет связано с этой деятельностью, то содеянное следует квалифицировать по ст. 130 УК РФ²⁴⁶.

Термин «в связи» применяется по аналогии с оскорблением представителя власти, ответственность за оскорбление которого наступает по

²⁴⁵ Новый комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации / под ред. В.И. Радченко. М., 1996. С. 539.

²⁴⁶ Комментарий к Уголовному кодексу РФ. М., 2004. С. 759.

ст. 319 УК РФ. Представитель власти выполняет свои функции независимо от того, где он находится. Так, сотрудник полиции является представителем власти, даже будучи не на службе, поскольку в соответствии с п. 2 ст. 27 Закона о полиции независимо от места нахождения и времени суток он обязан оказывать первую помощь гражданам, пострадавшим от преступлений, административных правонарушений и несчастных случаев, а также гражданам, находящимся в беспомощном состоянии либо в состоянии, опасном для их жизни и здоровья.

В отличие от сотрудника полиции участники судебного разбирательства, судьи и иные лица, участвующие в отправлении правосудия, выполняют свои функции только в судебном заседании. Для причинения ущерба основному объекту состава преступления, предусмотренного ст. 297 УК РФ, необходимо, чтобы посягательство на этот объект было совершено непосредственно в процессе судебного заседания. Только в этом случае будет причинен ущерб общественным отношениям, обеспечивающим нормальное осуществление правосудия. Если оскорбление лицу, участвующему в отправлении правосудия, будет нанесено в другом месте, даже если это и связано с деятельностью лица по осуществлению правосудия и с рассмотрением конкретного дела, ущерб основному объекту, которым являются общественные отношения, обеспечивающие нормальное осуществление правосудия, не будет причинен. Общественные отношения по отправлению правосудия могут иметь место только при рассмотрении дел и материалов по существу в судебном заседании, так как согласно п. 50 ст. 5 УПК РФ судебное заседание – это процессуальная форма осуществления правосудия в ходе досудебного и судебного производства по делу. Оскорбление, нанесенное такому лицу вне судебного процесса, не наносит ущерба авторитету суда. По смыслу ст. 297 УК РФ ответственность за действия, унижающие честь и достоинство лиц, участвующих в отправлении правосудия, связывается с совершением их непосредственно в судебном заседании²⁴⁷. В случае совершения того же деяния вне официальной обстановки рассмотрения дел и материалов речь может идти только об ответственности по ст. 130 УК РФ²⁴⁸. Как утверждает А.С. Горелик, поскольку в ст. 297 УК РФ оскорбление рассматривается как форма неуважения к суду, данный состав преступления будет иметь место лишь в случае, когда оскорбление было нанесено во время судебного разбирательства. Оскорбление, связанное с отправлением правосудия, но нанесенное в другом месте (например, на почве мести после завершения уголовного процесса), квалифицируется по ст. 319 УК РФ (оскорбление представителя власти)²⁴⁹.

²⁴⁷ Бюллетень Верховного Суда РФ. 1994. № 2. С. 4.

²⁴⁸ Уголовный кодекс Российской Федерации: науч.-практ. комментарий / под ред. В.М. Лебедева. Варшава, 1997. С. 583.

²⁴⁹ Уголовное право России. Особенная часть / под ред. Л.Л. Кругликова. М., 2004. С. 685.

Л.В. Лобанова считает, что оскорбление участников судебного разбирательства, не участвующих в отправлении правосудия, может рассматриваться как неуважение к суду лишь в том случае, если оно имело место во время судебного заседания и было способно нарушить ход последнего²⁵⁰.

Как уже отмечалось выше, состав рассматриваемого преступления предполагает наличие двух непосредственных объектов, одним из которых являются правоотношения, возникающие в ходе отправления правосудия, другим – честь и достоинство лиц, участвующих в судебном разбирательстве. Однако оскорбление участника судебного разбирательства не в судебном заседании, а в каком-либо другом месте, хотя и совершенное в связи с рассмотрением дела или материала в суде, является посягательством только на один объект состава преступления – честь и достоинство лица, участвующего в судебном разбирательстве. Указанными действиями не нарушаются общественные отношения, возникающие в процессе отправления правосудия, поскольку оскорбление вне судебного заседания не может повредить основному объекту, существование которого невозможно вне судебного процесса²⁵¹.

Оскорбление представителя власти (ст. 319 УК РФ) существенно отличается от состава неуважения к суду по следующему ряду признаков.

1. Потерпевшие: ими, согласно ст. 297 УК РФ, признаются только суд, лица, участвующие в отправлении правосудия, и участники судебного разбирательства. По статье 319 УК РФ потерпевшими признаются любые представители власти, в том числе следователи, прокуроры, дознаватели, оперуполномоченные и др.

2. Место и время совершения преступления: неуважение к суду (ст. 297 УК РФ) проявляется, как правило, в зале судебного заседания или ином помещении суда (например, во время объявленного перерыва). Временем совершения этого преступления является весь период судебного разбирательства дела. По статье 319 УК РФ оскорбление представителя власти может быть совершено в любом месте и в любое время при исполнении или в связи с исполнением им своих должностных обязанностей (в период предварительного расследования, проверки сообщения о совершении преступления до возбуждения уголовного дела, в рамках ОРМ и т.д.). Например, это может быть и оскорбление следователя во внерабочее время, но в связи с расследованием им уголовного дела.

3. Публичность: неуважение к суду (ст. 297 УК РФ) как оскорбление конкретного лица может быть совершено и один на один, т.е. и непублично. По статье 319 УК РФ оскорбление представителя власти может быть совершено только публично, т.е. в присутствии третьих лиц.

Данные отличия (прежде всего, два первых) указывают на то, что сфера применения состава преступления «оскорбление представителя вла-

²⁵⁰ Горелик А.С., Лобанова Л.В. Преступления против правосудия. СПб., 2005. С. 140.

²⁵¹ Александров А.Н. Неуважение к суду: проблемы квалификации // Адвокатская практика. 2008. № 6. С. 55.

сти» (ст. 319 УК РФ) значительно шире, чем сфера применения состава «неуважение к суду» (ст. 297 УК РФ).

При отграничении клеветы (ст. 298.1 УК РФ) от оскорбления (ст. 319 УК РФ) учитывается такой обязательный признак первого деяния, как заведомая ложность распространяемых сведений. Оскорблением признается отрицательная оценка личности потерпевшего, имеющая обобщенный характер и унижающая его честь и достоинство. В случае, когда лицо добросовестно заблуждается относительно истинности распространяемых им сведений, но его высказывания носят оскорбительный характер, оно привлекается к уголовной ответственности не за клевету, а за оскорбление²⁵². Следовательно, отличие клеветы и оскорбления преимущественно заключается в характере действий виновного.

Если при оскорблении, давая оценку личности потерпевшего, виновное лицо злоупотребляет ее внешним выражением, то при клевете главным образом речь идет уже о содержании и сущности такой оценки. Таким образом, клевета при внешне допустимой форме обхождения с потерпевшим имеет указание на определенный порочащий факт. Оскорбление, наоборот, не зависит от соответствия действительности отрицательной оценке личности потерпевшего и представляет собой унижительное по форме обхождение с лицом²⁵³.

Кроме того, как уже было отмечено выше, различие оскорбления представителя власти от клеветы в отношении сотрудников органов внутренних дел проводится и по объекту посягательства, поскольку преступления расположены в разных главах УК РФ.

При клевете как основной объект страдают интересы правосудия и предварительного расследования, в то время как при оскорблении охраняется нормальная деятельность органов власти, которая может дискредитироваться в результате унижения чести и достоинства представителей власти.

В случае если оскорбление представителя власти совершается путем действия, оно требует отграничения от ст. 318 УК РФ (применение насилия в отношении представителя власти). Примером может служить нанесение пощечины, ею тоже причиняется физическая боль, но умысел виновного в данном случае направлен именно на унижение чести и достоинства представителя власти.

Разграничение в данном случае имеет место по дополнительному объекту (в ст. 319 УК РФ – честь и достоинство; в ст. 318 УК РФ – здоровье личности) и объективной стороне преступления (ст. 319 УК РФ – оскорбление; ст. 318 УК РФ – применение психического насилия к указанным лицам (ч. 1); применение физического насилия, не опасного для жиз-

²⁵² Киселев С.С. Уголовно-правовая охрана чести и достоинства сотрудников органов внутренних дел: дис. ... канд. юрид. наук. Омск, 2013. С. 113.

²⁵³ Добриева М.Д. Способы защиты чести и достоинства в Российской Федерации // Современное право. 2004. № 8. С. 19.

ни и здоровья (ч. 1); применение физического насилия, опасного для жизни и здоровья (ч. 2 ст. 318 УК РФ).

Публичное оскорбление представителя власти следует отличать от мелкого хулиганства (ст. 20.1 КоАП РФ). При мелком хулиганстве основным мотивом поведения лица является удовлетворение потребности в самоутверждении путем игнорирования достоинства других, как правило, незнакомых граждан. При оскорблении, предусмотренном ст. 319 УК РФ, умысел лица направлен на унижение чести и достоинства конкретного представителя власти, находящегося при исполнении своих служебных обязанностей либо в связи с их исполнением.

К представителям власти, наказание за оскорбление которых предусмотрено ст. 319 УК РФ, в данном случае не следует относить других работников органов власти, которые не наделены функциями власти и поэтому не считаются ее представителями, хотя и являются должностными лицами. Например, не является представителем власти главный бухгалтер прокуратуры области. Не являются представителями власти и должностные лица хозяйственных организаций (директора заводов, совхозов, председатели колхозов и др.). Соответственно, оскорбление должностных лиц, не являющихся представителями власти, хотя и совершенное при исполнении ими своих служебных обязанностей, не может квалифицироваться по ст. 319 УК РФ²⁵⁴.

Оскорбление представителя власти (ст. 319 УК РФ) необходимо отличать от такого преступления, как возбуждение ненависти либо вражды, а равно унижение человеческого достоинства (ст. 282 УК РФ). Отличие заключается в том, что деяния, описанные в диспозициях указанных статей, посягают на разные объекты уголовно-правовой охраны.

Объектом посягательства, предусмотренного ст. 282 УК РФ, выступают общественные отношения в сфере равноправия граждан независимо от их пола, языка, происхождения, рода занятий, национальной, расовой принадлежности или отношения к религии²⁵⁵. Кроме того, состав преступления, предусмотренный ст. 282 УК РФ, не предполагает обязательного наличия материального предмета или потерпевшего. Следовательно, при совершении данного преступления причинение вреда объекту преступления осуществляется путем воздействия на граждан – субъектов общественных отношений посредством доведения до них определенных сведений с целью, например, формирования у них негативного отношения к представителям той или иной социальной группы. Признание объединения социальной группой по смыслу ст. 282 УК РФ предполагает, что она (эта группа) вступает в определенную связь с другими участниками обще-

²⁵⁴ Векленко С., Сидорова И. Спорные вопросы отграничения оскорбления от смежных составов преступлений // Уголовное право. 2008. № 2. С. 43.

²⁵⁵ Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации (постатейный) / Г.Н. Борзенков [и др.]; отв. ред. В.М. Лебедев. 13-е изд., перераб. и доп. М.: Юрайт. 2013. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

ственных отношений либо способна вступать в такую связь²⁵⁶, в то время как посягательство на основной объект оскорбления представителя власти осуществляется через посягательство на права представителей власти.

Существенное отличие указанных составов заключается и в субъективной стороне, а именно в мотивационной составляющей. Как отмечает С.В. Борисов, при определении преступлений экстремистской направленности в качестве мотива последних следует указать именно ненависть, а не ее сочетание с враждой, которая, однако, может выступать в качестве желаемого результата, цели таких деяний, придавая им тем самым экстремистскую направленность, а также объективную способность существенно нарушать основы конституционного строя государства²⁵⁷.

²⁵⁶ Хлебушкин А. Установление признаков социальной группы при квалификации преступлений экстремистской направленности: теория и судебная практика // Уголовное право. 2013. № 6. С. 78.

²⁵⁷ Борисов С. Проблемы определения содержания и соотношения мотивов при квалификации преступлений экстремистской направленности // Уголовное право. 2013. № 6. С. 5.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

По итогам проведенного исследования авторами сделаны следующие основные выводы и предложения:

1. Анализ «предюрídических» основ понятий «честь» и «достоинство» позволяет увидеть, что они имеют широкую семантическую форму. Многозначность термина для строго юридических целей должна учитываться.

2. Для современной юриспруденции ценность личности, защита ее прав и свобод есть правовая аксиома. Моральные пределы, сопровождающие честь и достоинство в качестве естественного, данного по природе блага, обусловили появление такого юридического понятия, как «право на честь», которое неприкосновенно. Это право в равной мере гарантировано всем гражданам. Являясь по характеру правом личным и естественным, оно не предполагает специальной дифференциации в соответствии с личностями. Иное допускается лишь в порядке исключения из общих правил.

3. Использование понятия «честь» для целей морального нормирования поведения и, как следствие, для нравственной персонализации сотрудника органов внутренних дел и требований к его служебному поведению является иным случаем словоупотребления, не имеющим отношения к чести как нематериальному благу, которое надо защищать от посягательств. Речь идет о служебной зрелости сотрудника, освоении ценности служения государству, его позитивной социальной ориентации, гарантирующей осознание своего служебного долга и в конечном итоге о сознательном следовании нормам нравственности и морали при отправлении государственной службы.

4. Единое понятие «честь» для целей юридических не может и не должно подлежать расщеплению на виды. Существующее де факто деление чести на виды заключается в том, чтобы персонифицировать личность служащего, имеющего отношение к конкретному профессиональному сообществу, «связать» его поведение средствами моральными. Типология существующих юридических правил по защите чести в своей основе рассчитана на честь по природе (честь как благо), а не по приобретению (честь как обязанность следовать определенному стандарту поведения). Честь профессиональная (служебная) с позиций ее юридической защиты не может быть подчинена автономному механизму и подлежит защите по правилам чести общегражданской.

5. Для целей правореализации и правоприменения надлежит разграничивать не только понятия «честь» («достоинство») как сугубо этические категории, «право на честь и достоинство», «защита чести и достоинства», но и относительно автономное по отношению к ним понятие «увольнение со службы в связи с совершением проступка, порочащего честь и достоинство сотрудника полиции», оформляющее самостоятельное основание для увольнения. Это понятие сконструировано законодателем с использовани-

ем категорий этики, для строго определенной цели, продиктованной особым правовым статусом сотрудников и специальными правилами служебного поведения.

6. Совокупный законодательный анализ наличных норм, направленных на защиту чести и достоинства сотрудников органов внутренних дел, позволяет увидеть, что абсолютное их большинство ориентировано на общий порядок защиты прав сотрудников во всех видах юрисдикций. Исключением являются случаи выполнения лицом государственных обязанностей, которым гарантирована повышенная уголовно-правовая защита (ст. 298.1, 319 УК РФ).

7. К гражданско-правовой форме защиты государство адресует тогда, когда применение права публичного (административного и уголовного), не является обязательным в силу не столь тяжких для государственных интересов последствий. Цель такой защиты – реабилитация сотрудника, что достигается в первую очередь опровержением порочащих и не соответствующих действительности (ложных) сведений.

8. Включение в число уголовно наказуемых деяний нарушение чести и достоинства публичных лиц, какими являются сотрудники органов внутренних дел, – это свидетельство признания того уровня общественной опасности таких деяний, при котором для восстановления нарушенных общественных отношений требуется использование соответствующих государственных сил и средств.

Авторы монографии полагают, что их выводы и итоговые суждения в рамках исследованной тематики в полной мере соответствуют Основам государственной политики Российской Федерации в сфере развития правовой грамотности и правосознания граждан, утвержденным Президентом РФ 28 апреля 2011 года Пр-1168. Цель этого документа – довести до сознания всего общества и той его передовой части, которая именуется государственными служащими, факт того, что совершенствование законодательства Российской Федерации и практики его применения – это не конечная точка в деле повышения эффективности государственного и муниципального управления, правоохранительной деятельности, пресечения коррупции и исключения случаев подмены в бюрократических интересах демократических общественных целей и задач. Не менее важно обогатить сознание служащих верным и компетентным пониманием законодательного алгоритма соответствующей сферы правового регулирования. Применительно к сфере отношений по защите прав сотрудника органов внутренних дел авторы монографии искренне к этому стремились, рассчитывая, что их выводы будут неформальной помощью в верном понимании социальной ценности и назначения таких нематериальных благ, как честь и достоинство, и гарантированной со стороны государства защиты прав в отношении этих благ, а также при подготовке нового Кодекса профессиональной этики сотрудников органов внутренних дел, на создание которого МВД России как федеральный орган исполнительной власти ориентировано в соответствии с приказом МВД России от 31 октября 2013 г. № 833.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Нормативные правовые акты

Конституция Российской Федерации от 12 дек. 1993 г.: ред. от 5 февр. 2014 г. № 7-ФКЗ // Рос. газ. 1993. 25 дек.; Собр. законодательства Рос. Федерации. 2014. № 31. Ст. 4398.

Конвенция о защите прав человека и основных свобод от 4 нояб. 1950 г. // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2001. № 2.

Об Уполномоченном по правам человека в Российской Федерации: федер. конст. закон Рос. Федерации от 26 февр. 1997 г. № 1-ФКЗ: ред. от 23 мая 2015 г. № 4-ФКЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 1997. № 9. Ст. 1011; 2015. № 21. Ст. 2979.

О Конституционном Суде Российской Федерации: федер. конст. закон от 21 июля 1994 г. № 1-ФКЗ: ред. от 8 июня 2015 г. № 5-ФКЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 1994. № 13. Ст. 1447; 2015. № 24. Ст. 3362.

О ратификации Конвенции о защите прав человека и основных свобод и Протоколов к ней: федер. закон от 30 марта 1998 г. № 54-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 1998. № 14. Ст. 1514.

Международный пакт о гражданских и политических правах от 16 декабря 1966 года (вступил в силу 23 марта 1976 года) // Ведомости Верховного Совета СССР. 1976. № 17. ст. 291.

О прокуратуре Российской Федерации: федер. закон от 17 янв. 1992 г. № 2202-1: ред. от 5 окт. 2015 г. № 285-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 1995. № 47. Ст. 4472; 2015. № 41 (часть II). Ст. 5639.

Модельный закон «О полиции (милиции)»: пост. Межпарламентской Ассамблеи государств-участников СНГ от 7 дек. 2002 г. № 20-12 // Информационный бюллетень Межпарламентской Ассамблеи государств-участников Содружества Независимых Государств. 2003. № 30 (часть 2).

Модельный Уголовный кодекс для государств – участников СНГ: пост. Межпарламентской Ассамблеи государств – участников СНГ от 17 февр. 1996 г. Рекомендательный законодательный акт // Информационный бюллетень Межпарламентской Ассамблеи государств-участников Содружества Независимых Государств. 1997. № 10.

Модельный закон «О государственной защите судей, должностных лиц правоохранительных и контролирующих органов»: пост. Межпарламентской Ассамблеи государств-участников СНГ от 8 дек. 1998 г. № 12-9 // Информационный бюллетень Межпарламентской Ассамблеи государств-участников Содружества Независимых Государств. 1999. № 20.

О государственной защите судей, должностных лиц правоохранительных и контролирующих органов: федер. закон от 20 апр. 1995 г. № 45-ФЗ: ред. от 3 февр. 2014 г. № 7-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 1995. № 17. Ст. 1455; 2014. № 6. Ст. 558.

О государственной службе российского казачества: федер. закон от 5 дек. 2005 г. № 154-ФЗ: ред. от 24 нояб. 2014 г. № 363-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2005. № 50. Ст. 5245; 2014. № 48. Ст. 6644.

Об информации, информационных технологиях и о защите информации: федер. закон от 27 июля 2006 г.: ред. от 31 дек. 2014 г. № 531-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2006. № 31. Ч. 1. Ст. 3448; 2015. № 1. Ч. 1. Ст. 84.

О полиции: федер. закон от 7 февр. 2011 г. № 3-ФЗ: ред. от 13 июля 2015 г. № 248-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2011. № 7. Ст. 900; 2015. № 29. Ч. 1. Ст. 4374.

О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации: федер. закон от 7 дек. 2011 г. № 420-ФЗ: ред. от 28 дек. 2013 г. № 431-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2011. № 50. Ст. 7362; № 52. Ч. 1. Ст. 6996.

О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации: федер. закон от 28 июля 2012 г. № 141-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2012. № 31. Ст. 4330.

Гражданский кодекс Российской Федерации часть первая: федер. закон от 30 нояб. 1994 г. № 51-ФЗ: ред. от 13 июля 2015 г. № 268-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 1994. № 32. Ст. 3301; 2015. № 29. Ч. 1. Ст. 4394.

Гражданский кодекс Российской Федерации часть вторая: федер. закон от 26 янв. 1996 г. № 14-ФЗ: ред. от 29 июня 2015 г. № 210-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 1996. № 5. Ст. 410; 2015. № 27. Ст. 4001.

Гражданский кодекс Российской Федерации часть третья: федер. закон от 26 нояб. 2001 г. № 146-ФЗ: ред. от 5 мая 2014 г. № 124-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2001. № 49. Ст. 4552; 2014. № 19. Ст. 2329.

Гражданский кодекс Российской Федерации часть четвертая: федер. закон от 18 дек. 2006 г. № 230-ФЗ: ред. от 13 июля 2015 г. № 216-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2006. № 52. Ч. 1. Ст. 5496; 2015. № 29. Ч. 1. Ст. 4342.

Уголовный кодекс Российской Федерации: федер. закон от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ: ред. от 13 июля 2015 г. № 267-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 1996. № 25. Ст. 2954; 2015. № 29. Ст. 4393.

Гражданский процессуальный кодекс РФ: федер. закон от 14 нояб. 2002 г. № 138-ФЗ: ред. от 6 апреля 2015 г. № 82-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2002. № 46. Ст. 4532; 2015. № 14. Ст. 2022.

Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: федер. закон от 18 дек. 2001 г. № 174-ФЗ: ред. от 13 июля 2015 г. № 265-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2001. № 52. Ст. 4921; 2015. № 29. Ч. 1. Ст. 4391.

Кодекс административного судопроизводства Российской Федерации: федер. закон от 8 марта 2015 г. № 21-ФЗ: ред. от 29 июня 2015 г. № 190-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2015. № 10. Ст. 1391; 2015. № 27. Ст. 3981.

О системе государственной службы Российской Федерации: федер. закон от 27 мая 2003 г. № 58-ФЗ: ред. от 2 июля 2013 г. № 185-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2003. № 22. Ст. 2063; 2013. № 27. Ст. 3477.

О службе в органах внутренних дел и внесении изменений в отдельные законодательные акты: федер. закон от 30 нояб. 2011 г. № 342-ФЗ: ред. от 5 окт. 2015 г. № 285-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2011. № 49. Ч. 1. Ст. 7020; 2015. № 41. Ч. 2. Ст. 5639.

О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с совершенствованием правового регулирования в сфере средств массовой информации: федер. закон от 14 июня 2011 г. № 142-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2011. № 25. Ст. 3535.

О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с принятием Федерального закона «Об информации, информационных технологиях и о защите информации: федер. закон от 11 июля 2011 г. № 200-ФЗ: ред. от 13 июля 2015 г. № 225-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2011. № 29. Ст. 4291; 2015. № 29. Ч. 1. Ст. 4351.

О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях в связи с совершенствованием государственного управления в области противодействия коррупции: федер. закон от 4 мая 2011 г. № 97-ФЗ: ред. от 4 июня 2014 г. № 143-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2011. № 19. Ст. 2714; 2014. № 23. Ст. 2928.

О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с совершенствованием государственного управления в области противодействия коррупции: федер. закон от 21 нояб. 2011 г. № 329-ФЗ: ред. от 12 февр. 2015 г. № 16-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2011. № 48. Ст. 6730; 2011. № 48. Ст. 6730.

О внесении изменений в Уголовный кодекс РФ и отдельные законодательные акты РФ: федер. закон от 7 дек. 2011 г. № 420-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2015. № 7. Ст. 1022.

О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации: федер. закон от 28 июля 2012 г. № 141-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2012. № 31. Ст. 4330.

О мерах по совершенствованию деятельности органов внутренних дел Российской Федерации: указ Президента РФ от 24 дек. 2009 г. № 1468: ред. от 1 марта 2011 г. № 254 // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2009. № 52. Ч. 1. Ст. 6536; 2011. № 10. Ст. 1340.

Вопросы Министерства внутренних дел Российской Федерации: указ Президента РФ от 1 марта 2011 г. № 248: ред. от 12 сент. 2015 г. № 455 // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2011. № 10. Ст. 1334; 2015. № 37. Ст. 5129.

Вопросы организации полиции: указ Президента РФ от 1 марта 2011 г. № 250: ред. от 27 июня 2014 г. № 477 // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2011. № 10. Ст. 1336; 2014. № 26. Ч. 2. Ст. 3524.

О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года: указ Президента РФ от 12 мая 2009 г. № 537: ред. от 1 июля 2014 г. № 483 // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2009. № 20. Ст. 2444; 2014. № 27. Ст. 3754.

Об утверждении государственной программы Российской Федерации «Юстиция»: пост. Правительства РФ от 15 апр. 2014 г. № 312 // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2014. № 18. Ч. 2. Ст. 2158.

Об утверждении перечня категорий государственных и муниципальных служащих, подлежащих государственной защите: пост. Правительства РФ от 31 дек. 2004 г. № 900 // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2005. № 2. Ст. 158.

О порядке защиты сведений об осуществлении государственной защиты, предоставления таких сведений и осуществления мер безопасности в виде обеспечения конфиденциальности сведений о защищаемом лице: пост. Правительства РФ от 14 июля 2015 г. № 705 // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2015. № 29. Ч. 2. Ст. 4503.

Дисциплинарный устав органов внутренних дел Российской Федерации: указ Президента от 14 окт. 2012 г. № 1377: ред. от 1 июля 2014 г. № 483 // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2012. № 43. Ст. 5808; 2014. № 27. Ст. 3754.

О полномочиях должностных лиц системы МВД России по составлению протоколов об административных правонарушениях и административному задержанию: приказ МВД РФ от 5 мая 2012 г. № 403: ред. от 12 окт. 2015 г. № 969 // Бюллетень нормативных актов федеральных органов исполнительной власти. 2012. № 36; Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 29 окт. 2015 г.)

О некоторых вопросах назначения на должности в органах внутренних дел РФ и увольнения со службы сотрудников органов внутренних дел РФ: приказ МВД России от 30 нояб. 2012 г. № 1065: ред. от 15 дек. 2014 г. № 1109 // Рос. газ. 2013. 25 янв.; Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 20 янв. 2015 г.).

Об утверждении Порядка проведения служебной проверки в органах, организациях и подразделениях Министерства внутренних дел Российской Федерации: приказ МВД России от 26 марта 2013 г. № 161: ред. от 22 сент. 2015 г. № 903 // Рос. газ. 2013. 14 июня; Официальный интернет-портал пра-

вовой информации. URL: <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 26 окт. 2015 г.).

Уголовный кодекс РСФСР 1926 г. (утратил силу) // СУ РСФСР. 1926. № 80. Ст. 600.

Об утверждении Основ гражданского законодательства Союза ССР и союзных республик: Закон СССР от 8 дек. 1961 г. (утратил силу) // Ведомости Верховного Совета СССР. 1961. № 50. Ст. 525.

О милиции: федер. закон от 18 апр. 1991 г. № 1026-1 (утратил силу) // Ведомости Съезда народных депутатов РСФСР и Верховного Совета РСФСР от 22 апр. 1991. № 16. Ст. 503.

Об утверждении Положения о службе в органах внутренних дел Российской Федерации и текста Присяги сотрудника органов внутренних дел Российской Федерации: пост. Верховного Суда РФ от 23 дек. 1992 г. № 4202-І: с изменениями от 24 дек. 1993 г., 27 дек. 2000 г., 30 дек. 2001 г., 30 июня 2002 г., 22 авг., 29 дек. 2004 г., 1 апр. 2005 г., 2 марта, 1 дек. 2007 г., 25 дек. 2008 г., 24 июля 2009 г., 22 июля 2010 г., 7 февр. 2011 г.) (утратил силу) // Ведомости Съезда народных депутатов Рос. Федерации и Верховного Совета Рос. Федерации от 14 янв. 1993. № 2. Ст. 70.

Об объявлении решения коллегии МВД России от 29 октября 1993 г. № 5 КМ/1: приказ МВД России от 19 нояб. 1993 г. № 501. Приложение к приказу. Кодекс чести рядового и начальствующего состава органов внутренних дел Российской Федерации (утратил силу).

Об утверждении Кодекса профессиональной этики сотрудника органов внутренних дел Российской Федерации: приказ МВД России от 24 дек. 2008 № 1138 (утратил силу).

Судебные акты и иные материалы практики

Некоторые вопросы применения законодательства о компенсации морального вреда: пост. Пленума Верховного Суда РФ от 20 дек. 1994 г. № 10 // Бюллетень Верховного Суда Рос. Федерации. 1995. № 3.

О применении судами законодательства об ответственности за посягательство на жизнь, здоровье и достоинство работников милиции, народных дружинников, а также военнослужащих в связи с выполнением ими обязанностей по охране общественного порядка: пост. Пленума Верховного Суда СССР от 22 сент. 1989 г. № 9. Доступ из справ.-правовой системы «ГАРАНТ».

О судебной практике по делам о защите чести и достоинства граждан, а также деловой репутации граждан и юридических лиц: пост. Пленума Верховного Суда РФ от 24 февр. 2005 г. № 3 // Бюллетень Верховного Суда Рос. Федерации. 2005. № 4.

О судебной практике по делам о злоупотреблении должностными полномочиями и о превышении должностных полномочий: пост. Пленума

Верховного Суда РФ от 16 окт. 2010 г. № 19 // Бюллетень Верховного Суда Рос. Федерации. 2009. № 12.

О практике применения судами норм, регламентирующих участие потерпевшего в уголовном судопроизводстве: пост. Пленума Верховного Суда РФ от 29 июня 2010 г. № 17 // Бюллетень Верховного Суда Рос. Федерации. 2010. № 9.

О применении судами законодательства, регламентирующего основания и порядок освобождения от уголовной ответственности: пост. Пленума Верховного Суда РФ от 27 июня 2013 г. № 19 // Рос. газ. 2013. 5 июля.

О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации: пост. Пленума Верховного Суда РФ от 23 июня 2015 г. № 25 // Рос. газ. 2015. 30 июня.

Акты Конституционного Суда Российской Федерации

По делу о проверке конституционности положений пунктов 1,5 и 6 статьи 152 Гражданского кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина Е.В. Крылова: пост. Конституционного суда РФ от 9 июля 2013 г. № 18-П // Рос. газ. 2013. 19 июля.

Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Дубравина Николая Григорьевича на нарушение его конституционных прав пунктом 1 статьи 152 Гражданского кодекса Российской Федерации: определение Конституционного Суда РФ от 22 янв. 2014 г. № 12-О. Доступ из справ.-правовой системы «ГАРАНТ».

По делу о проверке конституционности пункта 7 части 3 статьи 82 Федерального закона «О службе в органах внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» в связи с жалобами граждан Д.А. Васина и И.С. Кравченко: пост. Конституционного Суда РФ от 11 нояб. 2014 г. № 29-П // Рос. газ. 2014. 21 нояб.

По делу о проверке конституционности положений статьи 159.4 Уголовного кодекса Российской Федерации в связи с запросом Салехардского городского суда Ямало-Ненецкого автономного округа: пост. Конституционного Суда РФ от 11 дек. 2014 г. № 32-П // Вестник Конституционного Суда Российской Федерации. 2015. № 2.

Акты Верховного Суда Российской Федерации

Некоторые вопросы применения законодательства о компенсации морального вреда: пост. Пленума Верховного Суда РФ от 20 дек. 1994 г. № 10: в ред. от 6 фев. 2007 г. // Рос. газ. 1995. 8 фев.; Бюллетень Верховного Суда РФ. 1997. № 1; 1998. № 3; 2007. № 5.

О судебной практике по делам о защите чести и достоинства граждан, а также деловой репутации граждан и юридических лиц: пост.

Пленума Верховного Суда РФ от 24 февр. 2005 г. № 3 // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2005. № 4.

О судебной практике по делам о злоупотреблении должностными полномочиями и о превышении должностных полномочий: пост. Пленума Верховного Суда РФ от 16 окт. 2010 г. № 19 // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2009. № 12.

О применении судами общей юрисдикции общепризнанных принципов и норм международного права и международных договоров Российской Федерации: пост. Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 10 окт. 2003 г. № 5 // Рос. газ. 2003. 2 дек.

О практике применения судами Закона Российской Федерации «О средствах массовой информации»: пост. Пленума Верховного Суда РФ от 15 июня 2010 г. № 16 // Рос. газ. 2010. 18 июня.

О практике применения судами норм, регламентирующих участие потерпевшего в уголовном судопроизводстве: пост. Пленума Верховного Суда РФ от 29 июня 2010 № 17 // Рос. газ. 2010. 7 июля.

Иные акты в сфере правореализации и правоприменения

Об утверждении Типового положения о комиссии органа, подразделения, учреждения системы Министерства внутренних дел Российской Федерации по служебной дисциплине и профессиональной этике: приказ МВД России от 27 июля 2009 г. № 579. Доступ из справ.-правовой системы «ГАРАНТ».

Типовой кодекс этики и служебного поведения государственных служащих Российской Федерации и муниципальных служащих // Официальные документы в образовании. 2011. № 36.

Вопросы организации защиты чести и достоинства, а также деловой репутации в системе МВД России: приказ МВД России от 2 окт. 2012 г. № 900. Документ опубликован не был. Доступ из справ.-правовой системы «ГАРАНТ».

О создании системы «горячей линии МВД России»: приказ МВД России от 22 авг. 2012 г. № 808 // Рос. газ. 2012. 21 сент.

Об организации научного обеспечения и применении положительного опыта в органах внутренних дел Российской Федерации и внутренних войсках МВД России: приказ МВД России от 18 марта 2013 г. № 150. Документ опубликован не был. Доступ из справ.-правовой системы «ГАРАНТ».

Иные официальные документы

Путин В.В. Послание Федеральному Собранию Российской Федерации: текст выступления Президента РФ В. Путина перед депутатами Федерального Собрания РФ в Кремле 25 апр. 2005 г. // Рос. газ. 2005. 26 апр.

Научные издания

Монографические издания

Авакьян С.А. Конституция России: природа, эволюция, современность. 2-е изд. М.: РЮИД. Сашко, 2000. 426 с.

Александров А.С., Бойков А.Д., Ведерникова О.Н. и др. Уголовное судопроизводство: теория и практика / под ред. Н.А. Колоколова. М.: Юрайт, 2015 г. 1038 с.

Алексеев С.С. Право: азбука-теория-философия: Опыт комплексного исследования. М.: Статут, 1999. 712 с.

Алексеев С.С. Право на пороге нового тысячелетия: Некоторые тенденции мирового правового развития – надежда и драма современной эпохи. М.: Статут, 2000. 256 с.

Андреев Ю.Н. Механизм гражданско-правовой защиты. М.: Норма: ИНФРА-М, 2010. 464 с.

Арямов А.А., Пономаренко В.С. Механизм уголовно-правовой защиты чести и достоинства. М.: Юрлитинформ, 2010. 376 с.

Барциц И.Н. Реформа государственного управления в России: правовой аспект. М.: Формула права, 2008. 508 с.

Борисов С.В., Жеребченко А.В. Возбуждение ненависти, вражды, унижение человеческого достоинства: проблемы установления и реализации уголовной ответственности: монография / отв. ред. С.В. Борисов. М.: Юриспруденция, 2015. 264 с.

Братусь С.Н. Предмет и система советского гражданского права. М.: Юрид. лит., 1963. 185 с.

Витрук Н.В. Общая теория правового положения личности. М.: Норма, 2008. 448 с.

Голубев К.И., Нарижний С.В. Компенсация морального вреда как способ защиты неимущественных благ личности. СПб.: Юридический Центр Пресс, 2001. 302 с.

Грибанов В.П. Охрана и защита гражданских прав. 2-е изд., стереотип. (Классика российской цивилистики). М.: Статут, 2001. 411 с.

Духовской М.В. Понятие клеветы, как преступления против чести частных лиц, по русскому праву. Ярославль: Типография Губернской Земской управы, 1873 г. Доступ из справ.-правовой системы «ГАРАНТ».

Кенни К. Основы уголовного права. М.: Изд-во Иностранной литературы, 1949. 651 с.

Кистяковский Б.А. Философия и социология права / сост. примеч., указ. В.В. Сапова. СПб.: РХГИ, 1999. 800 с.

Кондрат И.Н. Уголовная политика государства и нормативное правовое регулирование уголовно-процессуальных отношений: монография. М.: Юстицинформ, 2014. 208 с.

Кукушкин В.М. Полицейская деонтология. Социологический анализ зарубежных концепций. М.: Академия МВД России, 1994. 140 с.

Кукушкин В.М. Полицейская деонтология. М.: Академия управления МВД России, 2003.

Лейбо Ю.И., Толстопятенко Г.П., Экштайн К.А. Права и свободы человека и гражданина. М.: ЭКОМ, 2000. С. 176.

Лукашева Е.А. Человек, право, цивилизация: нормативно-ценностное измерение. М.: Норма, 2009. 384 с.

Малеина М.Н. Личные неимущественные права граждан: понятие, осуществление, защита. М.: Юрайт, 2000. 144 с.

Манукян В.И. Европейский Суд по правам человека: право, прецеденты, комментарии. М., 2007.

Матузов Н.И. Личность. Права. Демократия. Теоретические проблемы субъективного права. М., 1972.

Мейер Д.И. Русское гражданское право. М.: Статут, 1997. Ч. 1. (В серии «Классика российской цивилистики»).

Михайлова Е.В. Процессуальные формы защиты субъективных гражданских прав, свобод и законных интересов в Российской Федерации (судебные и несудебные): монография. М.: Проспект, 2015. Доступ из справ.-правовой системы «ГАРАНТ».

Ойзерман Т.И. Философия эпохи ранних буржуазных революций. М.: Наука, 1993. 584 с.

Оксамытный В.В. Общая теория государства и права М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2102. 511 с.

Осинцева А.В. Мотивационные механизмы личности: «двигатель» проступка сотрудника органов внутренних дел: монография. Германия: Изд-во LAP Lambert Academic Publishing, 2012. 220 с.

Покровский И.А. Основные проблемы гражданского права. М.: Статут, 1998. (В серии «Классика российской цивилистики»).

Понятие чести, достоинства и деловой репутации: спорные тексты СМИ и проблемы их анализа и оценки юристами и лингвистами / под ред. А.К. Симонова и М.В. Горбаневского. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Медия, 2004. 328 с.

Потапенко С.В. Диффамация и российская судебная практика в контексте опыта Европейского Суда по правам человека // Европейский Суд по правам человека и защита свободы слова в России: прецеденты, анализ, рекомендации. М., 2004. Т. 2.

Потапенко С.В. Диффамационное право: гражданско-правовой аспект. Абакан: Изд-во Хакасского гос. ун-та им. Н.Ф. Катанова, 2007. 204 с.

Саруханян А.Р. Преступления против порядка управления. Ставрополь, 2003.

Практика применения Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации: в 2 т. Т. 1 / под ред. В.М. Лебедева. 7-е изд., перераб. и доп.; М.: Юрайт, 2016.

Пронина М.Г., Романович А.И. Защита чести и достоинства гражданина: Гражданско-правовые средства. Минск, 1976.

Пудовочкин Ю.Е., Пирвагидов С.С. Понятие, принципы и источники уголовного права: сравнительно-правовой анализ законодательства России и стран Содружества Независимых Государств. СПб., 2003.

Развитие русского права во второй половине XIX – начале XX века. М.: Наука, 1997.

Розин Н.Н. Об оскорблении чести. Уголовно-юридическое исследование. Томск, 1907. (Общая часть. Опозорение. Томск: Тов-во «Печатня С.П. Яковлева», 1910. 467 с.).

Свинцова М. Противодействие диффамации по российскому гражданскому праву. М.: Юстицинформ, 2013. Доступ из справ.-правовой системы «ГАРАНТ».

Серков П.П. Административная ответственность в российском праве: современное осмысление и новые подходы: монография. М.: Норма; Инфра-М, 2012. 480 с.

Свинцова М. Противодействие диффамации по российскому гражданскому праву. М.: Юстицинформ, 2013. Доступ из справ.-правовой системы «ГАРАНТ».

Сизиков М.И. Становление центрального и столичного аппарата регулярной полиции России в первой четверти XVIII в. Государственный аппарат. Историко-правовые исследования. Свердловск, 1975.

Тарасов И.Т. Личное задержание как полицейская мера безопасности. Ярославль: Типография Г. Фальк, 1886. Ч. 2. Отд. 2.

Фельбигер И.И. О должностях человека и гражданина. СПб., 1783. Доступ из справ.-правовой системы «ГАРАНТ».

Стремоухов А.В. Правовая защита прав человека. М.: Норма, 2006. 352 с.

Супатаев М.А. К проблематике цивилизационного подхода к праву (очерки общей теории и практики): монография. М.: Юрлитинформ, 2012. 144 с.

Четвернин В.А. Современные концепции естественного права. М.: Наука, 1988. 144 с.

Диссертации, авторефераты диссертаций

Аюпов О.Ш. Защита деловой репутации юридического лица от диффамации в гражданском праве России: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Томск, 2013. 23 с.

Беспалов А.В. Честь, достоинство и деловая репутация как объекты гражданских прав: дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2004. 225 с.

Брагина А.Г. Уголовная ответственность за оскорбление представителя власти: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Красноярск, 2006. 25 с.

Вавилычева Т.Ю. Современные проблемы защиты чести и достоинства личности (уголовно-правовой и криминологический аспекты): автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2012. 23 с.

Власова О.В. Достоинство человека как нравственно-правовая ценность: общетеоретическое исследование: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Саратов, 2011. 93 с.

Гаскарова М.Л. Правовая защита чести и достоинства личности: вопросы теории: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 1999. 20 с.

Герасимова О.В. Конституционно-правовые гарантии охраны достоинства человека в Российской Федерации: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2001. 33 с.

Гончаренко В.Д. Право человека на свободу от пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения или наказания: теоретико-правовые аспекты: дис. ... канд. юрид. наук. Волгоград, 1999. 229 с.

Гурлев А.В. Право человека на достойную жизнь как основная ценность социального государства (теоретико-правовой аспект): автореф. дис. ... канд. юрид. наук. СПб, 2001.

Добриева М.Д. Честь, достоинство и деловая репутация как объект защиты в гражданском праве и процессе: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2004.

Закиров А.Ф. Уважение чести и достоинства личности – принцип российского уголовного процесса: дис. ... канд. юрид. наук. Ижевск, 2004. 44 с.

Киселев С.С. Уголовно-правовая охрана чести и достоинства сотрудников органов внутренних дел: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2013. 25 с.

Колоткина О.А. Право личности на безопасность: понятие и механизмы обеспечения в РФ: теоретико-правовое исследование: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2009. 26 с.

Матросова М.Е. Защита чести и достоинства сотрудников органов внутренних дел: уголовно-правовые и криминологические аспекты: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 1997. 23 с.

Морхат П.М. Взаимодействие правовых и моральных норм в сфере государственной службы России: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2003. 25 с.

Паладьев М.А. Конституционное право человека на честь и достоинство: основания, содержание, защита: дис. ... канд. юрид. наук. Самара, 2006. 219 с.

Рыбаков О.Ю. Российская правовая политика в сфере защиты прав и свобод личности: вопросы теории: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Саратов, 2005. 85 с.

Самородов Д.А. Честь и достоинство по российскому гражданскому праву: социальные основы и правовая характеристика: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2005. 179 с.

Сидоров В.А. Право на защиту чести и достоинства: соотношение права и морали: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2003. 175 с.

Ткаченко В.С. Уголовно-правовая охрана личности сотрудников правоохранительных органов, обеспечивающих общественный порядок и общественную безопасность: дис. ... канд. юрид. наук. М., 1998. 180 с.

Шрамченко А.В. Уголовно-правовая защита сотрудников милиции при исполнении ими служебных обязанностей: дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 2004. 215 с.

Цой Н.А. Ответственность за преступления против чести, достоинства и деловой репутации человека и гражданина по уголовному законодательству Республики Казахстан: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2011. 180 с.

Юсипова И.В. Право и язык в механизме обеспечения прав человека: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Владивосток, 2008. 25 с.

Комментарии законодательства

Барсуков С.И., Борисов А.Н. Комментарий к Федеральному закону от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ «О полиции» (постатейный). М.: Деловой двор, 2011.

Воскресенский Н. А. Законодательные акты Петра I. М.; Л.: АН СССР, 1945. Т. 1.

Договор о функционировании Европейского Союза (Рим, 25 марта 1957 г.) в ред. Лиссабонского договора // Европейский Союз: Основопологающие акты в редакции Лиссабонского договора с комментариями / отв. ред. С.Ю. Кашкин. М.: ИНФРА-М, 2010. С. 211-390.

Конституции государств Европейского Союза. М.: ИНФРА-М: НОРМА, 1997.

Конституции государств Центральной и Восточной Европы. М.: МОНФ, 1997. 578 с.

Липатов Э.Г. и др. Комментарий к Федеральному закону «О системе государственной службы Российской Федерации». М.: Ось-89, 2007. 256 с.

Основные законодательные акты, касающиеся высших государственных учреждений в России XVIII и первой четверти XIX вв. М.: Н.Н. Ключков, 1909. 98 с.

Права человека. Основные международные документы. М.: Междунар. отношения, 1990.

Российское законодательство X-XX веков: в 9 т. / под ред. Е.И. Индова. М.: Юрид. лит., 1987.

Тихомирова Л.В., Тихомиров М.Ю. Компенсация морального вреда: комментарии, судебная практика и образцы документов / под ред. М.Ю. Тихомирова. М.: Изд. Тихомирова М.Ю., 2011.

Французский гражданский кодекс 1804 года. С позднейшими изменениями до 1939 г. М.: Юриздат НКЮ СССР, 1941. 471 с.

Материалы периодической печати, статьи в сборниках, тезисы конференций

Арановский К.В., Князев С.Д., Хохлов Е.Б. О правах человека и социальных правах // Сравнительное конституционное обозрение. 2012. № 4. С. 61-91.

Аратова А.А. Квалификация оскорбления // Административное право и процесс. 2012. № 11. С. 58-62.

Арямов А.А. Мифологизация институтов чести, достоинства и деловой репутации // Известия высших учебных заведений. Уральский регион. 2010. № 2. С. 78-81.

Бавсун М.В., Векленко В.В. Идеологические основы уголовно-правового воздействия // Российский юридический журнал. 2013. № 5. С. 131-138.

Белов В.А. Когда говорит право... // Закон. 2013. С. 75-87.

Василенко А.И. Права государственных служащих как основа их правового статуса по российскому законодательству // Юридический мир. 2009. № 1. С. 32-35.

Векленко С., Сидорова И. Спорные вопросы отграничения оскорбления от смежных составов преступлений // Уголовное право. 2008. № 2. С. 43-52.

Винавер А.М. На грани уголовной и гражданской неправды (материалы к предстоящему пересмотру Гражданского кодекса РСФСР) // Уч. зап. Казанского государственного университета. 1929. Кн. 2 / Антология уральской цивилистики. 1925-1989: сб. статей. М.: Статут, 2001. С. 80.

Виндель П.А. Значение Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод в сфере частного права // Закон. 2015. № 4. С. 98-106.

Володина А.Н. Применение судами статьи 10 Европейской конвенции и принципов, выработанных Европейским Судом по правам человека при рассмотрении дел о защите чести и достоинства граждан, а также деловой репутации граждан и юридических лиц // Российская юстиция. 2006. № 10. С. 48-56.

Гаврилов Е.В. Гражданско-правовая диффамация как гражданско-правовое нарушение // Подготовка доклада о состоянии прав человека в Российской Федерации и зарубежных странах. М.: Юрист, 2010. С. 121-128.

Гаврилов Е.В. Опровержение не соответствующих действительности порочащих сведений как способ защиты чести, достоинства и деловой репутации // Законодательство и экономика. 2012. № 9. С. 46-51.

Генкин Д.М. Предмет советского гражданского права // Советское государство и право. 1939. № 4. С. 37-45.

Гертель Е.В. Оскорбление и клевета как виды психического насилия // Уголовное право. 2011. № 6. С. 10-14.

Гуров А.А. Оперативные данные и диффамация // Адвокатская практика. 2005. № 5. С. 43-46.

Ерофеева Е.А. Проблемы защиты чести, достоинства, деловой (профессиональной) репутации в системе МВД России // Общество и право. 2014. № 3 (49). С. 67-68.

Ершов О.Г., Карпов К.В., Щевровский А.Н. О компенсации морального вреда, причиненного преступлением в результате посягательства на неимущественные права граждан // Гражданин и право. 2013. № 3. С. 13-16.

Жирова М.Ю. Ложность сведений как элемент предмета доказывания по делам о клевете (уголовно-наказуемой диффамации) в контексте опыта Европейского Суда по правам человека // Юридический аналитический журнал. 2009. № 1 (25). С. 45-52.

Измestyева-Кунц А.А. Диффамация и способы защиты от нее в дореволюционном гражданском праве // Российский судья. 2010. № 1. С. 31-34.

Индербердиев Д.С. Криминализация деяний, связанных с распространением порочащих личность измышлений в законодательстве России до 1917 г. // Российский следователь. 2014. № 4. С. 13-16.

Красавчикова Л.О. Перспективы и проблемы в регулировании личных неимущественных отношений по новому ГК РФ // Цивилистические записки: межвуз. сб. науч. трудов. М.: Статут, 2001. С. 50-63.

Кривошеков Н.В. Защита чести и достоинства сотрудников правоохранительных органов уголовно-процессуальными средствами // Противодействие применению насилия в отношении сотрудников правоохранительных органов и обеспечение их правовой защиты: материалы междунар. науч.-практ. конф., Тюмень, 10 апр. 2013 г. / ТИПК МВД России. Тюмень, 2013. С. 81.

Критика теории «хозяйственного права»: сб. статей. М.: Статут, 2000. С. 157-329.

Комиссарова Е.Г., Боуш К.С., Шатилович С.Н. Эволюция этического компонента в служебно-трудовом статусе сотрудника органов внутренних дел // Вестник Дальневосточного юридического института МВД России. 2015. № 2 (31). С. 95-102.

Комиссарова Е.Г. Этический аспект в реформе органов внутренних дел Российской Федерации // Вестник Тюменского института повышения квалификации сотрудников МВД России. 2015. № 4. С. 147-153.

Красавчикова Л.О. Перспективы и проблемы в регулировании личных неимущественных отношений по новому ГК РФ // Цивилистические записки: межвуз. сб. науч. трудов. М.: Статут, 2001. С. 52-53.

Колодкин Л.М. Свод нормативной этики правоохранительной деятельности. Кодекс чести рядового и начальствующего состава органов внутренних дел России // Мораль и догма юриста: профессиональная юридическая этика: сб. науч. статей. М.: Эксмо, 2008. С. 240-251.

Командирова Т.Г. Правовые гарантии безопасности личности в России // Вестник Саратовской государственной юридической академии. (92). 2013. № 3. С. 45-53.

Крылатова Н.В., Хахамова О.Ю. Особенности защиты чести и достоинства сотрудников полиции в Российской Федерации // Инновации в науке. 2013. № 25. С. 32-38.

Кусов Г.В. Судебная лингвистическая экспертиза «оскорбления»: развитие современной теории и практики // Российский судья. 2011. № 9. С. 15-19.

Марченко С.В. Базовые понятия чести, достоинства и деловой репутации как объектов гражданских прав // Юрист. 2004. № 8. С. 29-33.

Малеина М.Н. Защита чести и деловой репутации неопределенного круга лиц // Вестник гражданского права. 2010. № 1. Т. 10. С. 173-180.

Мещерякова Т.Р. Административная ответственность за оскорбление // Административное право и процесс. М.: Юрист. 2014. № 2. С. 46-52.

Михайлова И.А. Личные неимущественные права и нематериальные блага: традиционное понимание и новые подходы // Законы России: опыт, анализ, практика. 2012. № 4. С. 3-9.

Михалевич Е.В. Опровержение и ответ как внесудебные способы защиты чести, достоинства и деловой репутации общественных и политических деятелей // Юридический мир. 2013. № 4. С. 54-57.

Невинский В.В. Достоинство человека: от философско-правовой идеи к конституционному принципу современного государства (К 50-летию Всеобщей декларации прав человека) // Государство и право. 1999. № 10. С. 120-121.

Нуркаева Т.Н. Отечественное и зарубежное уголовное законодательство об охране чести и достоинства личности // Законодательство. 2014. № 6. С. 76-79.

Осипова С.В. Особенности регулирования личных неимущественных прав в сфере наемного труда // Законы России: опыт, анализ, практика. 2012. № 4. С. 24-28.

Покровский И.А. Абстрактный и конкретный человек перед лицом гражданского права // Вестник гражданского права. № 4. СПб.: М.М. Винавер, 1913. С. 30-50.

Покровский И.А. Право на честь // Вестник гражданского права. 1916. № 4. С. 48-53.

Рудый Н.К. Соотношение гражданско-правовой и уголовно-правовой ответственности за посягательства на честь, достоинство и репутацию // Юрист. 2002. № 11. С. 11-17.

Самородов Д.А. Достоверная диффамация и гражданско-правовая ответственность за нее // Юрист. 2001. № 8. С. 17-19.

Семякин М.Н. Философская рефлексия гражданского (частного) права: продолжение старых традиций или новый цивилистический концепт? // Российский юридический журнал. 2013. № 1. С. 56-65.

Смирнова А.А. Диффамация как злоупотребление свободой слова и информации (конституционно-правовой аспект) // Конституционное и муниципальное право. 2007. № 9. С. 8-13.

Стандарты Европейского Суда по правам человека и российская правоприменительная практика: сб. аналитических статей / под ред. М.Р. Воскобитовой. М.: Анахарсис, 2005. С. 365-373.

Субботина Е.В. Способы защиты от злоупотребления свободой слова в сети Интернет // Вестник МГТУ им. Г.И. Носова. 2012. № 4. С. 99-103.

Тихонов А.К. Сущность категории личной безопасности и ее соотношение с категориями чести и достоинства // Правоведение. 1998. № 1. С. 124-127.

Умнова И.А., Попова С.П. Безопасность личности как объект правовой защиты: место среди других видов безопасности и состояние правового регулирования в современный период // Право и безопасность. № 2 (39). 2011. С. 95-102.

Федорова О. Увольнение за несоответствие корпоративной культуре в сфере наемного труда // Трудовое право. 2014. № 8. С. 29-37.

Хованская А.В. Достоинство человека: международный опыт правового понимания // Государство и право. 2002. № 3. С. 48-54.

Шабанов Д.С. Понятие диффамации // Вектор ТГУ. 2010. № 3 (3). С. 224-226.

Шварц Г. Диффамация и демократия // Российский юридический журнал. 1997. № 2. С. 114-118.

Чутов А. Распространение порочащих сведений: диффамация // Законы России: опыт, анализ, практика. 2008. № 8. С. 75-77.

Эрделевский А. Диффамация // Законность. 1998. № 12. С. 11-15.

Учебные издания

Алехин А.П., Кармолицкий А.А., Козлов Ю.М. Административное право Российской Федерации: учебник. М.: Зерцало, 1996. 540 с.

Безруков А.В. Конституционное право России: учеб. пособие. 3-е изд., перераб. и доп. М.: Юстицинформ, 2015. 304 с.

Белов В.А. Гражданское право: в 4 т. Т. III. Особенная часть. Абсолютные гражданско-правовые формы: в 2 кн. Кн. 2. Права исключитель-

ные, личные и наследственные: учебник для академического бакалавриата и магистратуры. М.: Юрайт, 2015. 443 с.

Беспалов Ю.Ф., Гордеюк Д.В. Гражданский иск в уголовном судопроизводстве: учеб.-практ. пособие. М.: Проспект, 2015. 176 с.

Международная и внутригосударственная защита прав человека: учебник / под ред. Р.М. Валеева. М.: Статут, 2011. 830 с.

Права человека: учебник для вузов / отв. ред. Е.А. Лукашева. М., 2009.

Правовые средства защиты чести и достоинства сотрудников полиции: учеб. пособие / А.Н. Брагина [и др.]. Барнаул: Барнаульский юрид. ин-т МВД России, 2014. 134 с.

Предупреждение преступлений и административных правонарушений: учеб. пособие. Тюмень: Тюменский юрид. ин-т МВД России, 2012. С. 40.

Сборник материалов по истории социалистического уголовного законодательства (1917-1937 гг.): учеб. пособие. М.: Юрид. изд-во НКЮ СССР, 1938. 371 с.

Трубников П.Я. Судебное разбирательство гражданских дел отдельных категорий. М.: Былина, 1996. 240 с.

Уголовное право России. Особенная часть: учебник / под ред. Ф.Р. Сундурова, М.В. Талан. М.: Статут, 2012. 943 с.

УК РСФСР 1922 г. // Сборник документов по истории уголовного законодательства СССР и РСФСР. 1917-1952 гг. М.: Госюриздат, 1953. 463 с.

Шершеневич Г.Ф. Учебник русского гражданского права. М.: Издание бр. Башмаковых, 1911. 858 с.

Справочные издания

Авакьян С.А. Конституционный лексикон: государственно-правовой терминологический словарь. М: Юстицинформ, 2015. 640 с.

Большой юридический словарь / под ред. А.Я. Сухарева. 3-е изд., доп. и перераб. М.: ИНФРА-М, 2009. 858 с.

Глобалистика: Энциклопедия. М.: Радуга, 2003.

Ильясов С.Г., Кудрявцев А.В., Сергун П.П. Государственная служба в органах внутренних дел: справочник. М.: Право и закон, 1996.

Новый латинско-русский и русско-латинский словарь. 100 000 слов и словосочетаний. М.: Дом славянской книги, 2011.

Ожегов С.И. Словарь русского языка. М.: Русский язык, 1990.

Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. М., АЗЪ, 1996.

Словарь практического психолога / сост. С.Ю. Головин. Минск: Харвест, 1997.

Словарь синонимов русского языка / под ред. Л.А. Чешко. М.: Советская энциклопедия, 1971.

Уложение о наказаниях уголовных исправительных // Энциклопедия Брокгауза и Ефрона. СПб., 1890-1907.

Интернет-ресурсы

Российское агентство правовой и судебной информации. URL: <http://rapsinews.ru>. Заглавие с экрана.

Официальный сайт Института прав человека. URL: <http://www.hrights.ru>. Заглавие с экрана.

Официальный сайт Верховного Суда РФ. URL: <http://www.vsrf.ru>. Заглавие с экрана.

Научное издание

**Комиссарова Елена Генриховна,
Боуш Ксения Сергеевна,
Доцкевич Максим Владимирович и др.**

**ЗАЩИТА ЧЕСТИ И ДОСТОИНСТВА СОТРУДНИКОВ
ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ: СОЦИАЛЬНО-ПРАВОВЫЕ
И ИДЕОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ**

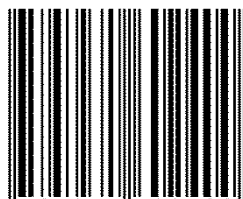
Монография

Корректурa *Е.А. Пыжова*
Верстка и техническое редактирование *Е.К. Булатова*
Тиражирование *Г.А. Щукина*

Подписано в печать 25.10.2016. Формат 60х84/16.
Уч.-изд. л. 7,8. Заказ № 102.
Тираж 100 экз. Цена свободная.

Научно-исследовательский и редакционно-издательский отдел
Тюменского института повышения
квалификации сотрудников МВД России
625049, г. Тюмень, ул. Амурская, 75.

ISBN 978-5-93160-240-0

9 785931 602400